

Российская академия наук
Сибирское отделение
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ

Серия: Филология

№ 4, 2006 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Васильева Г.М.</i> Образ текста-тканя в «Фаусте» И.В. Гете	3
<i>Стенина В.Ф.</i> «Петербургский текст» в эпистолярной прозе А.П. Чехова	6
<i>Синкина Е.В.</i> Архитектурность пейзажей в лирике Д.С. Мережковского	9
<i>Бережная Е.П.</i> Онегинский слой в «Проблеме стихотворного языка» Ю.Н. Тынянова (часть первая)	11
<i>Бологова М.А.</i> «Марк-твенковский текст» в рассказах А. Эппеля: интерпретация через метафору	15
<i>Адам Е.А., Разумова Н.Е.</i> О некоторых трудностях перевода чеховской драмы	19

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Буторин С.С.</i> О фрустративном компоненте семантики частицы <i>kaj</i> в кетском языке	23
<i>Мальцева А.А.</i> Отрицательно-целевые конструкции в чукотско-корякских языках	28
<i>Левин Г.Г.</i> Графические и орфографические особенности рунических текстов орхонских памятников	35
<i>Кошкарёва Н.Б.</i> Глагольные безличные предложения в составе функционально-семантического поля статальности русского языка	40
<i>Болотина Ю.Н.</i> Модели элементарных простых предложений русского языка со значением местонахождения, построенные по структурной схеме $N_j \Leftrightarrow V_f \rightarrow N_q$	45
<i>Кузнецова Е.С.</i> Русские предложения с модусными глаголами передачи информации	51
<i>Сорокина Е.Н.</i> О структуре и семантике предложений с модусными предикатами <i>заслуживать</i> и <i>стоять</i>	56

ФОЛЬКЛОР

<i>Чтстобаева Н.С.</i> Своеобразие типических мест героического эпоса хакасов (на примере мотивировки выезда богатыря из дома)	60
<i>Юша Ж.М.</i> Поэтика тувинского обрядового фольклора	64
<i>Миндибекова В.В.</i> Текстуальные особенности хакасских мифов	70
<i>Лиморенко Ю.В.</i> Специфика задач переводчика фольклорного текста	72
<i>Сагалаев К.А.</i> Принципы создания видеоприложения к томам серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока»	77
<i>Петрова С.И.</i> Архаическое мировосприятие народа саха, отраженное в семантике свадебного костюма невесты	79

РЕЦЕНЗИИ И СООБЩЕНИЯ

<i>Непомнящих Н.Н.</i> Обзор новых книг о творчестве Л.М. Леонова	82
<i>Кузьмина Е.Н.</i> Рецензия на книгу: Бабуев С.С., Бальжинимасва Ц.Ц. Тематический словарь традиционного быта бурят	84
Ежегодная региональная научная конференция молодых ученых	85
<i>Аннотации</i>	87
<i>Summary</i>	90

**ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ»**

Издается с января 1994 г.
Выходит четыре раза в год

У ч р е д и т е л и: **Сибирское отделение РАН;**
Объединенный институт истории, филологии и философии СО РАН

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Чл.-кор. РАН *В.А. Ламин* (председатель совета, Новосибирск), чл.-кор. РАН *Б.В. Базаров* (Улан-Удэ), чл.-кор. РАН *В.И. Бойко* (Новосибирск), канд. ист. наук *Н.М. Екеева* (Горно-Алтайск), д-р техн. наук *Б.С. Елепов* (Новосибирск), канд. ист. наук *В.Д. Март-оол* (Кызыл), д-р филол. наук *Л.Г. Панин* (Новосибирск), академик РАН *Н.Н. Покровский* (Новосибирск), д-р филол. наук *В.А. Роббек* (Якутск), чл.-кор. РАН *Е.К. Ромодановская* (Новосибирск), д-р ист. наук *Н.А. Томилов* (Омск), д-р ист. наук *В.Н. Тугуужекова* (Абакан), д-р филос. наук *В.В. Целищев* (Новосибирск)

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор д-р ист. наук *В.А. Ильиных*
Ответственный секретарь канд. ист. наук *Н.Н. Аблажсей*

Д-р ист. наук *Н.А. Алексеев*, чл.-кор. РАН *А.Е. Аникин*, канд. филол. наук *Э.А. Бальбуров*, д-р ист. наук *А.В. Бауло* (зам. гл. редактора), д-р филол. наук *Б.В. Болдырев*, д-р ист. наук *Ф.Ф. Болонев*, д-р ист. наук *С.С. Букин*, д-р ист. наук *В.П. Горан* (зам. гл. редактора), д-р филос. наук *А.А. Гордиенко*, д-р ист. наук *Н.С. Гурьянова*, д-р филос. наук *В.Н. Карпович*, д-р ист. наук *С.А. Красильников*, д-р филол. наук *Е.Н. Кузьмина*, д-р ист. наук *В.Е. Ларичев*, канд. филол. наук *А.А. Мальцева*, д-р филос. наук *Ю.В. Попков*, д-р ист. наук *А.Л. Посадсков*, канд. филол. наук *Е.Н. Проскурина*, д-р ист. наук *Д.Я. Резун*, д-р филос. наук *А.Л. Симанов*, д-р юр. наук *А.В. Цихоцкий*, д-р ист. наук *М.В. Шиловский*, д-р филол. наук *Н.Н. Широкова* (зам. гл. редактора), д-р ист. наук *В.И. Шишкин* (зам. гл. редактора)

А д р е с р е д а к ц и и: 630090 Новосибирск, ул. Николаева, 8,
Объединенный институт истории, филологии и философии
СО РАН, к. 301, тел. 333–24–37. <http://www-psb.ad-sbras.nsc.ru>
ablazhey@history.nsc.ru
З а в. р е д а к ц и е й *Смирнова Вера Ивановна*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ 17.06.93 г. № 0110807

Редактор *В.И. Смирнова*
Компьютерная верстка и макет *Е.Н. Зимица*

Подписано к печати 14.09.06. Формат 60×84 1/8. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 13,1. Уч.-изд. л. 14. Тираж 500 экз. Заказ № 449.

Издательство СО РАН, 630090 Новосибирск, Морской проспект, 2

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Г.М. ВАСИЛЬЕВА

ОБРАЗ ТЕКСТА-ТКАНЬЯ В «ФАУСТЕ» И.В. ГЕТЕ

Трактовки литературоведов нередко оказываются зависимыми от смысла отдельных, пусть даже и чрезвычайно важных отрезков текста, абсолютизации разрозненных моментов трагедии. Например, А.А. Мейер в одном из лучших исследований о «Фаусте» (1931) показывает, что в центре – драма сознания, утратившего связь со словом. Недоверие к слову, отказ от него приводят к разрыву с духовностью, к обращению к Делу, оторвавшемуся от Слова. Гибель постигает Фауста как раз за измену правде слова¹.

Смысл трагедии не будет сведен к одной идее, если учесть, что образ текста-тканья – семантическая категория и стилистический прием. Язык поэта имеет свою уникальную фактуру (слышимый / видимый / осязаемый уровень языка), текстуру (грамматический / логический / глубинный уровень языка), покррой (композиционный уровень). Ритм использует все эти уровни, превращая их из статичных ресурсов в действующий арсенал. Создание поэтом текста как формирования судьбы мифологическими парками – одна из важных тем трагедии, ее символического строя. Этимон *тэк* лежит в основе слов *текст*, *ткань*. Приведем подстрочник к словам одного из героев театрального пролога, поэта, рассуждающего о своем ремесле: «Когда природа нити вечную длительность, / Равнодушно сплетая, принуждает к веретену, / Когда всех сущностей негармоничное множество / Недовольно звучит вперемешку, / Кто разделяет всегда текуче подобные ряды, / Оживляя их, чтобы они ритмически двигались?»². Ткань текста создает сама материя языка, его эвфония, звуковые сочетания, которые порождают цепь ассоциаций, порой уводя как от сюжетного развития, так и от прямого значения того или иного слова.

Способом достижения общезначимости изображаемого является введение тем, развернутых по принципу параллелизма. Одна художественная деталь, ситуация, мысль оказываются повторенными поэтом и многими персонажами в разные моменты сюжетного развития и с разных точек зрения. Это могут быть характеристики одного и того же героя другими персонажами, поэтом и самим Фаустом; или

характеристики одного и того же явления, проявившегося в нескольких ситуациях и отмеченного разными наблюдателями. В результате возникает ощущение общности, единства самосознания людей, принадлежащих одной исторической эпохе, национальному складу сознания. Композиционные тематические связи осуществлены Гете последовательно и почти нарочито: через неожиданные параллели элементов текста, принадлежащих разным уровням поэтики, но связанных одним мотивом или темой. Гете создает своеобразную тематическую «сетку». Это наводит на предположение о ее важной, если не доминирующей, роли в создании художественного целого, которому придается расширительное символическое значение. Ни одно сколько-нибудь значимое наблюдение или высказывание не существует в одиночку. Рано или поздно на ту же тему выскажутся другие персонажи. Единый текст осуществлен через множество форм индивидуального выражения. О слове и деле, дне и миге рассуждают не только Фауст, но и директор. О становлении говорят и Господь, и комик. Вагнер повторяет слова поэта из театрального пролога: «O sprich mir nicht von jener bunten Menge» («О не говори мне о той пестрой толпе»). Слова Фауста напоминают высказывание директора «Solch ein Ragout, es muß Euch glücken» («Такое рагу, оно должно вам удалиться»). Наставление Фауста Вагнеру похоже на совет комика: «Greift nur hinein ins volle Menschenleben» («Вмешайтесь только в полную человеческую жизнь»). Любопытно замечание Н.Н. Вильмонта – переводчика и исследователя творчества Гете. В воспоминаниях о Борисе Пастернаке он упоминает один эпизод: Борис Пастернак в заздравной речи в честь концертанта Скрябина привел отзыв, ранее отнесенный им к Герману Когену. «Но я тут же поспешил себя утешить, вспомнив, что и Гете, по свидетельству современников, частенько извлекал готовые формулы из своих обширных литературных закров. И все же мне было досадно, что Борис Леонидович ограничился этим комплиментарным перифразом, не нашедши только к нему, Нейгаузу, относившихся слов...»³.

Особенно активно используется семантический потенциал образа «слово–дело». Важнейший фрагмент трагедии – размышление Фауста о том, что было в Начале. Контекстуальная поддержка высказываний опосредована. Косвенную поддержку дает широкий, даже дистантный, контекст. Возникают перифразы соответствующего вида. Выражение может быть не согласовано с ближайшим контекстом и сильнее выражена его согласованность с каким-либо элементом или элементами дальнейшего контекста. Одним из довольно заметных признаков поэтики данного фрагмента является усиление роли безглагольного («номинативного») стихового отрезка в строфическом целом. Причем стихи расположены в позиции *point*, в конце строфы: слово, мысль, сила, дело. В тексте оригинала слова односложны (*Wort, Sinn, Kraft, Tat*). Всему фрагменту присуща жесткая интонационная вычерченность, декламационность. Логическое ударение стоит на последнем слове строки и делает его ремой (новым сообщением) высказывания. В результате с каждым «шагом» последнее слово строки повышает свою значимость, оно становится семантически все более и более полноценным. Последовательно делая каждое из слов центром высказывания, Гете превращает синтаксически зависимый элемент фразы в независимый, семантически самодостаточный. Архаизация языка прямым образом связана с темой смерти – и потому, что сознание представляет ее себе как вечный покой, и потому, что смерть архетипически интерпретируется как возвращение к предкам, а значит, и к их языку, и потому, что представление о потустороннем мире в современной культуре связано с библейскими образами и символами, а следовательно, с языком Библии.

Метафорическое отождествление поэта со словом восходит к мифологии экзистенциального тождества имени с его носителем. Христианское «дело» подразумевает также, и при этом в первую очередь, «слово». В драме слово становится действием – ремарками, становится плотью – актерами. Фауст пренебрегает здесь множественным числом. Один у него не отличается от многих, не представляет их (как это делает метонимия), а буквально им – многим – является. Предстает метафизика счета: «одна мысль», «одно дело» – вот явленные природой образцы такого безмерного одиночества. Гипонимы превращаются в гиперонимы: Фауст, Мефистофель – это слова, называющие явление не частным, видовым наименованием, но общим, родовым.

Трагедия открывается сценой «Ночь». Осмысление коренных различий между двумя формами зрения – непосредственным и «снимающим покровы» – определило «полюса напряжения» трагедии. Текст зарождается в первородной ночи и тишине, хотя уже есть чужие книги, свой опыт, слова и буквы, образы и сравнения. Человек привык считать ткань бытия сплошной. Но лишь невидимые прорехи придают ей форму, структуру, красоту. О темно-

те и тишине можно писать только дискретно, фрагментами, ибо сами они сплошные. В глубине жизни скрыта нежная и нервная сеть мира. Фауст бродит над ней, задевая струны то своей, то чужой души, не умея разобраться в тонкой вязи, уходящей в плодородную тьму. Сама по себе отдельность света и тьмы – показатель мира очеловеченного, то есть приуготовленного Богом для человека. Захватывая все больше пространства (сюжетного и текстового), тень нарушает божественный замысел границы. Это тем более важно, что для Гете ночное звездное небо всегда было тем, что Платон называл космосом и чувственно воспринимаемым Богом^{4, 5}. Именно в ночном небе свет (звезды) и тень (темнота неба) выявляют одновременно и свою отдельность, и свое единство. Тишина и ночь помогают обратить беспомощность в орудие познания.

Еще до встречи с Мефистофелем Фауст решает «вручить» себя магии («*Drum hab ich mich der Magie ergeben*»). В Новом Завете маг – это, с одной стороны, астролог, обладатель подлинной мудрости [Мф 2: 1], а с другой – профессиональный колдун, претендующий на власть и величие (которыми на самом деле не обладает). Как известно, в Новом Завете Сатана действует через магию, и поэтому Павел называет мага Элиму «Сыном Дявола» [Деяния 13: 10]. Обладающий магической силой ставит своей целью подчинить себе волю божества и заставить его выполнить свое желание. С общепринятой христианской точки зрения магия осуждается, хотя как факт и не отрицается. Магия, как синоним черной магии, – общение с низшими безблагодатными силами природы – именно так обычно и понимают это слово. Лишь часть того, что в этом смысле можно называть «белой магией», соответствует христианству с его таинствами.

Гете употребляет слово «магия» не случайно, а сознательно и намеренно. Идеализм интересен писателю тем, что он восходит к живому восприятию действительности, к тому времени, когда вся окружающая человека природа была реальной живой тканью. Единение, связь живого человека с живым веществом и есть магия. Слово магично. Это союз, неважно какой: союз любви или ненависти. Это реальность, являющаяся предметом веры. Никакой религии без магии, понимаемой так широко, нет и быть не может. Магия – лишь общение человека с кем-то – будь то светлые или темные силы. Слово «магия» в понимании Гете не противоречит каноническим воззрениям христианства, если прокомментировать, что он вкладывал в него.

В трагедии Гете проявляется интерес к синтетическим мифологическим образам, имеющим соответствия в других традициях, к демонологическому миру, актуализируемому нередко в заговорах. Гете подчеркивает, что на известной глубине мифологические смыслы разных традиций универсальны. Сам «местный» колорит оказывается менее контрастным,

менее напряженным, «страшным» (или таинственным) и, наоборот, более смягченным, успокоенным. В ситуации соседства, смежности Фауст поддался соблазну установить отношения. Возникает мир мифологии, прежде всего на его низших, так сказать, «природно-бытовых» уровнях, отраженных в народной демонологии. Есть основания думать, что элементы «демонологических» опытов вызревали в рамках античных и древневосточных штудий Гете, в которых автор имел дело с представителями «низовой» мифологии, духами природных урочищ (прежде всего так называемая «низовая» демонологическая сторона). Им свойственно знание своего места и разграничение сфер деятельности. Едва ли верно называть таких духов персонификациями разных аспектов природы.

В этих ситуациях правильнее различать два состояния, соединяемых в акте преображения. «Место» во всей его природной материальной конкретности и реальности само становится духом. И «человекообразная» форма его – не более чем порождение того языка, на котором происходит общение духа природы с человеком. С природой же «место свое» объясняется на ее собственном языке. Первичными оказываются сами природные «стихии», как они переданы, выражены, зафиксированы «языком» земли – всем многообразием элементов ландшафта. Эти духи природы представляют собой известный компромисс между «человеческим» и «природным». Близость природных духов к «человеческому» уравнивает пронизанность человека «демонологическим» началом. Впрочем, диапазон внешних обликов подобных природных духов очень велик – от «почти человека» в ситуации общения с человеком до почти полного слияния с природой. В этом царстве, где элементарные формы культуры растворены в природе, в этом симбиозе человека и иных сил Гете фиксирует прежде всего архаичное, устойчивое, простое: именно в этих условиях отчетливее всего проявляется панхроническое начало. Сознательно берется такой тип и такой ракурс современной поэту жизни, при которых жизнь такая, как вчера или две тысячи лет тому назад (сказанному не препятствует различие времен).

Гете искусно избегает и привязанности к источникам подобных сведений, и «свободных композиций». Именно поэтому такие описания могут рассматриваться как некий «третичный» источник. Он предполагает наличие первичных и вторичных источников и процесс освоения их, привыкания к ним и такого «вчувствования», при котором автор помещает себя внутри традиции. «Человеческое» и «духовное», хотя

и утеснено, отброшено на периферию, все-таки существует. Оно прорастает в разных точках «человеческо-демонологического» космоса в стремлении к человеческому как естественному обиталищу добра. Истоки обоих путей – к добру и злу – почти совпадают друг с другом. Можно представить себе, что Фауст и Мефистофель поначалу занимали сходные места на этом пути: и тот, и другой обладали даром «магического» и вынуждены были в силу этого соприкасаться с миром двусмысленным, не определившимся в отношении выбора между Богом и Дьяволом. Повторение «бесовского», воспроизведение его мало что прибавляет к сфере зла. Скорее, оно поддерживает ситуацию бесконечности. И нарушить ее может только прикосновение к ней человеческого начала. С этой точки зрения на чашу весов «человеческого» положено не так уж мало – потребность Фауста определить свое происхождение, память об отце и стремление узнать его суть, неприязнь к бесовскому миру. Если для человека все перечисленное более или менее обычно, то в бесовском мире это событие исключительного значения. Смысл его в прорыве к сфере духовного, которое само по себе не выводимо из природного начала и уже тем более невозможно в плотной материи демонологического хаоса.

Пестрый – одно из самых частотных слов: («in bunten Bildern» («в пестрых картинах»). Поле движения Фауста и Мефистофеля само по себе представляет большой класс слов, разнообразных по своим характеристикам. При передаче движения внимание может задерживаться на самых различных параметрах – способах перемещения, маршруте, скорости, сроке. Мотив, вводящий определенную структуру пространства, – высота. Перемещение в запредельное не означало исчезновения из физической среды. Способностью отрываться далеко от земли была наделена Мария Египетская, образ которой появляется в финале трагедии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мейер А.А. Звон и слово в «Фаусте» Гете // Философские сочинения. – Paris: La Presse Libre, 1982. – С. 303.

² Goethe I.W. Faust. – Leipzig: Insel-Verlag, 1962. – С. 134.

³ Вильмонт Н.Н. О Борисе Пастернаке. Воспоминания и мысли – М.: Советский писатель, 1989. – С. 145.

⁴ Thornes J. Luke Howard's influence on Art und Literature in the Early nineteenth Century // Weather. – 1984. – N 39. – P. 252–255.

⁵ Фельдман Л.Г. Гете-натуралист и развитие естествознания в России // Гете в русской культуре 20 века / Под ред. Г.В. Якушевой. – М.: Наука, 2004. – С. 301–324.

В.Ф. СЕНИНА

«ПЕТЕРБУРГСКИЙ ТЕКСТ» В ЭПИСТОЛЯРНОЙ ПРОЗЕ А.П. ЧЕХОВА

Пространство в жизни и творчестве Чехова занимает знаковое место¹. Постоянно путешествуя в юности, в зрелом возрасте писатель в силу жизненных обстоятельств так же мечется между двумя городами. Но если в юности путешествия доставляют ему удовольствие, то в последний период жизнь далеко от дома, которым несмотря ни на что считается Москва, его тяготит.

Понятия «молодость» и «зрелость» в случае с Чеховым модифицируются, и возрастные рамки сдвигаются. Свое тридцатилетие, этап зрелости, писатель определяет как рубеж, после которого начинается старость, поэтому, будучи в тридцатидвухлетнем возрасте, в письме А.С. Суворину Чехов заявляет: «*Как это ни странно, мне уже давно перевалило за 30, и я уже чувствую близость 40. Постарел я не только телесно, но и душевно ... Я встаю с постели и ложусь с таким чувством, как будто у меня иссяк интерес к жизни*»². Считая свое безразличное отношение ко всему признаком старения, автор связывает подобное восприятие жизни с предпринятым путешествием: «*Я как-то глупо оравнодушел ко всему на свете и почему-то начало этого оравнодушения совпало с поездкой за границу*» [П, 5, 49]. Таким образом, тридцатилетие писателя логично определять не только как знаковую границу между молодостью и старостью, но и рубеж в восприятии пространственных перемещений.

Пространство в письмах Чехова субъективируется, а отношение к месту подчиняется ситуации. В результате и репрезентация города меняется в зависимости от обстоятельств. Очевидно, что в переписке Чехова наблюдается некоторая динамика в восприятии важных для него городов.

В молодости, постоянно проживая в Москве и имея тягу к путешествиям, писатель заявляет: «*Москва с ее холодом, плохими пьесами, буфетами и русскими мыслями пугает мое воображение... Я охотно бы прожил зиму подальше от нее*» [П, 2, 312]. «Домашняя», «зимняя» Москва ассоциируется с холодом и работой. В этом письме автор вспоминает «надоевшую» ему Москву в связи с изображением беззаботного, райского бытия на р. Псел: «*Ах, как не хочется уезжать отсюда! Каналья Псел, как нарочно, с каждым днем становится все красивее, погода прекрасная*» [П, 2, 312]. Противопоставление прекрасной Псел / холодная Москва реализует актуальную для писателя оппозицию веселое, беспечное существование / каждодневная, рутинная работа, где последняя атрибутирует в тексте мотив дома, связанный с московским пространством.

В ранних письмах Чехова «домашняя» Москва противопоставляется «деловому», «занятому» Петербургу: «*Был я недавно в Питере. Хороший, деловой*

город. Москва спит и киснет. Все мы застыли и уподобились желе» [П, 2, 245]. Оппозиция Петербург / Москва³ в эпистолярном наследии писателя разворачивается в персонификацию обоих городов, где особый характер каждого передается его обитателям.

Представляя персонифицированные образы обоих городов, Чехов остается в русле культурной традиции. В ранних письмах образ Москвы, ассоциируемый с домашним, однообразным существованием, реализует в тексте семантику ненормального, «закисающего» места, где круговое движение создает только видимость развития: «*Поссорились было с Л.И. Пальминым, да опять помирились*» [П, 2, 245]. «Одомашненный» город и его обитатели приобретают в повествовании кулинарную семантику. «Студенистый», «желеобразный» образ московской жизни в чеховском тексте противопоставляется петербургской деловитости. Придавая персонифицированному образу города деловой облик, писатель актуализирует существующий в литературе петербургский миф и обыгрывает гоголевский текст: «*Петербург, в байковом сюртуке, заложив обе руки в карман, летит во всю прыть на биржу или в "должность"*»⁴.

Петербург и Москва в корреспонденции писателя имеют особый знаковый статус, поэтому стоит говорить о чеховском «петербургском тексте»⁵ как части единого текста о Петербурге, строящегося в том числе и на оппозиции с московским пространством.

В чеховском тексте историко-культурный образ Петербурга получает свое продолжение, выступая в модифицированной оппозиции Москва / Петербург. Последний осуществляет «гостевой», беззаботный образ жизни и соотносится с райским бытием на р. Псел, несмотря на свой «занятой» облик. В результате, описывая свое беспокойное московское существование в послании Суворину 1888 г., автор грезит о Питере: «*... мне мешают так, как никогда еще не мешали. Посетителям нет конца... Просто мука! Столько лишних разговоров о черт знает чем, что я обалдел и о Петербурге мечтаю, как о земле обетованной*» [П, 3, 79]. Здесь, во-первых, реализуются представления о домашней Москве как «закисающем» пространстве, где всякое действие («посетителям нет конца») лишается смысла и соотносится с «пустым» движением по кругу. «Пустоту» представляют и «лишние» бессодержательные разговоры ни о чем. Во-вторых, определяя оппозицию Москва / Петербург, писатель связывает образ «делового» города с освобождением от наскучивших бесполезных обязанностей и далее заявляет адресату письма: «*Сяду у Вас в комнатке сиднем и не буду выходить*» [П, 3, 79].

Таким образом, в своей ранней переписке, уточняя антитезу «домашняя» Москва / «деловой» Питер,

Чехов, с одной стороны, продолжает петербургский текст русской литературы, с другой – наполняет новым смыслом данную оппозицию: связанное обязанностями московское существование / беспечный, счастливый отдых в Питере⁶ (либо за городом, на р. Псел).

В послании к М.В. Киселевой 1887 г., описывая свое первое знакомство с городом, Чехов прямо указывает на знание существующего в культуре петербургского мифа: «*Петербург произвел на меня впечатление города смерти. Въехал я в него с напуганным воображением...*» [П, 2, 40]. Далее свое письмо автор строит согласно традиционным представлениям о северной столице как «городе на костях», «фабрике смерти» (В.Н. Топоров): «...встретил на пути два гроба, а у брата застал тиф. От тифа поехал к Лейкину и узнал, что "только что" лейкинский швейцар на ходу умер от брюшного тифа. От Лейкина поехал к Голике: у этого старший сын болен крупом ... отец и мать плачут...» [П, 2, 40]. Писатель, следуя законам жанра, создает художественную прозу и в эпизоде, посвященном первым петербургским впечатлениям, аккумулирует все мифические черты, приписываемые городу: «*Еду на выставку, так, как назло, попадают все дамы в трауре. Но все это пустяки. Вы послушайте, что дальше. Приезжаю я к Григоровичу. Старичина поцеловал меня в лоб ... и ... от волнения у него приключился жесточайший припадок грудной жабы ... Право записать можно*» [П, 2, 40]. «Петербургский текст» Чехова в письмах опирается на семантику больного, безжизненного пространства, где приезжего из другого «мира» сопровождают сцены болезни и смерти. Реализуя в тексте письма образ «города смерти», автор рисует картину тотального мора и всеобщей скорби. «Безжизненность» Петербурга обнаруживается не только в изображенных смертях и болезнях, но и траурных одеяниях встреченных дам.

Автор последовательно обрисовывает смертельные недуги и летальные исходы преимущественно мужского населения «города смерти». Ситуация тотального мужского измора моделирует в тексте замеченную исследователями петербургскую аномалию первой трети XIX в., определяемую как «преобладание мужского населения над женским». В чеховском тексте ситуация дисбаланса населения города переворачивается. В данном контексте трактуется и траур у встреченных автором дам, который приобретает всеохватывающий характер.

Созданный Чеховым в письме образ «города смерти» реализует «петербургский текст» русской культуры. Увлечшись формированием предельно заполненного трагическими событиями повествования, в финале письма автор, как бы опомнившись, замечает извинительным тоном: «*Однако мое письмо отвратительно и скучно. Прекращаю бесчинство и остаюсь уважающим и искренно преданным*» [П, 2, 40]. Максимально концентрируя жуткие события в небольшом отрезке письма, адресованного женщине, автор обоснованно называет свое повествование бесчинством и хулиганством.

В письмах Чехова 1990-х гг. Петербург сохраняет семантику больного, смертоносного пространства.

Адресуя свое послание М. Горькому, писатель замечает: «*Вы давно уже мне ничего не писали. Что это значит? Мне не нравится, что Вы долго жили в Петербурге – там легко заболеть*» [П, 8, 312]. Физическое недомогание сообщается поведению и специфике петербургской жизни, а «неписанье», перерыв в переписке прочитывается как знак петербургского недуга.

Продолжая обозначенный в ранних письмах образ безжизненного, больного города, автор определяет типичную для его жителей болезнь и, обращаясь в письме 1899 г. к И.Л. Щеглову, намечает ее характерные симптомы: «*Ну что с Вашим здоровьем? Не увеличиваете ли Вы подобно большинству петербуржцев и просто дурное петербургское настроение не принимаете ли за болезнь?*» [П, 8, 31]. Чеховский «петербургский текст» строится на определении присутствующего городу недуга, передающегося его обитателям. Симптоматика петербургской болезни в тексте определена: «неписанье», чрезмерная мнительность, дурное настроение. Душевное состояние принимается за физическое заболевание, в итоге мнительность и страх жителей Петербурга перед болезнью реализует образ смертоносного пространства города.

В послании к Л.А. Авилевой 21 октября 1898 г. писатель сетует на настроение адресата: «*Ваше невеселое, чисто северное письмо напомнило мне о Петербурге, я вспомнил Ваших петербургских критиков ... вспомнил туман, разговоры, вспомнил и поскорее пошел к морю, которое теперь очаровательно*» [П, 7, 301]. «Дурное петербургское настроение», инициируемое письмом, актуализирует в памяти писателя неприятные ему обстоятельства петербургской жизни («критики», «туман», «пустые разговоры»). «Невеселое, чисто северное письмо» осуществляет трансляцию на расстоянии «заразного» северного недуга. Досадные воспоминания вызывают желание «поскорее» увидеть море, описание которого заканчивается закономерной в данном контексте атрибуцией: «*которое теперь очаровательно*». Становится очевидным, что морское «очарование» отсылает в тексте письма к сырой мрачной северной столице и противостоит петербургскому «туману».

Высказанная в письме к О.Л. Книппер заблаговременная уверенность писателя в неудачном итоге поставленного в северной столице спектакля, в котором она играла, реализует в чеховском тексте семантику «ненормального», «враждебного» петербургского пространства. С претензией на опыт, стилизуя свою мысль под непреложную мудрость и выступая в образе церковного служителя, писатель предлагает свою версию неуспеха постановки МХАТом пьесы «Дядя Ваня»: «*Впредь тебе наука: слушайся старца иеромонаха. Я ведь говорил, уверял, что в Петербурге будет неладно, – надо было слушать*» [П, 9, 211]. Не представляя обстоятельных аргументов, автор вполне серьезно объясняет провал спектакля местом его проведения, тем самым определяя недружелюбный в отношениях с приезжими характер города. Продолжая далее в письме проявлять свое неприятие петербургской атмосферы, автор отмечает: «*Как бы то ни было,*

ваш театр никогда больше в Питер не поедет – и слава богу» [П, 9, 211]. Явно выраженное в тексте удовлетворение от ситуации игнорирования театром недружелюбного города сообщает петербургскому пространству «безжизненность» и «пустоту».

В отличие от репрезентации Петербурга, неизменно представляющей город в контексте мифа о Петербурге, восприятие «домашней» Москвы в переписке Чехова к последнему этапу жизни диаметрально меняется. Если в ранних посланиях тема «дома», ассоциируемого с московской жизнью, звучала в контексте ограничивающей свободу обязательств, то в письмах «ялтинского» периода осмысление «домашнего» московского бытия приобретает иную полярность.

Вынужденный большую часть года жить вдали от дома после особенно сильного приступа кровохарканья в марте 1897 г., писатель жалуется: «Из Москвы не хотелось уезжать, очень не хотелось, но нужно было уезжать...» [П, 7, 274]. Необходимость передвижения с места на место, обнаруживая несвободу выбора и зависимость от погодных условий, отнимает юношескую тягу к путешествиям и обостряет в сознании автора конфликт желаний и действительности.

Чехов, определяя в ранних письмах «домашнюю» Москву как место, лишаящее воображения, в своей поздней корреспонденции жизнь дома мыслит единственным источником вдохновения: «Мне кажется, что если бы эту зиму я провел в Москве или в Петербурге..., то совсем бы выздоровел, а главное, работал бы так (т.е. писал бы), что ... чертям бы тошно стало» [П, 7, 259]. Здесь и Петербург, традиционно представляющий в эпистолярной прозе писателя «большое», «безжизненное» пространство, в упоминании с Москвой приобретает черты утопического места и интерпретируется как «околоточное» пространство.

В то время, как в послании И.Ф. Иорданову 1897 г., вспоминая причины резкого ухудшения здоровья, Чехов замечает: «20 марта я поехал в Петербург, но на пути у меня началось кровохарканье, эскулапы заарестовали меня в Москве, отправили в клинику ... Будущее мое неопределенно, но, по-видимому, придется жить где-нибудь на юге» [П, 6, 330]. Здесь, воссоздавая обстоятельства случившегося на пути в Петербург приступа кровохарканья, расцениваемого самим больным как «скандал», писатель реализует ту часть мифа, согласно которой Петербург – маргинальное место между жизнью и смертью, потусторонним и «посюсторонним» мирами. Автор связывает произошедший с ним «скандал» с Петербургом, определяя место приступа пространно: «на пути в Петербург». Подобная пространственная закреплённость грешит неточностью: Чехов (намеренно или нет) опускает тот факт, что кровохарканье случилось в московском ресторане. Прием логического пропуска, таким образом, обнаруживает оправдание, «обеление» московского топоса и продолжает существоющий в культуре миф об аномальном пространстве Петербурга.

В итоге становится очевидным намеренное включение писателя в существующий в литературе «петербургский текст» и обыгрывание им традиционного образа северной столицы в оппозиции с московским пространством, репрезентация которого меняется в зависимости от биографической ситуации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Пространство в творчестве Чехова уже становилось предметом исследования чеховедов. Так, А. Дерман рассмотрел значение Москвы и московских впечатлений для творчества писателя, отождествляя, правда, взгляды и суждения персонажей с мировоззрением Чехова (Дерман А. Москва в жизни и творчестве А.П. Чехова. – М., 1948). Пространственные образы, обладающие «архетипичной символичностью», – в центре исследования Н.Е. Разумовой: автор рассматривает «дорожные» произведения писателя, уточняя образы дороги, степи и т.д.: Разумова Н.Е. Творчество А.П. Чехова в аспекте пространства. – Томск, 2001.

² Здесь и далее произведения и письма Чехова цитируются по изданию: Чехов А.П. Полн. собр. соч.: В 30 т. – М., 1974 – 1983. В скобках после цитат указывается номер тома и страницы. При цитировании писем перед номером тома ставится буква П. Здесь: [П, 5, 49].

³ Осмысление Москвы через оппозицию Москва–Петербург представлено в работах: Шевырев А.П. Культурная среда столичного города. Петербург и Москва // Очерки русской культуры XIX в. Общественно-культурная среда. – М., 1998. – Т. 1. – С. 73–125. Кроме того, город как объект семиотико-культурологического исследования рассматривается в работе: Домников С.Д. Мать-земля и царь-город. – М., 2002.

⁴ Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 8 т.– М., 1984. – Т. 3. – С. 285.

⁵ Понятие «петербургский текст» ввел В.Н. Топоров, обобщив предшествующие исследования, посвященные изучению столиц. – См.: Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. – М., 1995; Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы: Избр. тр. – СПб., 2003. Особая культура Петербурга стала объектом изучения Н.П. Анциферова в начале XX в. (Анциферов Н.П. Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Быль и миф Петербурга. [Репринтное воспроизведение изданий 1922, 1923, 1924]); Волков С. История культуры Санкт-Петербурга. – М., 2002; Виролайнен М. Петербургские идолы // Виролайнен М. Речь и молчание: Сюжеты и мифы русской словесности. – СПб., 2003.

⁶ Как город развлечения и отдыха Петербург также осмысливается в культуре: «Петербург аккумулировал в себе культурное достояние нации и щедро делился им со своими гостями. Не мог пожаловаться приезжий и на недостаток развлечений: его завлекли рестораны, кофейни и трактиры...» (Шевырев А.П. Культурная среда столичного города. Петербург и Москва // Очерки русской культуры XIX в.– М., 1998. – Т. 1. – С. 92). В эпистолярной прозе Чехова данное обстоятельство петербургского мира обыгрывается и соотносится с феноменом болезни: «Оттого, что я в Питере пил не шадя живота, у меня разыгрался генеральный геморрой... Увы, лавры и опьянение не даются даром!» [П, 3, 149]. Упоминание о детали, составляющей культурный образ Петербурга как столицы, реализует в чеховской прозе «петербургский текст», хотя и переосмыляется, опускается в бытовую жизнь, связывая столичный отдых и разгул с физическим недугом.

⁷ Подробнее см.: Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. – С. 285.

Е.В. СИНКИНА

АРХИТЕКТУРНОСТЬ ПЕЙЗАЖЕЙ В ЛИРИКЕ Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО

Творчество Д.С. Мережковского, как и творчество других представителей русского символизма, ориентировано в большей степени на культуру, «на стремление вобрать в себя и претворить то, что дали искусство, философия, религия, мистические учения»¹. Отличительной чертой художника является его сознательная установка на живописность, архитектурность создаваемых картин, в том числе и пейзажей. Лирика Мережковского не является в этом смысле исключением.

Путешествуя по Европе, Д.С. Мережковский знакомился с культурой той или иной страны и, по словам З. Гиппиус, начиная с Леонардо, Дмитрий Сергеевич стремился кроме книжного собирания источников еще непременно быть там, где происходило действие, видеть и ощущать тот воздух, ту природу... Более всестороннего и тщательного исследования темы, будь то роман или не роман, трудно было бы у кого-нибудь встретить. Мережковский смог познакомиться с лучшими архитектурными памятниками эпох Античности, Средневековья и Возрождения, причем покорили его не только сохранившиеся архитектурные сооружения, но и те, от которых остались лишь руины. Впечатления, произведенные на художника развалинами Колизея, Парфенона, Термами Каракаллы и другими памятниками мирового зодчества, представили в его поэтических опытах как свидетельства великой культуры прошлого, как свидетельства могущества человека, покорившего природу и создавшего наподобие природы эталон вечной красоты.

В произведениях «Колизей» (1891), «Термы Каракаллы» (1891), «Помпея» (1891), «Сорренто» (1891) и многих других Мережковский не просто передает чувства восхищения, благоговейного трепета перед знаками величайших культур, но его творчество во многом напоминает метод исследователя-археолога. Не случайно А. Белый², оценивая творчество художника, использовал сравнения: для романов – «археологический музей», для героев – «археологическая группа», для сюжетов – «археологические раскопки». Мережковского интересуют детали предметного мира, с их помощью автор «погружает» читателя в историю культуры; подобный эффект достигается посредством визуальных и тактильных характеристик знаков материального мира. Такими характеристиками, например, наделяет Мережковский строительный материал: «Люблю я мрамор почернелый* / Твоих покинутых дворцов»³, «Я увидел в лазури чистой / Впервые мрамор золотистый / Твоих божественных колонн»⁴, «Как

будто мрамор бань был только что согрет»⁵ и т.д. Давно ушедший, а значит и мертвый, мир: знаки «почернелого мрамора», «давно покинутые дворцы» указывают на это, но оживают у Мережковского – камень приобретает первозданную красоту, становясь «золотистым». Автору удается создать эффект и недавнего присутствия людей, указывая на теплоту камня, согретою людьми, – все это рождает ощущение сиюминутно ожившей эпохи, которая давно ушла в прошлое.

Увлеченность изобразительным искусством обуславливает выбор поэтом художественных средств, почерпнутых им из живописи, архитектуры, скульптуры. Он обращается к колористике, наполняя пространство богатыми световыми характеристиками. Мережковский акцентирует внимание на пластических формах изображаемых объектов; его произведения, подобно архитектурным сооружениям, отличаются математической композиционной выверенностью, строгой, продуманной логичностью, пропорциональной точностью. На увлеченность поэта пластическими средствами выразительности обратил внимание известный русский философ, критик И.А. Ильин, который заметил: «Его (Мережковского. – Е.С.) чарует пространственно-пластический состав мира, больше всего ему говорят скульптура, архитектура и живопись... в их выявленном материально-перспективном составе»⁶.

Переводя на язык архитектуры картины природы, Д.С. Мережковский сам становится зодчим, поэтому в его произведениях появляются «купол небес», «свод небес», «зубчатая стена леса», «глетчеры – царственные руины», «горный хребет – из мрамора» и т.д. Архитектурный пейзаж художника становится своеобразным знаком пересоздания мира. В пространстве художественных произведений Мережковского миф о культуре становится космогоническим мифом. Природа преобразуется из хаоса в космос, облекаясь в формы культуры, принимая ее язык.

Идея культурного космоустройства у Мережковского воплощается в идею природного строительства, создания памятников природного зодчества. Мир природы приобретает у художника цельные и ценные формы тогда, когда он предстает как комплекс архитектурных сооружений. Так архитектура выступает образцом строго организованного пространства, в котором человек может жить, работать и отдыхать; архитектура у Мережковского становится одним из основных средств создания культурного космоса, пространства, максимально комфортного для человека цивилизации.

Облекая в архитектурные формы природу, художник словно пытается преодолеть страх перед силой неосвоенного, неприрученного, а потому и чужого,

* Здесь и далее выделено мною. – Е.С.

опасного для человека пространства природы – пространства хаоса, как, например, в стихотворении «Развалины» (1884):

...По дебрям и лесам
Казалось, я блуждал, не находя дороги
Ползли над головой нахмурены и строги,
Гряды свинцовых туч по бледным небесам;
И ветер завывал, гуляя на просторе,
И ворон каркая, кружился надо мной;
И нелюдимый бор, как сумрачное море,
Таинственно глядел в пустыне вековой...⁷

Непокоренные человеком пространства стихий – моря, пустыни – становятся для героя воплощением смертельной опасности и хаоса. Знаком опасности предстает еще одна природная стихия – ветер. Автор наделяет его качественно отрицательной характеристикой – «завывающий». Разнонаправленное движение в тексте зафиксировано глагольным рядом: «блуждал», «ползли», «кружился», «депричастием «гуляя» – все это знаки беспорядка, хаоса. Природа в своей первоизданности, не переосмысленная, а значит, и не переведенная человеческим сознанием на язык культуры, является воплощением хаоса, пространством, враждебным человеку.

Напротив, пейзаж, приобретя архитектурные черты, превращается из хаоса в космос и, вместе с тем, становится объектом эстетического наслаждения и восхищения. Демиургом такого культурного космоса становится человек, сознание которого наделено богатым историческим, культурным опытом – «окультурившееся» сознание. Подобная ситуация предстает в стихотворении «Мрамор» (1884):

Как весь из мрамора пустынно-молчалив,
Возносится хребет в лазури раскаленной.
На нем ни ручейка, ни муравы зеленой;
Но млеет и горит искрящийся отлив...
Он им любит, художник упоенный,
Про жажду он забыл, и в муках он счастлив...⁸

Сознание, наделенное богатым культурным опытом, – историческое сознание, способно воспринимать природное пространство как знакомое, освоенное лишь тогда, когда это пространство ассоциируется у него с искусственно созданным пространством.

Оппозиционность природы и культуры выражается не только в противостоянии «чужое – свое», «Хаос – Космос»; одним из главных в этой оппозиции является вечность, цикличность как модель существования природы и эсхатологичность, линейность, как модель существования всех культур. Художник сравнивает первичное – Природу – с вторичным – Культурой. У поэта реализуется формула «природа как культура», а не наоборот, что с точки зрения логики эволюционного развития было бы вернее. Художник этим словно пытается преодолеть эсхатологичность исторического времени, ввести мир культуры в мир вечности, задать ему циклическую направленность движения. Пересоздавая на языке искусств то, что было пер-

вично сотворено природой, художник словно пытается вывести в мир вечности искусственно созданный человеком мир.

Культурную направленность пейзажам Мережковского задают пейзажи, которые условно обозначим как *античные храмовые пейзажи*. Непременными атрибутами здесь являются купол, свод, колоннады, характерные для античного храма ароматы благовоний, ладана. Как пример приведем описание храма в произведении «Молитва природы» (1883):

На бледном золоте померкшего заката
Как древней надписи причудливый узор
Рисуется черта темно-лиловых гор...
Преобразился мир в какой-то дивный храм,
Где каждая звезда затеплилась лампадой...
И горы вознеслись огромной колоннадой...⁹

В стихотворении «Сон» (1884) так же, как и в предыдущем, воссоздается образ храма в духе Античности, со столь характерными для него колоннадами:

Бежал я в темный лес
Искать защиты и покоя
Под вечным куполом небес
Здесь чудный полумрак таинственного храма
Стволы уходят в даль, как легкий ряд колонн...¹⁰

Вмещающая пейзаж в архитектурные формы, Мережковский, подобно великому зодчему, создает архитектурные сооружения в лучших традициях античной культуры¹¹: вся древнегреческая архитектура представлена преимущественно храмами, архитектурные сооружения этого периода отличает обилие колонн, для античных храмов характерно создание ощущения силы и простора открытого пространства, и полумрак греческих храмов способствовал рождению такой атмосферы. Мережковский, переосмысливая идею греческих мастеров о слиянности архитектурных сооружений с природным ландшафтом, создает пейзаж, вписанный в архитектурные формы. Таким образом, вписывая культуру в контекст природы и наоборот, поэт приближает к миру вечной красоты и гармонии искусство.

Отдельную группу пейзажей представляют картины природы в духе готической архитектуры. Условно их можно обозначить *готические соборные пейзажи*. Таков пейзаж в произведении «Кораллы» (1884):

В глубине тропических морей...
Этот мир полипы создают.
Каждый род – ступень для жизни новой, –
Будет смертью в камень превращен,...
И встает из бездны океана,
И растет коралловый узор...
Он стремится к небу на простор...
Он вознесся кружевом пурпурным...¹²

Используя главную отличительную особенность готического собора – его легкость и устремленность ввысь, Д. Мережковский добивается ощущения устремленности, используя глагольный ряд «встает – ра-

стет, стремится (к небу), вознесся». Еще одна отличительная особенность архитектуры готического зодчества – витражи, украшавшие проемы окон. В них использовались криволинейные формы, сложные рисунки, ажурные орнаменты – все это рождало ощущение тонкой ювелирной работы. У Мережковского такая ажурность передана метафорой «вознесенными кружевами».

В стихотворении «На высоте» (1885) автор напрямую указывает на готичность изображаемого пейзажа, тогда как и в предыдущем произведении основной акцент сделан на устремленность архитектуры ввысь. Здесь особого внимания заслуживает и воздушность архитектуры, столь характерная для готики:

*Возносит глетчер груды льдин –
Голубоватые кристаллы
Каких-то царственных руин
И блещут нестерпимо ярки –
Из цельной глыбы хрусталя
Зубцы, готические арки...¹³*

Пейзажи, облеченные в архитектурные формы религиозных сооружений, у Мережковского отнюдь не случайны. Его поэтический мир наполнен идеей религиозности вообще, а не какого-либо отдельного вероисповедания. Для художника важен сам факт мистического переживания, а не конфессиональная принадлежность храмовой архитектуры. Намеренно автор не указывает на ту или иную религию; об акте обращения к Всевышнему – молитве, читатель узнает через упоминание о «дыме кадил», «курении смол» и т.п. – непременно атрибуте ритуального акта или богослужения. В этом выразились экуменистические на-

строения Д.С. Мережковского. Наделяя природу религиозной значимостью, поэт указывает на ее всемирную ценность.

Таким образом, вписывая природу в контекст культуры, облекая ее в архитектурные формы, поэт не только стремится преобразить ее лик, перевоплотить хаос в космос, придать природе культурно-историческую значимость, но, используя красоту мира, Д.С. Мережковский создает свой «культурный космос», представляющий собой сложный текст произведений мировой культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Приходько И.С. «Вечные спутники» Мережковского (к проблеме мифологизации культуры) // Мережковский. Мысль и слово. – М., 1999. – С. 198. См. также: Аркин Д.Е. Образы архитектуры и образы скульптуры. – М.: Искусство. – 1980; Губарева М.В., Низовский А.Ю. 100 великих храмов мира. – М., 2000; Ильин И.А. Мережковский – художник // Мережковский: PRO ET CONTRA. – СПб., 2001.

² Варданян Р.В. Мировая художественная культура: Архитектура. – М., 2003.

³ Мережковский Д.С. Собрание стихотворений. – М., 2001. – С. 234.

⁴ Там же. – С. 284.

⁵ Там же. – С. 180.

⁶ Там же. – С. 377.

⁷ Там же. – С. 83.

⁸ Там же. – С. 76.

⁹ Там же. – С. 60.

¹⁰ Там же. – С. 89.

¹¹ Варданян Р.В. Мировая художественная культура.

¹² Мережковский Д.С. Указ. соч. – С. 75.

¹³ Там же. – С. 97.

*Педагогический университет,
Барнаул*

Е.П. БЕРЕЖНАЯ

ОНЕГИНСКИЙ СЛОЙ В «ПРОБЛЕМЕ СТИХОТВОРНОГО ЯЗЫКА» Ю.Н. ТЫНЯНОВА

(часть первая)

Главная книга Тынянова «Проблема стихотворного языка» (1924) все еще остается недооцененной в науке о литературе. Наиболее полную картину исследовательского интереса к этой работе представляют ответы на анкету в честь столетия Тынянова, опубликованные в сборнике седьмых Тыняновских чтений. Ответы конституируют некоторые основные критерии восприятия «Проблемы», согласно которым апологетизируется общая стимулирующая роль книги Тынянова при затрудненности экспликации ее принципов и терминологии. Что касается тыняновских концептов «тесноты стихового ряда» и «динамики формы», то они не столько осмысливаются, сколько принимаются в общем виде. В целом «Проблема стихо-

творного языка» Тынянова, наметившая теоретические перспективы в исследовании семантики стиха, ждет своего изучения и переистолкования.

Настоящая статья посвящена выявлению смыслообразующих компонентов онегинского текста книги. Предварительно – несколько слов о том, из какого материала отслаивался окончательный текстовый код теоретико-литературного сочинения Тынянова.

Важнейшей чертой в тыняновской научной манере являлось одновременно-параллельное рассредоточение его мысли в несоединимых друг с другом исследовательских эпизодах¹. Так, в круг научных интересов Тынянова во время работы его над книгой входило составление концепции эволюционного пути

пушкинского стихового эпоса, которая вскоре была изложена в монографии «Архаисты и Пушкин». Согласно комментариям А. Чудакова к первому варианту предисловия к книге «Проблема стиховой семантики», Тынянов еще в 1919 г. читал годовую курс «Язык и образ», связанный с проблематикой будущей книги². В связи с последним необходимое значение в тыняновских построениях в области стиховой семантики приобретают идеи А.А. Потебни относительно многоуровневности поэтического слова. В частности, наиболее значимая в поэтике Потебни теория о «внутренней форме» слова сближается с тыняновской концепцией о «колеблющихся признаках» стихового слова, изложенной в «Проблеме стихотворного языка», а также с основной идеей итогового очерка о «Пушкине» (1928) – о «семантической двупланности» пушкинского слова. Кроме того, напечатанию «Проблемы стихотворного языка» предшествовала незаконченная статья Тынянова о композиционных формах «Евгения Онегина», имеющая общий план проблематики с книгой о стихе. В статье о «Евгении Онегине» выявлялись основные различительные концепты тыняновской книги: симультанность практической речи и сукцессивность поэтической, семантические ряды и стиховой ряд, отличие поэтического языка от практического и отличие от прозы. Можно говорить, таким образом, о парадоксальном поиске смыслообразующего минимума литературного текста в работах Тынянова 1920-х гг. В предлагаемой формуле выделим один аспект, имеющий отношение к нашей теме.

Неоконченная статья «О композиции “Евгения Онегина”» явилась подготовительным текстом к книге «Проблема стихотворного языка». Намеченное в работе об «Онегине» различение поэзии и прозы посредством их взаимоисключающего отношения к семантическому фактору в «Проблеме...» осложнилось интерпретацией разного рода нарушений границы между ними, что подчеркивало доминирующую роль внутреннего противоречия в определении словесного искусства.

В статье «О композиции...» была намечена связь между спецификой стиховой конструкции пушкинского романа и смысловым своеобразием слова, которым оно живет в стихе. Используя понятия «семантического порога», «деформации», «конструктивного принципа» и «конструкции», Тынянов открывает смысловое пространство *стихового* романа, в котором поиному освещаются как малые структурные единицы пушкинского текста, так и его большие группы. В связи с этим большое место в статье «О композиции...» отведено *слову*, деформированному стихом: «... Слова и выражения, совершенно бесцветные и неразличимые в прозе, становятся крайне ощутительными смысловыми элементами в поэзии»³. Во второй главе «Проблемы» Тынянов опишет изменение смысла слова при вводе его в стиховую механизм, подчеркнув тем самым общность замысла книги о стихотворном языке с проблематикой пушкинского романа. Отметим более подробно случаи соприкосновения «Проблемы стихотворного языка» с онегинским текстом, имплицитно фор-

мирующим перспективы исследования семантики поэтического языка.

В тыняновском обращении к конкретному анализу элементов художественного текста наблюдается иерархическое выстраивание ареала понятий, осмыслением которых пронизана почти каждая его историко-литературная работа. В книге «Проблема стихотворного языка» эта опора на обоснование понятий обнаруживается в наибольшей степени. Так, в предисловии к книге Тынянов пишет:

Моему анализу в настоящей книге подлежит конкретное понятие *стиха* (в противоположности к понятию *прозы*) и особенности *стихотворного* (вернее, *стихового*) языка. Эти особенности определяются на основании анализа стиха как конструкции, в которой все элементы находятся во взаимном соотношении... Задачей настоящей работы является именно анализ *специфических* изменений *значения и смысла* слова в зависимости от самой *стиховой* конструкции. Это потребовало от автора обоснования понятия стиха как конструкции; обоснование это он дает в первой части работы⁴.

Раскрывая значение понятия «стих», Тынянов включает в «Проблему...» контекст статьи «О композиции...», в которой пушкинский роман являлся различительной моделью для «двух замкнутых конструктивных рядов: стихового и прозаического». В отправном тезисе работы об «Онегине» о невозможности разграничить поэзию и прозу по признаку звучания Тынянов подчеркнул неизменность семантического фактора, оставшегося актуальным и для «Проблемы стихотворного языка»: «Проза и поэзия, по-видимому, отличаются не имманентным звучанием, не последовательно проведенным в поэзии принципом установки на звучание, а в прозе – принципом установки на семантику, – а в существенном тем, как влияют эти элементы друг на друга, как деформирована звуковая сторона прозы ее смысловой стороной (установкой внимания на семантику), как деформировано значение слова стихом»⁵. В последующем изложении доказательством вышесказанного послужили примеры из «Евгения Онегина». В конечном итоге, рассматривая пушкинский роман с точки зрения двух способов организации литературного текста – стихового и прозаического, Тынянов показывает, как устойчивость и независимость различительных концептов, так и их взаимную подвижность по отношению друг к другу. Все дело – в *подчинении* одного момента другому, в том *деформирующем влиянии*⁶, в которое вступает подчиняющий фактор с факторами подчиненными⁷. Таким деформирующим элементом в «Евгении Онегине» был *стих*, таким стержневым, конструктивным фактором в стихе является *ритм*. Пушкинский стихотворный текст предопределил обращение Тынянова к проблемам стиховой семантики. Кроме того, в теоретической книге о стихе были заявлены те смыслообразующие концепты, которые актуализировали стиховую форму пушкинского романа.

Вернемся к исходному постулату Тынянова о «деформирующей» роли ритма в поэтической речи. В пер-

вой главе своего исследования («Ритм как конструктивный фактор стиха») Тынянов говорит об отличительном статусе ритма в стихотворном тексте, который, «подчиняя», изменяет все прочие компоненты стиха и по-иному освещает богатейшее поле деформированной семантики.

Элиминирование ритма как главного, подчиняющего фактора приводит к уничтожению специфичности стиха и этим лишней раз подчеркивает его конструктивную роль в стихе⁸.

При этом важнейшим моментом возникновения ритма будет не упорядоченная повторяемость звуковых или речевых связей в тексте, а потенциальная напряженность между всеми его уровнями – динамическая организация стихотворения. Представление Тынянова о литературном произведении как динамическом знаке интеграции составляющих его элементов подразумевало, что в понятие развертывания или протекания на уровне конструкции отдельного произведения «вовсе не обязательно вносить *временной* оттенок. Протекание, динамика может быть взято само по себе, вне времени как чистое движение»⁹. Это, в свою очередь, регулировало иерархические сдвиги между разноуровневыми элементами поэтического текста:

Искусство живет этим взаимодействием, этой борьбой. Без ощущения подчинения, деформации всех факторов со стороны фактора, играющего конструктивную роль, – нет фактора искусства... Но если исчезает ощущение *взаимодействия* факторов (которое предполагает обязательное наличие *двух* моментов: подчиняющего и подчиненного) – стирается факт искусства; оно автоматизируется¹⁰.

Кроме того, все такого рода изменения взаимодействий в словесном искусстве естественным путем подтверждали внутреннее динамическое развертывание литературного произведения в соответственном противопоставлении его статическому состоянию.

Эти условия существования ритма характеризуют последний как сферу регулирования семантических трансформаций стихового языка, все уровни которого подвержены ритмическому переделыванию. Поэтому каждый элемент поэтической структуры под воздействием ритма изменяет свой статус в направлении семантики стихотворного текста. Например, в слове, включенном в ритмический стиховой ряд, ошутимы становятся его второстепенные (или «колеблющиеся» – в терминах «Проблемы...») признаки значения, которые проявляются в результате «*ориентации на соседнее слово*»: «... Эти «колеблющиеся признаки» дают некоторый *слитный групповой «смысл»*, вне семантической связи членов предложения»¹¹. Или семантическая подчеркнутость второстепенных слов, определяемая значимостью ритма в стихе. «... То, что в речи разговорной и прозаической является только необходимым служебным реквизитом, здесь, выдвигаясь на разделах, возвышается *до степени равноправных слов*»¹². Это выдвигание разделом служебных слов яв-

ляется, с точки зрения Тынянова, одним из приемов Пушкина в «Евгении Онегине». Возьмем наиболее характерные примеры, наблюдаемые Тыняновым, при анализе пушкинского романа в стихах:

1. Мы все учились понемногу
Чему-нибудь и как-нибудь (I, 5).
2. То есть умел судить о том,
Как государство богатеет,
И чем живет, и почему
Не нужно золота ему (I, 7).
3. Что? Приглашенья? В самом деле,
Три дома на вечер зовут (I, 15).
4. Я не могу понять. Но вот
Неполный слабый перевод (III, 31).

Перед нами случаи взаимодействия ритма и семантики, или *изменения семантической значимости слова, которое получается в результате его значимости ритмовой*¹³. Слова второстепенного значения, стоящие в конце стиха, ритмически выделяются на степень равноправных слов, что, в свою очередь, влечет за собой повышение в них семантического момента. Кроме того, группа слов «челу-нибудь» и «как-нибудь» имеет так называемый «слитный групповой смысл», не допускающий существования явлений в изолированном виде. Эти слова, попадая в стиховой ряд, разбиваются до равноправной значимости каждой составляющей ритмического члена.

Далее обратим внимание на изменение значения имен собственных в пушкинском романе, которое Тынянов рассматривает в соотносительной связи с ритмической организацией текста. Исключительно показательной в этом отношении представляется XXXV строфа 8-й главы «Евгения Онегина»:

Прочел он Гиббона, Руссо
Манзони, Гердера, Шамфора,
Madame de Staei, Биша, Тиссо.

Здесь в рамках обычного ритмо-синтаксического строения строфы вставлены слова, как бы не связанные между собою по основным признакам значения. «Вся сила здесь в устойчивости ритмо-синтаксической схемы и семантической неустойчивости ее восполнения. При этой неустойчивости большую важность получает *теснота* сначала ряда, а затем периода и строфы. При этом сила этой связи больше в стихе, чем в строфе, а в строфе, чем в группе строф; это дает возможность на протяжении стихотворения давать *строфы*, мало между собою связанные, – шире и точнее: большие словесные массы, не связанные между собою по основным признакам значений»¹⁴. В этом случае употребление слов со стертým основным признаком необычайно интенсифицирует *колеблющиеся признаки* значения в стихе, которые в разных случаях своего использования могут стать принципом словоупотребления, а также усиливать стиховую абстрактность слова. Так или иначе, асемантичность имен собственных, организованная ритмическим действием, может приводить к явлению, переходящему в «заумь», с активацией смысловых сторон поэтической речи:

Исключительная установка на имманентное звучание в поэзии (заумный язык...) влечет за собою сугубую напряженность в искании смысла и таким образом подчеркивает семантический элемент слова; наоборот, полное небрежение звуковой стороной прозы может вызвать звуковые явления (особые стечения звуков), которые перетянут центр тяжести на себя»¹⁵.

В применении пересчета имен у Пушкина в данном случае особую важность приобретает лексическая окраска слова как *постоянный второстепенный признак значения*: «Чем ярче в слове лексическая характеристика, тем больше шансов, что при затемнении основного значения выступит в светлое поле именно лексическая окраска слова, а не его основной признак»¹⁶. Сила лексической окраски имен собственных очень велика; ими дается как бы лексическая тональность произведения и предопределяется развертывание его лирического сюжета.

Остановимся более подробно на особенностях развития сюжета в лирическом произведении. Истолкование сюжета в поэзии тесно связано с семантической системой, представляемой стихом. Деформированные ритмом семантико-синтаксические элементы обязаны сохранять свой подчинительный статус в общей структуре стихового языка. В этом случае сюжет определяет не событийную сторону произведения, но, являясь элементом семантики, становится «подчиненным фактором» стихотворного ритма.

Вызываемые ритмом «единство» и «теснота» стихового ряда выделяют семантические элементы, актуальные лишь в структуре стиха, например, «прозаическое» значение лексем или их особые сцепления между собой, которые стали бы невозможными в прозе. В стиховом разделе:

Когда средь оргий жизни шумной
 Меня постигнул *остракизм*,
 Увидел я толпы безумной
 Презренный робкий *эгоизм*,

слово «эгоизм» имеет яркую прозаическую окраску:

.....Таков мой *организм*
 Извольте мне простить ненужный прозаизм.

Ему предшествует яркое в лексическом отношении слово «остракизм», но уже не как прозаизм, а как «грецизм». Рифменная связь со словом «остракизм» дана через «греческий» суффикс, который вызывает такую же лексическую окраску в суффиксе слова «эгоизм», что окрашивает и все слово заново: «эгоизм» из «прозаизма» переокрашивается в «грецизм»¹⁷. На соотношении и сочетании лексических признаков слова основана последовательность протекания лирического сюжета.

Как было сказано выше, лексическая тональность имен собственных предопределяет не только лексический строй произведения, но и направление его сюжета. При этом роль лексической окраски не должна быть понята как деформирующая готовые сюжетные комплексы, но как деформирующая *развертывание* сюжета. В подтверждение мысли о деформации сюжетной

структуры с помощью лексической окраски слова приведем строфу, цитируемую Тыняновым:

Нельзя, мой толстый *Аристипп*:
 Хоть я люблю твои беседы,
 Твой милый нрав, твой милый хрип,
 Твой вкус и жирные обеды,
 Но не могу с тобою плыть
 К брегам полуденной *Тавриды*,
 Прошу меня не позабыть,
 Любимец *Вакха* и *Киприды*!
 Когда чахоточный отец
 Немного тощей *Энеиды*
 Пускался в море наконец,
 Ему *Гораций*, умный льстец,
 Прислал торжественную оду...

Первая строка с лексически окрашенным словом «Аристипп» задает «динамическую изготовку» для последующих стиховых отрезков строфы, подновляя свою лексическую характеристику словами «Тавриды», «Вакха и Киприды». Переключки слов с общим признаком лексической окрашенности мотивирует связанное с предыдущим *лексически* разворачиванием лирического сюжета:

Когда чахоточный отец
 Немного тощей *Энеиды*...

При этом общая лексическая связь может служить как бы оправданием для ввода слов, чуждых по основному признаку, например, она мотивирует момент внезапного смещения – 1) Аристипп; 2) отец Энеиды – и заменяет собою индивидуальный основной признак.

Итак, развитие сюжета в стихе тесно связано с семантической (смысловой) системой стихотворного языка, которая, в свою очередь, формируется так, как указывает динамика ритмического ряда. Это означает также и принципиальное отличие лирического сюжета от своего двойника в прозе («*Перспектива стиха преломляет сюжетную перспективу*»)¹⁸, и известную степень подчинения его стихотворному ритму. Иначе говоря, в лирическом произведении мы имеем дело не с сюжетом как таковым, а с сюжетом *развертывающимся*. При этом *развертывание лирического сюжета* должно быть направлено общей динамикой *стиховой* конструкции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Об этом, в частности, пишет В. Каверин в своих воспоминаниях: «Он писал книгу “Достоевский и Гоголь”, отдавая много времени монографии “Тютчев и Гейне”, еще в 1919 году прочитал в Доме искусств курс лекций “Язык и образ” и размышлял над охватывающей всю пушкинскую эпоху концепцией, которая вскоре была изложена в курсе, прочитанном в Государственном институте истории искусств... Одновременно он раскрывался как изящный критик, иронический эссеист. Объемные знания прошлого не только не отяжелило, но, напротив, сделало легкими его шаги в художественной прозе... Но, возвращаясь к строго научным статьям, он писал скупо, ни на кого, кроме себя, не равняясь. Иные страницы читаются как формулы, выстроившиеся согласно охватываемому общему взгляду». **Каверин В.** Друг юности и всей жизни // Воспоминания о Ю. Тынянове. Портреты и встречи. – М.: Сов. писатель, 1983. – С. 50, 51.

² См.: Тынянов Ю. Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука, 1977. – С. 501 (комментарий к «Предисловию к книге «Проблема стиховой семантики»). – Далее ПИЛК.

³ ПИЛК. – С. 55 (статья «О композиции “Евгения Онегина”»).

⁴ Тынянов Ю. Проблема стихотворного языка. Статьи. – М.: Сов. писатель, 1965. – С. 22.

⁵ ПИЛК. – С. 54 (статья «О композиции “Евгения Онегина”»).

⁶ Тынянов Ю. Указ. соч. – С. 70.

⁷ См. контекст статьи «Литературный факт».

⁸ Проблема стихотворного языка. – С. 42.

⁹ Там же. – С. 26.

¹⁰ Там же. – С. 28–29.

¹¹ Там же. – С. 128.

¹² Там же. – С. 105.

¹³ Там же. – С. 111.

¹⁴ Там же. – С. 124.

¹⁵ ПИЛК. – С. 53 (статья «О композиции «Евгения Онегина»»). – См., например, «хлебниковский» эпизод в «Проблеме сти-

хотворного языка»: «Вот почему Хлебников, который строит стих по принципу совмещения семантически чуждых рядов и широко при этом пользуется колеблющимися признаками, семантически более заострен, чем «понятные» эпигоны 80-х годов» («Проблемы...». – С. 125). И далее в статье «Промежуток» (1924): «Его языковую теорию торопливо окрестили зауемью и успокоились на том, что Хлебников создал бессмысленную звукоречь. Суть же хлебниковской теории в другом. Он перенес в поэзии центр тяжести с вопросов о звучании на вопрос о смысле» (ПИЛК. – С. 180). И, наконец, статья «О Хлебникове» (1928): «Для него нет не окрашенного смыслом звучания, не существует раздельно вопроса о “метре” и о “теме”. “Инструментовка”, которая применялась как звукоподражание, стала в его руках орудием изменения смысла, оживления давно забытого в слове родства с близкими и возникновения нового родства с чужими словами» (Цит. по: Тынянов Ю.Н. Литературный факт. – М.: Высш. шк., 1993. – С. 235.

¹⁶ Тынянов Ю. Указ. соч. – С. 88.

¹⁷ Там же. – С. 143.

¹⁸ Там же. – С. 171.

ГПНТБ СО РАН,
Новосибирск

М.А. БОЛОГОВА

«МАРК-ТВЕНОВСКИЙ ТЕКСТ» В РАССКАЗАХ А. ЭППЕЛЯ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЧЕРЕЗ МЕТАФОРУ

«Фактически тексты, достигшие по сложности своей организации уровня искусства, вообще не могут быть пассивными хранилищами константной информации, поскольку являются не складами, а генераторами. Смыслы в памяти культуры не “хранятся”, а растут. Тексты, образующие “общую память” культурного коллектива, не только служат средством дешифровки текстов, циркулирующих в современно-синхронном срезе культуры, но и генерируют новые»¹. Так и «чужие тексты» в прозе А. Эппеля есть не собрание реминисценций, пред- или бессознательных заимствований, но генерация или мутация целостного литературного произведения (их серии) во что-то совсем другое, хотя и похожее; и они не только поясняют авторские представления, но и создают на их месте нечто неожиданное. Этим текстам свойственна своеобразная манера присутствия и рефлексивной игры, обусловленная индивидуальной метафорикой мышления автора, его фракталом².

Любая «элементарная единица смыслообразования» содержит, по мысли Ю.М. Лотмана, «метафорогенное устройство, позволяющее осуществлять операцию перевода в ситуации непереводаемости»³. Метафора – универсальный переводчик, через нее осуществляется любое восприятие, через нее «чужой» авторский текст «переводится» на «свой» язык и становится органической основой, строительным материалом текста «своего». Исходя из этого определения сути метафоры и добавляя к нему рабочее определение М. Мамардашвили: «метафора есть что-то, что

связывает нечто, находящееся вне привычных связей»⁴, рассмотрим, как осуществляется интерпретация марк-твеновского текста у А. Эппеля⁵.

Связующей метафорой в процессе понимания может выступать образ *полета* – фрактал А. Эппеля⁶. Именно эта метафора показывает отношения между текстами.

Роман М. Твена «Янки при дворе короля Артура» (1889) несет на своих крыльях рассказ «Пока и поскольку» об улучшении бытовых условий в бараке у отдельно взятого гражданина. Уже в заглавии продемонстрированы причинно-следственные связи, милые здравому смыслу и не дающие быту вырваться за положенные ему пределы. Сочетание этих союзов мы найдем в тексте неоднократно. Тяготы быта успешно преодолеваются героем, что позволяет ему подняться над бытом до наслаждений культурой и любовью, стать выше бытовых неудобств через обретение независимости от них. Как практичный и здравомыслящий американец попадает в средневековье и наводит там свои порядки, так и Самсон Есеич превращает «каменный век», в котором он живет, в «бронзовый» [96]: «Если... жизнь в бараке считать каменным веком..., то Самсон Есеич был существом века бронзового, причем совершенно одиноким предтечей грядущей цивилизации. А это значит – одному, без спутников, сплывать за руном в Колхиду; обмануть Минотавра; сочинить, прославив незрячим, “Илиаду”; сидеть и плакать на реках Вавилонских; поставить пирамиды; уличить царицу Савскую, доведя приятелям, что у нее волоса-

тые ноги...» и т.д. [96]. Эти подвиги в прошлом сильнее деяний янки, и они, опять же, выводят жизнь героя за заданные судьбой пределы – быть жителем бедного московского предместья. Герой возносится над историей и мифологией, поскольку через его марк-твенский подвиг по созданию цивилизации можно все достижения человеческого технического духа обозреть в единой панораме – с высоты птичьего полета. Подросток, с которым он дружит (смышленный паж Кларенс), продолжает «бронзовый век» и в «железный» [97], додумавшись подключить для успеха предприятия железную дорогу.

Янки – герой-умелец, Левша на западный манер. «Я умел сделать все, что только понадобится, любую вещь на свете; если не существовало новейшего способа изготовить какую-нибудь вещь быстро, я сам изобретал такой способ, и это мне ровно ничего не стоило. В конце концов меня назначили старшим мастером: две тысячи человек работало под моим надзором» [7]⁷. Такой тип мастера, поданный как русский (но от русского литературного, деятельность которого всегда внеположна здравому смыслу и практической пользе, таковы мастера Лескова, Бажова, Платонова и др. – отличный), встречается и у Г. Газданова в «Ночных дорогах» [1941]. Это роман о жизни эмигрантов (оторванные от почвы, носимые по свету персонажи – любимый типаж Эппеля, таковы все его герои) – краткая посадка при долгом перелете из Москвы через Атлантику, литературные ассоциации движутся по законам земного полета на стальных крыльях. «...Он ответил, что французы вообще о работе не имеют представления и что их мастера никуда не годятся, а он, Макс, профессиональный русский мастер, – это вроде как их главный инженер. Он рассказывал, что, когда он поступал, его подвергли разным испытаниям и после этого, не споря, назначили ему максимальный оклад; он не имел определенной работы, его звали всюду, где что-нибудь не ладилось. Он починял электричество, вытачивал на станке какие-то сломанные части машин, производил необходимые расчеты и, в общем, работал не спеша и презрительно поплеывал на пол»⁸. Таков же Самсон Есеич, сделавший «в каменном веке» холодильник, «из ничего» Архимедов винт и проч., но он не *мастер*, он *«гений»*. Второй отличается от первого способностью *подняться* над известным, создание нового – всегда полет в неведомое. (Противопоставление гений–ремесленник встретится в другом марк-твенском рассказе – «Леонидова победа».) В отличие от янки, который поражает размахом цивилизаторской деятельности (вплоть до железных дорог), описание действий Самсона Есеича сконцентрировано на мелочах и деталях изобретений. Точки сращения текстов Эппеля и Твена находятся в местах полетов. Именно в них эппелевский текст начинает переключаться с твенским, а тот играть в нем.

Деятельность янки в Камелоте начинается со встречи с рыцарем в железной броне и шлеме, похожем «на железный бочонок с прорезьями» [8], а также – использования солнечного затмения в своих це-

лях. «Тело учителя физики, находясь в покое, пребывало между тем и в состоянии равномерного прямолинейного движения, ибо земля, как заведено, облетала солнце. Но так как последнее еще не встало, земля двигалась в темную по кривейшей своей стезе...» [93] – так начинается рассказ. «Ноги спящего находились в чем-то тускло посвечивавшем и явно цинковом... <...> ...что же касается ведра – оно просто-напросто набито мягкой паклей, в которую зарылись сейчас теплые-теплые концы ног педагога» [94]. Рыцарь совершает полет-падение вверх тормашками – у Самсона Есеича ведро на нижней оконечности, а не на верхней во время полета Земли. Учительная деятельность Самсона Есеича соответствует просветительским намерениям янки («я прежде всего основал учительский институт и множество воскресных школ» [47]; «школы специального назначения я тайно разбросал по всему королевству» [49], он хочет навязать счастье прогресса XIX в. жителям Камелота и терпит неудачу. Самсон Есеич создает блага только для себя и близких, а также подрабатывает фотографией, что рискованно. Янки – Хозяин, он стремится к тайной власти, раздражаясь гневными речами против богатых и аристократии. Самсон Есеич живет в ладу с милицией и сближается с собратьями по Моисееву Пятикнижию. Янки высоко взлетел по социальной лестнице, Самсон Есеич также находится высоко в своем кругу.

Как Самсон Есеич вынес «туземное пристрастие» к напиткам, так и янки тоскует без чая, кофе и прочих благ и создает их. Самсон Есеич – «гигиенист», и этим вызвана часть его изобретений, унитаза в квартире, например. Те, с кем он делает фотографии, «пробираются всюду и повсюду, неконкретные мужчины в башлыках», «бывали они невольными разносчиками радости» [98]. Янки рассылает повсюду рыцарей, которые рекламируют и распространяют мыло и т.п.: «эти миссионеры ... приучат знать к простейшим правилам чистоплотности» [77], «потребление мыла упорно росло» [78].

Самсон Есеич – «провидец». Он употребляет майонез, когда все считают его протухшим маслом, говорит, как радиопередатчики будут помогать работе милиции – «прорицал провидец» [115]; «пораженному дерзостью порицания, Самсон Есеич скажет: “Вот он умер, но погоди! Вскорости они станут пинать его в усы и вынесут вон из гробницы!”» [97]. Янки успешно состязается с различными прорицателями при большом стечении народа, предсказывая как близкое (поговорив по телефону), так и на тысячу лет вперед, а короля он «дрессирует». Пророчество – преодоление временной дистанции и барьеров в пространстве, мгновенный перелет сознанием.

Как янки в конце концов находит свою Сэнди и перестает тосковать по утраченной в XIX в. девушке, так и Самсон Есеич находит Тату и перестает мучиться от давно полученной «любвонной» болезни.

Благодаря сходству с романом Марка Твена проясняется один (их общий) сюжет – быстрое и мощное развитие технического прогресса благодаря одной при-

чине – в этом случае – заброшенному в устоявшийся мир инородного разума, сознания из иной системы. И здесь художественный текст сильным движением выталкивает из самого себя, отправляя читательскую рефлексию в совсем иные области – заоблачные дали философии и *метафизики* (герой – учитель *физики*). Мысли обращаются к «величайшему гению античного мира» Аристотелю – создателю философской системы, по которой мир связан в единое целое причиной и следствием («пока и поскольку»). Перводвигатель, он же – первопричина, дает первый извечный и вечно длящийся толчок мироздания. Далее возникает причинно-следственная связь всего сущего, которую Аристотель воссоздал в своей «Логике». Аристотель здесь вступает в спор с платоновским представлением об эйдосах, вечных и неразрушимых идеях: в такой вселенной нет движения, развития, общения. В этом сюжете о преодолении времени тоже есть идея перводвигателя, но есть и идея эйдосов, ведь герои создают изобретения по образу и подобию уже известных им из «другой» жизни, они просто воссоздают некий изначально существующий мир⁹, а Самсон Есеич и приближает мир к его должному бытию – существованию в любви, добре, красоте, без страха, без унижения, без телесных страданий.

Диалогия о Томе Сойере и Гекльберри Финне проявляется в двух других рассказах, разнесенных по разным книгам в той же последовательности. В них также присутствуют идеи Аристотеля: в первом – о катарсисе, во втором – о мимесисе. Полет здесь в причастности целостности книги ее духу, но особым вниманием к нескольким ее отдельным эпизодам, мгновенном сближении с ними и отрыве от них в свои смысловые пространства.

Герой рассказа «Темной теплой ночью» «себя ощущал героем жутковатого и, как мне теперь представляется, недоброго сочинения про Тома Сойера» [44]. Эпитеты относятся не к М. Твену, а к жанру – «сочинение про», т.е. полупересказу (здесь – подражание), полуинтерпретации (вольные домыслы в соответствии с собственным жизненным опытом), запавшие в память фрагменты летают на крыльях собственной фантазии. Том Сойер – сирота, успешно состязавшийся с любимой тетей Полли в том, кто кого проведет в выполнении своих желаний: ходить в школу – купаться в реке, красить забор – отдыхать и получать материальную выгоду и т.п. Если не вмешивается невезение (ябеда Сид), то победа явно на стороне Тома, равно как и сила, хотя тетя Полли думает по-другому («и теперь удивилась, как это у него хватает храбрости являться к ней за суровой расправой», [20])¹⁰. «Том дулся в углу и растревлял свои раны. Он знал, что в душе она стоит перед ним на коленях, и это сознание доставляло ему мрачную радость» [24]. У героя Эппеля момент состязания присутствует в зародыше («она исчезла за углом, и – едва я решил снова отлепиться – выглянула, и чуть меня не разглядела» [47], – как выясняется позже, она все-таки узнала его), тогда как потребность утверждения своей власти разраста-

ется до предела – власти над жизнью и смертью: он доводит жертву до припадка, «что-то содрогало и дергало его, что-то рвущееся изнутри» [59]. Однако раскаяние и душевная мука все равно настигают рассказчика, пусть не так быстро (разрыв – отлет), как Тома Сойера («Это было хуже, чем тысяча розог, и сердце у Тома заньло еще больше, чем тело» [72]).

Обратимся к сходствам. Во-первых, они носят топографический характер. Школа – центральное место в романе про Тома Сойера. «...школа расположена торцом к дороге вдоль нижней страничной границы, а жилища наши – ее – ближе к низу левого края, там, где нижняя скрепка в тетрадке, а мое – ближе к верху этого левого края, где в тетрадке скрепка верхняя. Пока что путь наш не достиг даже школы...» [56]. Со школой преследование кончается, так как рассказчик избирает короткий путь домой – через «разбойную щель», а жертва идет в обход по освещенной улице. У Тома Сойера от школы странствия только начинаются по более интересным местам: лесу, кладбищу, необитаемому острову (у Эппеля – «затонувший мир», Тома и друзей считают утонувшими) и дому с кладом и привидениями. Такой дом есть и у Эппеля, только не посреди долины, а на речном косогоре. «Дом настолько глух и выключен из бытия, что его можно населить чем угодно: ...или кем-то погребенным живо, кем-то истлевшим и хоронящимся за дверной косяк...» [49–50]. У рассказчика есть своя Бекки Тэчер, и «побуждаемый инстинктом нереста» он чуть было не бросает преследование, но и само это преследование по жути напоминает о скитаниях Тома и Бекки в подземном лабиринте пещеры (пещера со «сталагмитами» и «миром окаменелостей» [16] присутствует в первом рассказе книги – «сортир» студгородка). У Эппеля дан панорамный и фрагментарный взгляд на пространство книги Марка Твена, взгляд, выхватывающий детали. Такой взгляд в «реальном» описываемом пространстве, не интертекстуальном, будет дан Галке в рассказе «Сидящие во тьме на венских стульях», через призму ее восприятия дается картина военной зимы.

Мучения «тети Полли» сливаются в памяти рассказчика с мучениями рыжего кота. Именно здесь воспоминание о претексте подлетает так близко, что становится «больше», чем на самом деле. Удрученного тревогой о Бекки («очарование жизни исчезло, осталась одна тоска» [77]) и замученного лекарством («понемногу Том стал вполне равнодушен ко всем пыткам» [78]) Тома тетя Полли поит «настоящим огнем в жидком виде»: «Если бы она посадила его на горячие угли, он не мог бы стать более оживленным и пылким. Том почувствовал, что пора и на самом деле проснуться от спячки». «По просьбе» рыжего кота «Том раскрыл ему рот и влил туда ложку “болеутолятеля”». Питер подскочил вверх на два ярда, затем издал воинственный клич и заметался кругами по комнате, налетая на мебель, опрокидывая цветочные горшки и поднимая страшный кавардак. Затем он встал на задние лапы и заплясал на полу в припадке безум-

ной радости, закинув голову и вопя на весь дом о своем безмятежном блаженстве» [79]. «Тетя Полли ощутила угрызения совести..., то, что было жестокостью по отношению к коту, могло быть жестокостью и по отношению к ребенку. Сердце ее стало смягчаться, и она устыдилась» [80]. Именно эпизод с рыжим котом становится призмой видения рассказчика, и он понимает, что то, что было жестоко по отношению к коту, было жестоко и по отношению к «тете Полли» (кота он пылесосом довел до такого же состояния: «рыжее его сердечко раздулось в своих артериях и жилках и лезло толчками в горло, но выскочить сквозь горло никак не могло...» [58]), за них обоих он просит прощения у Господа. Пакости кота начинались «в три часа ночи, когда меня, измученного многим..., брала наконец четвертая таблетка барбитурата» [58] – тот же мотив лекарств. Так то, что было незначительным эпизодом у М. Твена, перейдя к А. Эппелю, сотворило рассказ, став важнейшим событием и сильнейшим переживанием. Переводя его в рассказ, герой переживает катарсис.

Рассказ «Леонидова победа» – о подростке-мизантропе, ничего общего не имеющем с мизантропами Тургенева или Мольера и даже с мизантропией Свифта, поскольку Леонид свою ненависть распространяет и на животных, но зато неожиданно соотносимом с весьма жизнелюбивым Гекльберри Финном, «юным парией» (с ним запрещено иметь дело всем детям, а они «души в нем не чаяли», Леонид – изгой по собственной воле). У Леонида отца нет, но есть непутевая по меркам травяной улицы мать. Отец изгнан как пропойца, что вполне соответствует ситуации Гека Финна. Гек Финн участвует в проделках Тома Сойера, однако не всегда понимает смысл «романтики» и выдерживает все игры до конца безропотно, хотя в критические моменты жизни ему всегда не хватает ума друга. Леонид иногда играет с соседями, особенно с «Мули-Мулинским» – соседом-рассказчиком, однако большинство их забав предпочитает воспроизводить в одиночку. Как и Гек, Леонид много времени проводит со взрослыми, слушая их байки и набираясь от них не самых подходящих для ребенка знаний. Леонид пытается сдружиться с привлекающим его молодым человеком Юлей Ленским, Гек помогает Мэри-Джейн спасти наследство от проходимцев. Главное сходство – в монологах обоих героев, забавных в силу того, что сознание мудрого автора преподносит примитивное сознание как самосознание. «Но мало-помалу старик распустился, повадился драться палкой, и этого я не стерпел. Я был весь в рубцах. И дома ему больше не сиделось: уедет, бывало, а меня запрет. Один раз он запер меня, а сам уехал и не возвращался три дня. Такая была скучища!» [225]. «Я – Леонид, я не хожу на канаву и в полынную лебеду. Я гляжу за Антониной и говорю ей утираться. И сам утираюсь, чтобы мать не вопила. И не нужна мне ихняя канава...» [339]. «Она велела мне молиться каждый день – и чего я попрошу, то и дастся мне. Но не тут-то было! Я пробовал. Один раз вымолил себе удочку, только без крючков. А

на что она мне сдалась, без крючков-то! Раза три или четыре я пробовал вымолить себе и крючки, но ничего почему-то не вышло. Как-то на днях я попросил мисс Уотсон помолиться вместо меня, а она обозвала меня дураком и даже не сказала, за что. Так я и не мог понять, в чем дело» [213, 214]. Леонид также наивен, но в вопросах не метафизических, а биологических. Он пытается стать гермафродитом механическим путем и для этого проводит время у ветеринара, пытаясь узнать способ. «А я один, кто мне нужен-то? Вот моя финка. Вот ружье. Вот мой новый духовой пистолет, но бьет он сблизит. Но как же устроено у Юлия-то? Хоть бы схему поглядеть – тогда из своего или из Антониного туловища можно сделать. Ей хлеба с сахарком или скворца вареного дать, она и ноль внимания не обратит» [340]. Гек одевается девочкой, чтобы неузнанным разузнать новости, но первая же женщина, с которой он разговаривает, выводит его на чистую воду (не так вдевает нитку в иголку, швыряет палку и т.п.). Этот незначительный у М. Твена эпизод для рассказа А. Эппеля – сюжетно главный, и, расправляя крылья, он начинает нести на себе и другие аллюзии. «Подражание природе» – основной мотив в действиях как героя, так и рассказчика, воссоздающего его речь. «Летность» героя особо усилена, поскольку Гек – существо очень земное и Леонид восполняет за двоих, будучи приземленным еще более в духовном плане. Он все время повторяет присказку: «[до того-то] лететь, пердеть и радоваться», сестра его твердит «я – маятник», мать его по образу жизни – «сигнал из грядущего». Блесной спиннинга он зимой раздрает кошкам лапы, стреляет из духового ружья самими изготовленными свинцовыми пулями, убивает и ест воробьев, засаживает себе в руку ластик (хотел рассказчику), «прицелясь в небеса», стреляет в провод, отчего пиратский радиоузел, «имевший обыкновение вторгаться на самом интересном месте в любую самую интересную передачу, явно пугался, и гундосый голос ихнего диктора начинал от пулевого попадания, словно гавайская гитара, постанывать» [335]. Его полет всегда обречен на падение, на возвращение на землю. Во дворе ветеринарной лечебницы летают «полезные насекомые», «мух тоже не видать, а может, они прикидываются для общей картины пчелами или бабочками» [342]. «Белые бабочки, палевые, как корпус лечебницы, летают меж берез, будто это березовые листья отчего-то посивели и теперь до осени облетают» [344]. Когда Леонида боднула коза, «с двух голубятен были пущены голуби» [350], которые упорно кружат в вышине до захода солнца, сопровождая Леонидово унижение.

Так живет марк-твеновский текст, порождая из себя новые тексты, мутируя в смыслоопределяющую ткань для событий детства в московском предместье.

Размышляя о полете у Марка Шагала (художника, полетом мыслящего), Г. Башляр писал: «Вся вселенная: животные, люди и вещи имеют для Шагала одну судьбу – вознесение. И художник призывает нас к этому счастливому восхождению. Когда мы рассмат-

риваем этих путешественников неба, этих неожиданных путешественников, которых мы считали живущими только на земле, мы сами становимся легче. Мне кажется, что мы дотронулись здесь до какого-то потайного смысла всего творчества художника»¹¹. Полет оказывается той метафорой, которая соединяет два творческих сознания, воспринимающего и воспринимаемого, соединяя их в одно вне «привычных связей», переводя другое в родное, свое, осуществляя главное – событие понимания чего-то о жизни, о человеке, о мире. Именно полет в мире Эппеля позволяет прочесть марк-твенский текст в новом виде и узнать потенциал содержащихся в нем растущих смыслов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб., 2000. – С. 675.

² «В основе фрактальности... лежит принцип самоподобия, когда одна и та же конфигурация неточно, с обязательными – а в литературном фрактале первоначально важными – смещениями и различиями повторяется на всех возможных уровнях и во всех возможных масштабах: от детали до философии, от сюжета до стилистики...» (Липовецкий М. Леонид Гиршович и поэтика необарокко // Новое литературное обозрение. – 2002. – № 57. – С. 222). Эппель тоже необарочный писатель, с потребностью «авторизации того, что обыкновенно находится за пределами произведения – в идеале всех интертекстов и сверхтекстов, – которые в результате этих операций... делаются внутренними элементами фрактальной структуры» (Там же).

³ Лотман Ю.М. Указ. соч. – С. 641. Приведем еще одно аналогичное высказывание: «Следует подчеркнуть принципиальное

отличие мифа от метафоры, хотя последняя является естественным переводом первого в привычные формы нашего сознания» (Там же. – С. 535). Метафора *переводит* с одного сознания на другое.

⁴ Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути // Пруст М. В поисках утраченного времени. – СПб., 1997. – С. 228.

⁵ Здесь рассматриваются рассказы из книги «Шампиньон моей жизни» (Эппель А. Шампиньон моей жизни. – М.: Вагриус, 2000. – Все цитаты даются по этому изданию), объединившей в единое целое две книги: «Травяная улица» и «Шампиньон моей жизни».

⁶ См. об этом также: Болотова М.А. «Aestas sacra»: реминисценции, мотивы, сюжет // Материалы к «Словарию сюжетов и мотивов русской литературы». – Новосибирск, 2004. – Вып. 6. – С. 37–42; Она же. Сюжеты Ветхого Завета в произведениях А. Эппеля // Художественная литература и религиозные формы сознания. – Астрахань, 2006. – С. 215–219.

⁷ Все цитаты по изд.: Твен М. Янки при дворе короля Артура. – Минск, 1956.

⁸ Газданов Г. Вечер у Клэр. Ночные дороги. – СПб., 2000. – С. 183.

⁹ Любопытно, что этот аристотелевско-платоновский спор приобретает значение в современной литературе. Ему уделяет особое внимание К. Кедров в «Энциклопедии метаметафоры» (М., 2002), а у П. Крусанова на нем строится сюжет романа «Американская дырка» (Октябрь. – 2005. – № 8/9). «Вера и воля» корректируют эйдос мироздания, главные герои задают глобальным мировым изменениям «первоначальный импульс».

¹⁰ Все цитаты по изд.: Твен М. Приключения Тома Сойера. Приключения Гекльберри Финна. – М., 1992.

¹¹ Башляр Г. Введение в Библию Шагала // Башляр Г. Новый рационализм. – М., 1988. – С. 365.

Институт филологии СО РАН,
Новосибирск

Е.А. АДАМ, Н.Е. РАЗУМОВА

О НЕКОТОРЫХ ТРУДНОСТЯХ ПЕРЕВОДА ЧЕХОВСКОЙ ДРАМЫ

Переводчиками накоплен большой опыт по передаче чеховских текстов средствами немецкого языка, так как первые переводы произведений А.П. Чехова стали появляться в Германии с 1890 г., еще при жизни писателя. Вначале немецкому читателю были предложены рассказы, а в 1902 г. появились и переводы драм. Рассмотрим два современных перевода драмы Чехова «Три сестры» на немецкий язык. Один выполнен известным переводчиком и издателем Петером Урбаном в 1974 г. и им же пересмотрен и изменен для нового издания в 1999 г.; второй сделала в 1996 г. Андреа Клемен. Оба перевода весьма популярны в Германии, они периодически переиздаются для чтения и одновременно используются для сценических постановок в театрах. И А. Клемен, и П. Урбан обладают большим опытом перевода произведений Чехова: Клемен перевела четыре крупные драмы, а в переводе Урбана в 1970-е гг. вышли все пьесы, 10 томов прозы и 5 томов писем Чехова с научными коммента-

риями. Это собрание переводов Чехова является самым полным¹.

Одним из видов лексических трудностей для переводчиков являются обозначения специфических национально-культурных реалий, не имеющие аналогов в языке перевода. В таких случаях переводчики обычно используют транслитерационный способ передачи. Теоретик перевода А.В. Федоров убежден: «Нет такого слова, которое не могло бы быть переведено на другой язык, хотя бы описательно, т.е. распространенным сочетанием слов родного языка. Но транслитерация необходима именно тогда, когда важно собласти лексическую краткость данного обозначения, соответствующую его привычности в языке подлинника, и вместе с тем подчеркнуть специфичность называемой вещи или понятия, если нет точного соответствия в языке перевода»². И Урбан, и Клемен сохраняют в большинстве случаев многие реалии, специфические для России. У них мы встречаем в русском звучании такие

слова, как «няня», «самовар», «водка», «квас», «верста», «тройка». Но если слово «блины» Урбан тоже передает в транслитерации, рассчитывая, вероятно, на то, что немцам оно знакомо, то Клемен заменяет его на немецкое «Pfannkuchen». Также Урбан оставляет в тексте социальный термин «земство», Клемен же снова употребляет немецкий эквивалент – «Kreisverwaltung».

Особого внимания в пьесе заслуживают такие специфические слова, как названия дикорастущего лука «черемша» и кавказского блюда «чехартма». Оба переводчика сохраняют эти слова в транслитерации, а Урбан еще и дает их разъяснение в «Примечаниях», которыми он сопровождает свой перевод. В этом случае у Чехова важны не столько собственно значения слов (обозначаемые реалии), сколько сходство их звуковой оболочки, на котором и играет Соленый; поэтому транслитерация здесь неизбежна. «Примечания» же Урбана свидетельствуют об особой переводческой добросовестности, проявляющейся во внимательном отношении к национальным реалиям и стремлении разъяснить суть комизма, который здесь строится именно на совершенно разной семантике внешне похожих слов.

Имена действующих лиц у обоих переводчиков употреблены в соответствии с общепринятой в русском языке моделью (фамилия, имя, отчество) без каких-либо сокращений и тоже в транслитерации. Характерная особенность переводов Урбана – использование диакритических знаков славянских языков, разъяснения которых также даны в «Примечаниях»; например: «č – „tsch“, wie „Čechov“; š – immer stimmloses, scharfes „sch“, wie in „Asche“; šč – immer stimmloses, weiches und gedehntes „sch“, nicht „schtsch“» («„ч“, как „Чехов“; всегда глухой, резкий „ш“, как в немецком слове „Asche“; всегда глухой, мягкий и протяженный звук „ш“, не „щ“»)³. Переводчик обосновывает избранный способ современной филологической практикой: «Транскрипция русских имен следует так называемой научной, международной, типичной для славистики, транскрипции, которая использует для специфических звуков кириллицы, для их точного различия, диакритические знаки тех славянских языков, которые пишут по-латыни, – такие, как чешский, словацкий, словенский, хорватский и, частично, сербский»⁴.

Интересно, что в своем первом переводе (1974 г.) Урбан передал в транслитерации и такие специфические русские обращения, как «батюшка» и «матушка». Однако в переработанном издании 1999 г. он, подобно другим переводчикам, заменяет их немецкими словами с близким значением. Например, для обращения «mein Guter» («мой хороший»). У Клемен же перевод этих обращений зависит от того, кому и кем они адресованы; так, по отношению к Ферапонту употребляется слово «Alter» («старик»), к Вершинину – «gnädiger Herr» («благородный господин»). Ласковое обращение «матушка» из уст Анфисы, адресованное Маше, звучит у Клемен как «meine Liebe» («моя любимая»); и это же слово, тоже обращенное к Маше, но из уст Че-

бутыкина, у Клемен преобразуется в «Kind» («дитя»). У Урбана в обоих случаях – «Liebes» («милая»). Из приведенных примеров можно сделать вывод, что Урбан стремится унифицировать используемую замену, Клемен – наоборот, варьировать. Но в обоих случаях адекватность не достигается, поскольку слова «батюшка» и «матушка» исчезают; а они важны не только потому, что создают русский «колорит»; существеннее то, что в пьесе присутствует мотив сиротства (у сестер нет матери и отца, и они это весьма остро ощущают), семейные связи расшатаны (примером тому – семья Вершинина, Андрея с Наташей, Кулыгина с Машей). Использование слов «батюшка» и «матушка» косвенно подчеркивает этот мотив, передающий суть прежде всего нового, кризисного времени, а шире – характерного для чеховских произведений положения человека один на один с основными вопросами бытия, без опоры на привычные схемы. Поэтому замена специфических русских обращений немецкими соответствиями лишает пьесу Чехова не только характерных национально-культурных признаков, но и специфических смысловых акцентов, строящих ее внутренний сюжет. Обращения у Чехова, с одной стороны, вполне традиционные, чисто русские, и соответственно проблема их передачи может рассматриваться как часть общей проблемы адекватного воспроизведения национальной специфики. С другой стороны, все эти слова – казалось бы, чисто формальные, случайные – тесно связаны с ведущими образно-смысловыми мотивами сюжета и являются далеко не случайными. Поэтому их точная передача оказывается особенно сложной и необходимой, и оба переводчика, как видим, с ней не справляются.

Столь же необходимыми, при ближайшем рассмотрении, оказываются обращения «голубчик» и «душа» («дуся»). «Голубчик» связано с мотивом образа птицы, составляющим одну из главных символических линий в пьесе; «душа» – с темой духовных устремлений, объединяющей основных персонажей пьесы и противопоставляющей их таким, как Наташа или Кулыгин; причем это не автономные, а неразрывно взаимосвязанные элементы произведения. Но переводчики упускают это из виду. Так, фразу Ирины «Голубчик, Иван Романыч» Клемен переводит как «Liebster Iwan Romanjtsch» («Милейший Иван Романыч»), Урбан – «Lieber Romanjtsch» («Дорогой Романыч»). Для такого же обращения «голубчик», сказанного Наташей и адресованного Ирине, оба переводчика используют один вариант – «Liebling» («любимая»); для перевода обращения Андрея к Ферапонту «голубчик мой» Клемен употребляет выражение «mein Lieber» («мой дорогой»), Урбан – «mein Freund» («мой друг»). В этом же втором действии Андрей по отношению к Ферапонту использует ласкательную форму обращения «душа моя», Клемен переводит ее «mein Lieber» («мой дорогой»), Урбан – «mein Freund» («мой друг»). И для передачи обращения Чебутыкина к Маше «дуся моя» Клемен применяет выражение «mein Herz» («сердце мое»), Урбан – «Liebes» («милая»). Как видим, внут-

ренне закономерное разнообразие в обращениях персонажей Чехова друг к другу сводится в данных переводах к ряду близких и, главное, не имеющих глубокой мотивации синонимов.

Особые навыки требуются от переводчиков для передачи ряда стихотворных, и в том числе музыкальных «цитат», к которым прибегают персонажи «Трех сестер». Для этого необходимо не только владеть техникой стиха, которая «органически связана со спецификой звукового строя» языка⁵, но и верно оценивать сам принцип цитирования, смысл использования персонажем чужого слова. Для этого необходимо прежде всего распознавать цитату в речи персонажа. Но и это не всегда удается переводчикам. Так, в первом действии Чебутыкин, посмеиваясь над влюбленным Андреем, цитирует фразу из русской комической оперы «Оборотни» композитора П.Н. Кобякова: «Для любви одной природа нас на свет произвела!»⁶. Оба переводчика передают эту фразу близко к оригиналу; но если Урбан сохранил в ней стихотворный ритм, то Клемен (очевидно, из-за отсутствия рифмовки) проигнорировала ее цитатный характер и практически ассимилировала в речи Чебутыкина:

«Nur für die Liebe hat die Natur uns geschaffen!»⁷;

«Nur für die Liebe hat uns die Natur erschaffen!»⁸.

В третьем действии Чебутыкин пропевает следующие слова: «Не угодно ль этот финик вам принять...»⁹. Урбан дает в «Примечаниях» подробную информацию об источнике этого напева, цитируя письмо А.П. Чехова помощнику режиссера И.А. Тихомирову, где писатель сообщает, что это слова из оперетки, название которой он забыл, но которую когда-то ставили в «Эрмитаже». В переводах Клемен и Урбана предлагаются похожие варианты, но перевод Урбана более удачен, поскольку ритм в нем более легкий и игривый, что соответствует источнику цитаты:

Wollen Sie nicht diese Dattel haben?¹⁰;

Wolln Sie nicht die Dattel haben?¹¹.

В четвертом действии Чебутыкин опять вспоминает «музыкальный номер» из шансонетки, которую, как указывает Урбан в «Примечаниях», исполняли в парижском кафе «Максим»: «Тарара... бумбия... сию на тумбе я...»¹². Клемен не стала точно передавать ритм и рифмовку этой песенки, а попыталась компенсировать их отсутствие смысловой «подсказкой». Однако этим она обеднила художественный эффект, смысл которого именно в машинальном цитировании героем бессмысленного текста: «Тара... бумбия... Und ich sitz als der Dummkopf da...» («Тара... бумбия... И как болван сию здесь я...»)¹³. Урбан перевел это ритмичнее: «Тарара... бумбия... wie sitze dumm ich da...» («Тарара... бумбия... как глупо сию здесь я...»)¹⁴, но тоже не удержался от внесения в цитату отсутствующего в оригинале семантического акцента.

В третьем действии Вершинин напевает арию Гремина из оперы П.И. Чайковского «Евгений Онегин»: «Любви все возрасты покорны, ее порывы бла-

готворны...»¹⁵. Клемен передает это следующим образом: «Die Liebe kennt ein jedermann, ein jeder ist ihr untertan» («Каждый знает, что такое любовь, каждый ею покорен») ¹⁶. Урбан заимствует цитату из перевода «Евгения Онегина», выполненного Августом Бернхардом: «Ein jeder kennt die Lieb auf Erden, ein jeder muß ihr Sklave werden...» («Каждый знает любовь на земле, каждый должен стать ее рабом») ¹⁷. Склонность персонажей Чехова к цитированию выступает как «симптом» засасывающего их влияния жизни, утрата личной свободы. Эта склонность присуща в основном Чебутыкину и Солену (у Маши невольное, как бы насильственное цитирование фразы о «золотой цепи» – из того же ряда, но с другим «знаком»: она страдает от этой цитаты и внутренне сопротивляется ей). Поэтому чем очевиднее в переводе цитатный характер соответствующих фраз, тем лучше: значит, переводчик уловил эту особенность пьесы. Если цитата взята из известного, хрестоматийного перевода, это оказывается особенно удачно. В данном случае (имеем в виду цитату у Вершинина) создается особый эффект, обусловленный сюжетной ситуацией: Вершинин находится в радостном настроении, расходящемся с общим, тревожным и напряженным от пожара, потому что, как и Маша, переживает расцвет своей запоздалой любви; и цитирует он строки из «Евгения Онегина», касающиеся именно проблемы возраста (в обоих же переводах, как мы видели, этот аспект снят). Но в романе Пушкина и в опере Чайковского этот пассаж имеет противоположные смыслы: если в опере прославляется благотворность любви для всякого возраста, то в романе (гл. 8, строфа XXIX) поздняя любовь лишена жизненной перспективы. Так в пьесе исподволь усиливается драматическая напряженность; она связана, в частности, с тем, сбудется ли Вершинина и Маши «прогноз» по роману или по либретто оперы; а шире – с кардинальным для главных героев пьесы стремлением понять суть и смысл жизни.

В пьесе встречаются также цитаты из басен И.А. Крылова. В первом действии Соленый, отвечая на вопрос Маши, декламирует: «Он ахнуть не успел, как на него медведь надел»¹⁸. В четвертом действии ему этими же словами отвечает Чебутыкин¹⁹. Клемен передает эту фразу в целом близко как по смыслу, так и по форме (сохранив в ней рифмовку): «Er hatte kaum oje geschrien, da war es schon um ihn geschehn» («Он едва крикнул „ой“, как с ним уже все произошло») ²⁰. Урбан дает другой перевод: «Er hatte noch nicht Ach! gesagt, als ihn auch schon der Bär gepackt» («Он еще не успел сказать „ах“, как его уже схватил медведь») ²¹. Такой вариант более точно передает содержание фразы, при этом с характерной для крыловского стиля простотой и лаконичностью; сохраняется ритмический строй басни и рифмовка. Как сообщается в «Примечаниях», данный вариант перевода басни «Крестьянин и работник» принадлежит не самому Урбану, а Фердинанду Леве, который в 1874 г. опубликовал «Полное собрание басен Крылова». Использование «классического», общеизвестного текста, как мы от-

метили, само по себе оптимально при переводе чеховской пьесы. Здесь же Урбан, кроме того, кратко передает содержание басни и ее мораль, стремясь, очевидно, разъяснить немецкому читателю смысл ее цитирования. Но, в целом успешно справившись с задачей воспроизведения отрывка из крыловской басни, оба переводчика не обратили внимание на такую деталь, как «ущербность» цитаты у Соленого, из которой выпали два слога («Он...» вместо «Мужик и...»). Чехов, конечно, знал слова басни, а ошибка Соленого передает (как и в других случаях) отсутствие у этого персонажа чувства ритма. В контексте пьесы, построенной на характерном для зрелого творчества писателя стройном внутреннем ритме, это выдает существенную дефектность самой личности Соленого, его «самозванство» в сфере духа, чуждость той гармонии, по которой томятся главные герои.

В третьем действии Соленый цитирует заключение одной из басен Крылова «Гуси» – и вновь с искажением: «Мысль эту можно б боле пояснить, да боюсь, как бы гусей не раздразнить...»²². (Ср. у Крылова: «Баснь эту можно бы и боле пояснить – / Да чтоб гусей не раздразнить»²³). Клемен перевела это так: «Der Sinn davon ist nicht ersprießlich, doch wenn's den Gänsen wird verdrießlich...» («Смысл из этого не плодотворен, но если это будет досадно гусям...»)²⁴. Урбан предлагает читателям два варианта: в «Примечаниях» фраза цитируется в переводе вышеупомянутого Ф. Лева непосредственно из басни Крылова; в тексте же пьесы она дана в собственном переводе Урбана: «Das Ganze ließe sich noch länger überlegen, doch fürchte ich, die Gänse aufzuregen...» («Над всем этим можно поразмышлять еще и дальше, однако боюсь, как бы гусей не взволновать»)²⁵. Переводчик даже усилил художественный эффект, используя игру слов («das Ganze» – «die Gänse»). Однако ни он, ни Клемен не обратили внимания на все ту же особенность стихотворной цитаты у Соленого – ее ритмическую «хромоту».

Проделанный анализ лишь некоторых видов трудностей в иноязычном воспроизведении драмы Чехова

позволяет сделать вывод, что переводчик должен не только владеть навыками как прозаического, так и стихотворного перевода, но и – что, очевидно, не менее важно – тонко чувствовать и понимать глубокую, порой неожиданную взаимосвязь разных уровней и элементов чеховского текста. Анализ переводов Урбана и Клемен позволяет увидеть современный уровень немецкоязычного воспроизведения драмы «Три сестры», оценив достигнутые в этой области успехи и заметив подлежащие решению задачи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Шнайдер К. Восприятие новеллистики Чехова в Германии // Чехов и Германия. – М., 1996. – С. 241–249.

² Федоров А.В. Введение в теорию перевода. – М., 1953.

³ Čechov A. Drei Schwestern. Übersetzt und herausgegeben von P. Urban. – Zurich: Diogenes Verlag, 1999. – S. 133.

⁴ Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 18 т. – М., 1986. – Т. 13. – С. 133.

⁵ Федоров А.В. Указ. соч. – С. 321.

⁶ Чехов А.П. Указ. соч. – С. 131.

⁷ Tschechow A. Drei Schwestern und andere Dramen / Deutsch von A. Clemen. Frankfurt-a. – М.: Fischer Taschenbuch Verlag, 2004. – S. 133.

⁸ Čechov A. Указ. соч. – С. 22.

⁹ Чехов А.П. Указ. соч. – С. 162.

¹⁰ Tschechow A. Указ. соч. – С. 165.

¹¹ Čechov A. Указ. соч. – С. 62.

¹² Чехов А.П. Указ. соч. – С. 174.

¹³ Tschechow A. Указ. соч. – С. 175.

¹⁴ Čechov A. Указ. соч. – С. 75.

¹⁵ Чехов А.П. Указ. соч. – С. 163.

¹⁶ Tschechow A. Указ. соч. – С. 166.

¹⁷ Čechov A. Указ. соч. – С. 63.

¹⁸ Чехов А.П. Указ. соч. – С. 125.

¹⁹ Там же. – С. 179.

²⁰ Tschechow A. Указ. соч. – С. 128.

²¹ Čechov A. Указ. соч. – С. 15.

²² Чехов А.П. Указ. соч. – С. 164.

²³ Крылов И.А. Соч.: В 2 т. – М., 1955. – Т. 2. – С. 76.

²⁴ Tschechow A. Указ. соч. – С. 167.

²⁵ Čechov A. Указ. соч. – С. 64.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

С.С. БУТОРИН

О ФРУСТРАТИВНОМ КОМПОНЕНТЕ СЕМАНТИКИ ЧАСТИЦЫ *kaj* В КЕТСКОМ ЯЗЫКЕ*

Целью предлагаемой работы является анализ основных значений полифункциональной частицы *kaj*, взаимосвязанных общим семантическим компонентом фрустративности.

Приведем краткий обзор точек зрения относительно семантики *kaj*. Г.К. Вернер выделяет две лексемы (в понимании московской семантической школы) – частицы *kaj I* и *kaj II*. Частица *kaj I* эквивалентна русской частице *было*: *бу кыт kaj датоппул'тет* 'Она лук было схватила', а *kaj II* относится к уступительным частицам: *кит kaj ттатаггатомна, бу бли димбес* 'Хотя дедушка согласился, он не пришел'¹.

В работе Р.С. Гайер обращается внимание на то, что очень часто частица *kaj* передает значение «незавершенности действия», т.е. «в сочетании с глаголами прошедшего времени обозначает действие начатое, но не доведенное до конца по какой-либо причине, явной или скрытой; действие, прерванное неожиданным следствием или обстоятельством»².

Е.А. Крейнович отмечает, что *kaj* выполняет функцию союза в составе сложных уступительных предложений. Вместе с тем, рассматривая сочетаемость частицы *kaj* с частицей *ба*, Е.А. Крейнович полагает, что в таких предложениях содержится указание на «частую повторяемость действия, что, однако, **не всегда приводит к положительному результату**»: *тос'а а kaj бат дитл'ивак, ба:м с'л:рә* 'Вверх я хотя поднимала (тянула) ее, (но) бабушка тяжелая' (т.е. поднять ее не смогла). Кроме того, автор указывает, что *kaj* в сочетании с частицей *с'им* может указывать на нереализованность действия по причине, указанной в главной части предложения³. Как видим, несмотря на то, что в данном высказывании автор считает частицу уступительной, он все же усматривает в ней значение, которое мы называем фрустративным и которое противопоставлено, как мы покажем ниже, уступительно-противительному.

Существенно также замечание Е.А. Крейновича относительно того, что одна из его помощниц-инфор-

мантов сказала: «Мы говорим *kaj* тогда, когда что-нибудь не получается, не удается»⁴.

ПРОТОТИПИЧЕСКОЕ ФРУСТРАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Прототипическим и инвариантным значением частицы *kaj* мы считаем значение, которое будем называть фрустративным. Данное значение входит в качестве семантического компонента в толкование еще одного основного значения *kaj* – уступительного-противительного, а также некоторых других значений, но в чистом виде реализуется в собственно фрустративных конструкциях.

Термин *фрустратив* используется в ряде работ для описания ситуаций, в которых субъект действия намеревается или хочет совершить действие, но терпит неудачу в силу наличия некоторой ситуации, которая препятствует реализации намерения или желания⁵.

В некотором отношении фрустративное значение сближается с антирезультативным, которое возникает в ситуациях, когда предельная ситуация прерывается в своей срединной фазе на пороге достижения финала (результата), из-за нарушения нормального хода событий⁶. Особенно близко фрустративное значение к так называемому тендетивному значению: формы с тендетивным значением «содержат имплицитное указание на недостижимость естественного предела (результата) действия либо в связи с изменением намерений агенса, либо в связи с вмешательством каких-то внешних сил»⁷. Но мы предпочитаем термин *фрустратив*, так как он точнее отражает идею «обманутого ожидания» относительного нормального хода событий (об этом чуть ниже) и содержит модальный семантический компонент интенциональности, точнее, фрустрации (крушение) намерений и ожиданий субъекта.

Мы будем использовать данный термин в несколько модифицированном виде. Фрустративная ситуация – это ситуация, в которой субъект желает, намеревается или предпринимает попытку совершить действие, но реализации попытки препятствует некоторая иная ситуация, нарушающая нормальное развитие событий. Действие не может осуществиться или не доводится до своего финала вопреки воле и

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Грамматический строй кетского языка: части речи и их грамматические признаки», проект № 04-04-00399а.

ожиданиям субъекта пропозиции, содержащей частицу *kaj*.

В семантическом толковании частицы присутствует пресуппозиционный компонент несоответствия ожиданиям субъекта («обманутые ожидания») относительно развития ситуаций, событий, положения дел, нормальный ход которых нарушается какой-то препятствующей ситуацией⁸.

Используя терминологию В.З. Санникова, можно сказать, что *kaj* сигнализирует об отклонении от нормального хода событий, состоящем в том, что нарушается принцип соответствия. Этот принцип, в частности, предполагает, что нормальной является ситуация, когда намерения и ожидания осуществляются в действительности⁹, «крушение» намерений совершить действие, неудавшаяся попытка и является фрустрацией ожиданий говорящего.

Во фрустративных конструкциях имплицитруется 'ненормальное следствие', или 'антиследствие' и эксплицитруется препятствующая ситуация-помеха, хотя в некоторых случаях и она может имплицитироваться. Можно предложить следующее семантическое толкование фрустративной ситуации:

(I) '(Хотя) *S* хотел / намеревался / предпринял попытку осуществить *X* [*P* – недействительное основание], но не смог (= не осуществил) *X* [*Q* – имплицитруемое антиследствие], так как имела место ситуация *Y* [*R* – препятствующая причина], причем *S* не ожидал наличия/осуществления ситуации *R*; при нормальном ходе событий следовало бы ожидать, что *P* приведет к ситуации не-*Q* (ожидаемому следствию), т.е. попытка совершить *X* будет реализована)'

Фрустративное значение преимущественно реализуется с глаголами, называющими контролируемые ситуации, так как только «в случае контролируемых ситуаций субъект может хотеть достичь результата и предпринимать сознательные усилия в этом направлении»¹⁰.

Основной темпоральной сферой реализации прототипического (собственно) фрустративного значения является временной план прошедшего.

В качестве русского эквивалента *kaj* будет использована частица *было*.

bil'eun da blj kaj to:auul'tet, blj dultulut, da e:tanem.

'Белегин своего друга хотел было схватить, но он вырвался и выскочил.'

Толкование: '(Хотя) Белегин своего друга хотел (предпринял попытку) схватить [*P*], но не смог схватить (= не схватил) [*Q*], так как друг вырвался, выскочил' [*R*].

dyu kin'ch' kaj ouonen, da e:se komnetij.

'Юрацкий вождь только было пошел, а его юкса и лопнула.'

Толкование: '(Хотя) Юрацкий вождь хотел (предпринял попытку) пойти [*P*], но не смог пойти (=не пошел) [*Q*], так как у него лопнула юкса (на лыже)[*R*].'

Үакен а:м бо?к ул'ти кимна, ба?нага дба?гоуан. **кај** дал' диринди – ага: кл:кте боге деби:л'. тус'а?акин а:м дабохлар?ко:на, даолдук.

'Мать громов огонь стала пускать, она спустилась вниз на землю. Он было ее порубил, а огонь шейку рогатины сжег. Мать громов его сожгла и съела.'

Толкование: '(Хотя) Он хотел (предпринял попытку) ее изрубить (рогатиной) [*P*], но не смог изрубить (= не изрубил) [*Q*], так как огонь шейку рогатины сжег (т.е. рогатина сломалась) [*R*].'

По своим аспектуальным характеристикам фрустративные конструкции могут быть итеративными (а) и континуативными (б).

(а) Итеративное значение передается сочетанием частиц *kaj* и следующей за ней частицей *ба/бат* со спрягаемой формой предельного глагола:

ки:д о:кс' тогас' kaj бат ковуну – та? еји:, а биг о:кс' **кај бат** ковуну – ха? та? еји:.

'Это дерево топором было срубил – оно все из железа; другое дерево было срубил – тоже целиком железо.'

Толкование: 'То (одно) дерево топором хотел срубить [*P*], но не смог срубить (= не срубил)[*Q*], так как оно все железное [*R*], то другое дерево хотел срубить [*Q*], но не смог срубить (= не срубил), так как оно тоже все железное' [*R*].

(б) Континуативное прочтение возникает при сочетании частиц *kaj* и *ба/бат* с неопределенными глаголами, при этом фиксируется длящаяся стадия ситуации¹¹. Семантическое толкование: '*S* довольно долго предпринимал попытку осуществить неопределенное действие *X*, но данная попытка не увенчалась успехом':

тунил' ал' тави:ј ес'а? хандит бена kaj ба рэбупулу, **кај ба** рэбупуло, а ба:т хан де:вине.

'Потом она суп черпать хочет [чтобы суп черпать. – С.Б.]; по сторонам поварежку было высматривала [долго искала. – С.Б.], было высматривала, а старик поварежку спрятал.

Толкование: 'Потом (Хотя) чтобы суп налить она поварежку долго высматривала (в значении пыталась найти) [*P*], но не смогла найти (= не нашла)[*Q*], так как старик ее спрятал[*R*].'

МОДИФИКАЦИЯ ФРУСТРАТИВНОГО КОМПОНЕНТА

Прототипическое фрустративное значение может подвергаться различного рода семантической модификации, в частности:

1. Попытка реализовать потенциальное действие или достичь поставленной цели может быть намеренно прервана, отложена самим субъектом по его собственным соображениям или по определенным причинам, которые он осознает; тем не менее осознаваемый препятствующий фактор является внешним по отношению к субъекту. В прототипических фрустративных конструкциях попытка прерывается внешним фактором помимо воли субъекта. Указанному прочте-

нию способствует использование частицы сослагательного наклонения *с'им*:

с'им kaj диүимдак, а комал' тул' к'эр' лүа абтан' оуот'н'

'(Я) было собралась (белку) застрелить, а оттуда человек сюда в мою сторону идет (по обычаю кетов добыча уступается постороннему охотнику, который неожиданно появляется в момент ее убиения)'¹².

Толкование: '(Хотя) я хотела (намеревалась) белку застрелить [P], но по своей воле не застрелила [Q], так как осознала препятствующую ситуацию: оттуда человек сюда в мою сторону идет [R]'.

2. Попытка или намерение совершить действие может быть также отложена самим субъектом в ситуации 'конфликта мотивов', который можно проиллюстрировать контекстом типа:

дыүедеңа *kaj* де:јкоңана:н, буң манмаң е:тиңбес кома еј дыңанда:k

'Юраки (некоторые из них. – С.Б.) было их убивать стали, (но) они [другие юраки. – С.Б.] сказали: «Живыми мы их бросим (оставим)»'

Толкование: '(Хотя) Часть юраков хотели убить кетов [P], но (не смогли убить) не убили [Q], так как другие юраки не хотели их убивать (т.е. руководствовались иным мотивом) [R]'.

3. В некоторых случаях фрустративные конструкции могут приобретать «антирезультативное значение», в связи с тем, что фрустративное значение и антирезультативное значение сближаются общим семантическим компонентом – указанием на то, что, по мнению субъекта оценки, развитие описываемых ситуаций отклоняется от нормального хода событий или положения дел¹³.

Семантический компонент 'попытка/намерение осуществить действие прерывается самим субъектом пропозиции', а не внешним фактором (= внешней препятствующей ситуацией) также способствует антирезультативному прочтению:

тул' она *kaj* боуон'дин, тус' кан'иңа вдокта боңн'әм... дан'гитдәлң (лҗн) там б'эс'а б'эн' дәхан'тәт.

'Отсюда только было отошла, по этому месту туда свой взгляд бросила (взяла) ... сучья молоденькой ели кто-то, оказывается, обломал.'

Толкование: 'Она хотела (намеревалась уже) отойти, но не отошла – остановилась.'

4. В прототипических фрустративных конструкциях описываемые ситуации относятся к темпоральному плану прошедшего (нереализованная попытка совершить действие в прошлом). При спрягаемых формах глагола настоящее-будущего времени возникает значение гипотетической обусловленности и возможно условно-следственное прочтение. Однако значение 'отложенного намерения' сохраняется.

В приводимом контексте говорящий строит альтернативные гипотезы относительно поступков в будущем, но предполагает, что все они будут иметь негативные для него последствия и на самом деле по-

ступает иначе и выбирает совсем иную альтернативу – *ложится спать в углу возле двери*.

биндап сејга *kaj* тади:т, боја ды:ддок. кл: кол'епке *kaj* тади:т, боја:, ды:ддок. котын'га *kaj* тади:т, боја: дыддук, кл: аттоуа *kaj* тади:т, боја: дыддок. тап с'ийүе *kaj* тади:т, боја: дыддок. килетиң кл: аттадиңа ауа си:с'длуитбес. бу да тол'ет. бу ус'ан иуоуен.

'Если я на свое место лягу, чертовка меня съест. Если на той стороне чума лягу, чертовка меня съест. Если в передней части чума лягу, чертовка меня съест. Если на той стороне около дверей лягу, чертовка меня съест. Если на собачьем месте лягу, чертовка меня съест!' Он покотился на тот угол возле дверей через дрова (кучу дров. – С.Б.). Он лег, спать стал'.

5. Фрустративному компоненту значения может сопутствовать семантический компонент 'факт неудавшейся попытки субъекта пропозиции совершить действие оценивается как благоприятный для говорящего или слушающего, причем субъект пропозиции не является участником речевого акта', например:

тотобол' – с'у: ана ат ситакиндит, а каскет бада – у доотам *kaj* да и:л'гудок!

'Тотаболь (воскликнул): «Чу, кто меня разбудил?»'. А Каскет ответил: "Баба-яга чуть было тебя не съела»'.

Толкование: '(Хотя) Баба-яга хотела (намеревалась) тебя съест, но к счастью для тебя, не съела'.

УСТУПИТЕЛЬНО-ПРОТИВИТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЧАСТИЦЫ *kaj*

Помимо фрустративного значения у частицы отмечается наличие уступительно-противительного значения. Частица *kaj* выражает уступительные и противительные отношения недифференцированно, в связи с чем мы будем говорить об уступительно-противительных отношениях и конструкциях.

Функциональная и семантическая близость уступительных и противительных конструкций проявляется в том, что уступительной конструкции может быть присуще противительное значение, и наоборот, противительной конструкции может быть присуще уступительное. В силу этого уступительный союз можно заменить на противительный и наоборот. Например в русском языке: *Идет дождь, но все гуляют* ⇒ *Хотя идет дождь, все гуляют*. При этом в подобных высказываниях могут совместно использоваться и уступительный, и противительный союзы, что, в принципе, не изменяет смысл высказывания: *Хотя идет дождь, но все гуляют*¹⁴.

Семантическая близость рассматриваемых конструкций неоднократно отмечалась; в частности, их объединяет то, что они обозначают нарушение "жизненных закономерностей", некоторого естественного хода событий или положения дел¹⁵. Концепты 'уступительное значение' и 'противительное значение' включают идею ненормального (неестественного) развития событий, конфликтного сосуществования или

следования ситуаций, что не соответствует общим принципам устройства мира с точки зрения говорящего (и слушающего)¹⁶.

Уступительно-противительное значение частицы *кај* может быть истолковано следующим образом:

(II) 'имеет место ситуация типа *P* (недействительное основание, уступка), имеет место ситуация типа *Q* (антиследствие, 'ненормальное следствие') и имеет место ситуация *R* (препятствующая/превосходящая причина); обычно или при естественном ходе событий ситуация типа *P* приводит к ситуациям типа не-*Q* (иными словами – к ожидаемому следствию); ситуация *R* влияет на нормальный ход событий (имеющееся положение дел); в результате имеет место ситуация *Q*; субъект оценки рассматривает имеющую в данном случае ситуацию *Q* как нарушение обычного или естественного хода событий' Ситуация *R* часто имплицитруется. Например, в русском: *И хотя он был красив [P], она оттолкнула его [Q], потому что боялась отца [R]; (при нормальном ходе событий следовало бы ожидать, что она не оттолкнет его')*¹⁷.

Примеры уступительно-противительных конструкций в кетском языке:

бу *кај* титлак, блн дитнбал', болтак улобас нимил'тет

'Он **хоть** и погнался за ним, но не догнал его. Палец в прорубь нырнул.'

Толкование: '(Хотя) он гонялся за ним (за пальцем черта) [P], (но) не догнал [Q], так как палец в прорубь нырнул [R]'; ожидаемое следствие – и догнал его [не-Q]'.
ҕе:?, ад ҕынам табл'еткај *кај* т би:л'и, но акта дил'ни там акс' блн с'етонк.

'Да, я две таблетки **хотя** принял, но лучше от этого нисколько не стало.'

Толкование: '(Хотя) я две таблетки принял [P], но лучше от этого нисколько не стало [Q] (в данном случае *R* имплицитруется)'.
ҕе:?, ад ҕынам табл'еткај *кај* т би:л'и, но акта дил'ни там акс' блн с'етонк.

Толкование: '(Хотя) я две таблетки принял [P], но лучше от этого нисколько не стало [Q] (в данном случае *R* имплицитруется)'.
ҕе:?, ад ҕынам табл'еткај *кај* т би:л'и, но акта дил'ни там акс' блн с'етонк.

Сопоставление фрустративных и уступительно-противительных конструкций. Фрустративные и уступительно-противительные конструкции имеют общий семантический компонент – имеет место нарушение обычного порядка вещей, что является неожиданным по мнению субъекта оценки.

Представляется, что семантическое схождение фрустративных и уступительно-противительных конструкций обусловлено также наличием других общих семантических компонентов. Семантическое сходство фрустративности с уступительностью и противительностью состоит в наличии явно или неявно выраженных ситуаций – антиследствия и препятствующей / превосходящей причины (см. выше толкования (I) и (II)).

Отличие состоит в том, что во фрустративных конструкциях эксплицируется препятствующая / превосходящая ситуация-причина и имплицитруется антиследствие, в то время как в уступительно-противительных конструкциях ситуация обратная: эксплицирует-

ся антиследствие или 'ненормальное следствие', а препятствующая ситуация, как правило, имплицитруется в довольно широком контексте. Иными словами, во фрустративной конструкции в фокусе находится препятствующая ситуация, а в уступительно-противительных – антиследствие.

Сфера действия *кај*. Во фрустративных конструкциях препятствующая ситуация очень часто называется в непосредственно следующей за высказыванием с *кај* части дискурса, причем можно говорить, что эти части образуют сложное бессоюзное предложение, в котором частица выступает в функции синтаксической скрепы (см. примеры выше). Данные конструкции являются бипропозитивными бипредикативными, т.е. включающими, как минимум, две финитные (спрягаемые) формы. Под финитной формой понимается форма, которая прототипически занимает позицию единственного сказуемого в простом повествовательном предложении; все остальные формы (не способные занимать позицию сказуемого в простом предложении) являются нефинитными¹⁸. Конструкции с нефинитными формами в кетском языке отсутствуют.

Однако сфера действия *кај* может быть не только внутрифразовой (в составе бессоюзного сложного предложения), но и сверхфразовой. В последнем случае препятствующая причина косвенно указывается в более широком контексте – фрагменте дискурса:

деҕ би:с игде ребуҕсоуон – деҕтсугдес кап ул'дил' тос' е:сконуан, һыҕе кет тсесте. д'еҕ *кај* дауымдауен. тлнеј да кабдил' аҕ десоуот бинда ку:стил'. тлнеј аҕ де котејул'а.ҕа:л да куска да кимн сетонна, кап кыл'а аҕа ра котеју:л'ан ҕаҕиҕал'.

'Люди вечером внизу посмотрели – в том краю озера из воды вверх берестяная лодка вышла, в ней человек сидит. Люди **было** выстрелили (в него) К лодке Тынея привязана веревка от чума. Тыней веревку дернул, а там в чуме его жены узнали, лодку быстро за веревку вверх вытащили.'

Толкование: '(Хотя) Люди хотели застрелить Тынея [P], но не смогли (= не застрелили) [Q], так как его жены быстро лодку из воды вытащили и помogli Тюнею скрыться (спрятаться в укрытии) [R].'
ҕе:?, ад ҕынам табл'еткај *кај* т би:л'и, но акта дил'ни там акс' блн с'етонк.

Препятствующая ситуация может вовсе не указываться, а лишь подразумеваться:

канде хунт с'уҕт *һонне бли кај* кајнем.

'Он (младший брат) на гору ушел, к (тем) костям своего отца, туда пришел, коня взял, верхом сел, на этом коне уехал; платок царской дочери **чуть было не** схватил'.

Толкование: '(Хотя) он пытался схватить платок [P], он смог (= не схватил) [Q], так как конь чуть-чуть не допрыгнул до высоко подвешенного платка [имплицитруемая ситуация R]'.
ҕе:?, ад ҕынам табл'еткај *кај* т би:л'и, но акта дил'ни там акс' блн с'етонк.

В ряде случаев при анализе функций частицы внутренняя семантика фразового или сверхфразового единства небезразлична для интерпретации фрустративного, уступительно-противительного или иного прочтения высказывания. Анализ семантики высказываний с *кај* показал, что выбор прочтения та-

ких высказываний относится к области понимания текста.

В заключение отметим, что в статье проанализированы основные случаи функционирования *kaj*, обусловленные семантическим компонентом фрустративности, поскольку рамки статьи не позволяют рассмотреть все случаи использования этой полифункциональной частицы, некоторые из них, как может показаться, в той или иной мере не соответствуют ее прототипическому использованию.

В качестве прототипического компонента значений частицы *kaj* выделяется фрустративный семантический компонент: указание на нарушение нормального хода / развития событий или на ненормальный ход / развитие событий с точки зрения субъекта оценки, которым может быть говорящий, повествователь нарратива или субъект ситуации. Высказывания с *kaj* также характеризуются эффектом обманутого ожидания. Данный компонент присутствует и в семантическом толковании уступительно-противительного значения *kaj*. Средства дифференциации данных значений служат темпоральные, таксисные и контекстуальные средства.

Рассматриваемая частица является одним из средств компенсации отсутствия исконных уступительных и противительных союзов и выполняет функцию скрепы как в составе сложных синтаксических единств, так и в составе сверхфразового единства – дискурсе. Иными словами, выступает в функции как союзной, так и дискурсивной скрепы.

Анализ показал, что кетский язык относится к языкам, в которых уступительно-противительные отношения выражаются с помощью частиц, как и в некоторых других языках (например, тюркских)¹⁹.

Можно провести типологическую параллель между кетскими фрустративными конструкциями со скрепой *kaj* и несобственно уступительными конструкциями с имплицитным следственным компонентом в ненецком языке. В зависимой части таких конструкций, всегда предшествующей главной, «сообщается о некоей желательной, с точки зрения говорящего ситуации А, которая могла бы иметь место, а в главной части приводится препятствующее осуществлению этой ситуации обстоятельство В», например, *‘Уже хотел, было выпустить одну стрелу [А] (но не выпустил, поэтому что), как оборвалась тетива его лука [В]’*²⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Werner H. Vergleichendes Wörterbuch der Jenissej-Sprachen. – Wiesbaden, 2002. – Bd. 2. – S. 61.

² Гайер Р.С. О различных случаях употребления и оттенках значения частицы «кай» в имбатском диалекте кетского языка // Языки и топонимия Сибири. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1971. – Вып. IV. – С. 41.

³ Крейнович Е.А. О роли частиц в кетском языке // Лингвистические исследования 1982. Языковые единицы в синхронии и диахронии. – М., 1982. – С. 127.

⁴ Там же. – С. 128.

⁵ См., напр.: Reilly E.M. A Survey of Texistepec Popoluca Verbal Morphology. Unpublished undergraduate thesis. Carleton College, Northfield, Minnesota. – Available at: <http://www.cog.jhu.edu/grad-students/reilly>; Sparing-Chávez M. I Want to but I Can't: The Frustrative in Amahuaca. SIL International 2003. Available at: <http://www.sil.org/silewp/2003-002.pdf>.

⁶ Плунгян В.А. Антирезультатив: до и после результата // Исследования по теории грамматики. – М., 2001. – Вып. 1: Глагольные категории. – С. 52–54.

⁷ Аксенова И.С. Глагол в языках банту // Основы африканского языкознания: Глагол. – М., 2003. мс. 76.

⁸ Санников В.З. Русские сочинительные конструкции: Семантика. Прагматика. Синтаксис. – М., 1989. – С. 162–164; Ляпон М.В. Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений. – М., 1986. – С. 164; Урысон Е.В. Союз *хотя* сквозь призму семантических примитивов // ВЯ. – 2002. – № 6. С. – 38–43; Апресян В.Ю. Уступительность как системообразующий смысл // ВЯ. – 2006. – № 2. – С. 98–101.

⁹ Санников В.З. Указ соч. – С. 162–164.

¹⁰ Плунгян В.А. Указ соч. – С. 56.

¹¹ Comrie B. Aspect. – Cambridge University Press. – 1976. – P. 41.

¹² Пример см.: Крейнович Е.А. Op. cit. – С. 127.

¹³ Плунгян В.А. Указ соч. – С. 74.

¹⁴ Ляпон М.В. Указ соч. – С. 152–153; Храковский В.С. Анкета для описания уступительных конструкций // Типология уступительных конструкций. – СПб., 2004. – С. 566–567.

¹⁵ Санников В.З. Указ соч.; Урысон Е.В. Указ соч. – С. 39, 43.

¹⁶ Храковский В.С. Уступительные конструкции: семантика, синтаксис, типология // Типология уступительных конструкций. – СПб., 2004. – С. 10

¹⁷ Теремова Р.М. Указ соч. – С. 5; Урысон Е.В. Указ соч. – С. 36–39; Урысон Е.В. Союз *но*, или что такое «обманутое ожидание» // Материалы Междунар. конф. «Диалог’2005». Available at: <http://www.dialog-21.ru/materials>; Апресян В.Ю. Указ соч. – С. 90–91.

¹⁸ Храковский В.С. Уступительные конструкции: семантика, синтаксис, типология // Типология уступительных конструкций. – СПб., 2004. – С. 26.

¹⁹ Там же. – С. 54.

²⁰ Буркова С.И. Сопоставительное описание функционально-семантических полей обусловленности в лесном и тундровом диалектах ненецкого языка. – Новосибирск, 2003. – С. 215–216.

А.А. МАЛЬЦЕВА

ОТРИЦАТЕЛЬНО-ЦЕЛЕВЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ЧУКОТСКО-КОРЯКСКИХ ЯЗЫКАХ*

В статье будут рассмотрены средства выражения отрицательно-целевого значения ('чтобы не') в полипредикативных конструкциях (ППК) чукотско-корякских языков (алюторского, корякского и чукотского), а также в языках Сибири других семей¹.

Отрицательно-целевые конструкции входят в круг целевых конструкций, ядро которого составляют *собственно целевые конструкции*, в главной предикативной единице (ГПЕ) которых обозначено активное действие, направленное на достижение предполагаемого и *желательного* события, обозначенного в зависимой предикативной единице (ЗПЕ), которого субъект стремится достичь и которое намерен контролировать.

Отрицательно-целевая ППК в качестве ГПЕ также содержит предложение, предикат которого выражает активное действие, но направлено оно на то, чтобы предотвратить предполагаемое, но *нежелательное* с точки зрения субъекта ГПЕ событие, обозначенное в ЗПЕ.

Отрицательно-целевое значение чаще всего выражается комбинацией средств выражения отрицания и цели, но есть языки, и среди них алюторский и некоторые другие языки Сибири, в которых отрицательно-целевое значение представляет собой независимую грамматическую семантику.

1. СТРУКТУРА ОТРИЦАТЕЛЬНО-ЦЕЛЕВЫХ ППК В ЧУКОТСКО-КОРЯКСКИХ ЯЗЫКАХ

Отрицательно-целевые ППК в чукотско-корякских языках по структурному типу являются аналитико-синтетическими, поскольку средством выражения отрицательно-целевого значения в них выступает зависимый предикат в форме неизменяемых отрицательных деепричастий, различных по языкам (см. таблицу), часто в комбинации с целевыми союзами, также материально различными во всех трех языках: *қина(қ)* в алюторском языке, *тит / тик* (кам.) – в корякском, *иңқун* – в чукотском. Эти союзы являются полифункциональными и, кроме целевых ППК, во всех чукотско-корякских языках используются также в конструкциях со значением косвенного волеизъявления (*Он сказал, чтобы мы пришли*), а в чукотском языке – во всех типах изъяснительных предложений.

Отличительная черта отрицательно-целевых ЗПЕ в чукотско-корякских языках заключается в том, что монофинитность или бифинитность в них является не конструктивной особенностью, а дополнительным, факкультативным признаком: отрицательные деепричастия могут сопровождаться вспомогательными глаголами в форме опатива или конъюнктива, в которых выражаются лицо и число актантов зависимого предиката.

В чукотском языке в данном типе конструкций вспомогательный глагол всегда оформляется показателем опатива, а в алюторском и корякском языках возможны оба косвенных наклонения. Выбор формы опатива или конъюнктива определяется задачами говорящего, поскольку формы косвенных наклонений сохраняют свою грамматическую семантику: опатив в сочетании с отрицательным деепричастием подчеркивает *нежелатель-*

Отрицательно-целевые конструкции в чукотско-корякских языках

Языки	Отрицательно-целевые ЗПЕ			
	Конструкция ЗПЕ	Всего примеров	В том числе с союзом	В том числе со всп. глаголом
Алюторский	(қина(қ)) $T_v = \text{PURPNEG} (T_{\text{AUX}} = \text{OPT/CONJ} = //)$	34	5	1
	(қина(қ)) $T_v = \text{CVNEG}_1 (T_{\text{AUX}} = \text{OPT/CONJ} = //)$	58	39	31
Корякский	(тит / тик) $T_v = \text{CVNEG}_1 (T_{\text{AUX}} = \text{OPT/CONJ} = //)$	9	9	6
	(тит / тик) $T_v = \text{CVNEG}_2 (T_{\text{AUX}} = \text{OPT/CONJ} = //)$	37	36	24
Чукотский	иңқун $T_v = \text{CVNEG}_3 (T_{\text{AUX}} = \text{OPT} = //)$	40	40	29

* Работа выполнена в рамках Программы Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям», проект «Тенденции развития грамматических систем языков Сибири в XX в. в условиях изменения сферы их функционирования» (2006–2008 гг.).

ность действия, выраженного зависимым предикатом, а конъюнктив – то, что действие, по мнению субъекта, не должно произойти.

Отрицательно-целевые ЗПЕ в чукотско-корякских языках могут располагаться как в постпозиции к ГПЕ (в 79 % случаев), так и в препозиции (в 21 % случаев).

1.1. Отрицательно-целевые ЗПЕ в алюторском языке

1.1.1. Отрицательно-целевые ЗПЕ со специализированной инфинитивной формой

Алюторский язык существенно отличается от корякского и чукотского тем, что в нем имеется специализированное средство выражения отрицательно-целевого значения, которое не встречается в других конструкциях: деепричастие с циркумфиксом $təmju= / təmju\varepsilon= - = (m)\varepsilon / = (m)a$. Отрицательно-целевое значение в данном показателе выражается прежде всего инициально; финаль циркумфикса, восходящая к форме инструментального падежа, является общей для целого ряда деепричастий. Это отрицательно-целевое деепричастие можно рассматривать как отрицательный аналог целевого деепричастия (супина): оно, как и целевое деепричастие в алюторском языке, практически не употребляется с союзом (1 случай из 34) и крайне редко сопровождается вспомогательным глаголом (5 случаев из 34).

(1) ал., кар.

Рәкәртүн визайа қайәрзат тәмүэ кәтҕ'айүат².

ṛəkərt̪=ən	vʲɔj=ɑ	çə=jəɹtɑt	təmje=kət=ħajɲɑ=t
рот=ABS.sg	травя=INSTR	2S/A.OPT=наполнить	PURPNEG=внезапно=звучать=CV

‘Рот травой заткни, чтобы вдруг не закричала.’

(2) ал., рек.

Коңата қав'ав'ав'и тәмүэв'айчита.

koŋɑ=ta	ç=ɑwwɑw=wɪ	təmje=wajçit=ɑ
лошадь=INSTR	2S/A.OPT=отправиться=2sgS	PURPNEG=идти пешком=CV

‘Езжай на лошади, чтобы не идти пешком.’

(3) ал., ан.

Мәтәүитип' натәкәткәна, тәмүйәгута сукрата қурав'ви.

mətəɹ=ʔipɪ=w	na=tələ=ħkə=na	təmji=jəɣu=ta	suqra=ta	qura=wwi
комар=дым=ABS.pl	LowA=делать=IPFV=3nsgP	PURPNEG=укусить=CV	овод=INSTR	олень=ABS.pl

‘Делают дымокуры, чтобы оленей не кусали оводы.’

1.1.2. Происхождение отрицательно-целевого деепричастия

Происхождение и значение основы $təmju(u) / təmju\varepsilon=$ не вполне ясно: вероятно, она является именной или адъективной, о чем свидетельствует ее употребление во всех чукотско-корякских языках в составе глагольной основы $təmju=ε= / təmju\varepsilon=ε=$ ‘потеряться, исчезнуть, спрятаться’, где формант $=ε=$ является вербализатором, образующим глаголы от именных и качественных основ.

(4) ал.

Кытав'ут, гырникгырнын тмүиви³.

çtawət	ɣənik=ɣərtə=n	təmji=v=i
вдруг	зверь=место, избыливающее=ABS.sg	?=VBLZ=PFV

‘Вдруг зверье исчезло.’

(5) кор.

Өсвоткьк тьтүөләј ыгичейтк⁴.

çʃvo=mkəɬ	təmje=w=la=j	ləyi=çəjm=əɬ
кедрач=группа=LOC	?=VBLZ=PL=PFV	настоящий=близкий=LOC

‘В зарослях кедрача спрятались, очень близко.’

На именной характер основы $təmju=$ указывает ее употребление в алюторском и корякском языках в составе аналитического глагола $təmju=y / təmju=ο ләү=əɬ$ ‘не заметить’, где первый компонент представляет собой заставшую форму назначительного падежа имени, а второй – вспомогательный глагол со значением ‘считать кого- / что-л. кем- / чем-л.’.

(6) ал., выв.

То сама мургэнан тэмү мэтэлүэлан саңқэтатэлээн гаргэнуу Пицинау⁵.

to	sama	murɣe=nan	təmŋ=ɯ	mətɛ=ŋɛ=la=n	saŋqetəθ=ŋʔ=ən	ɣarɣenu=ŋ	piŋinaŋ
и	все-таки	мы.OBL=ERG	?=EQU	1nsgS/A=AUX=PL=3sgS/P	прыгать=ATR=ABS.sg	вне дома=DAT	pers

‘И все-таки мы не заметили выскочившего наружу Пининана.’

(7) кор.

Бичу эмлутэ тымн’о нэлн’ын вутхытвилгыын⁶.

ɛʃʃ=ɯ	em=ɛlu=te	təmŋ=ɔ	ne=ŋɛ=ən	vutɕɤtvi=ŋ=ən
они=ABS.pl	CV=собирать ягоды=CV	?=EQU	LowA=AUX=3sgS/P	темнеть=ATR=ABS.sg

‘Собирая ягоды, они не заметили наступления темноты.’

Кроме того, в алюторском языке слово *тэмү*=у употребляется как наречие со значением ‘нечаянно’ (пример 8), иногда осложняется показателем со значением ‘сторона’ =*уқал* (пример 9):

(8) ал., рек.

Қликтумга таланаңа инайвэкли тилгэк тэмү.

qliktumɣ=a	tala=naŋ=a	in=ajvɛkl=i	tilɣ=ək	təmŋ=ɯ
брат=INSTR	толочь=NMLZ.instr=INSTR	1sgP=ударять=PFV	палец=LOC	?=EQU

‘Брат меня нечаянно ударил по пальцу молотком.’

(9) ал., ан.

Гэнаннэ гэммэ тэмүуқад в’алата инадпиви.

ɣe=naŋnə	ɣəmmə	təmŋ=ɯ=ŋqal	wala=ta	ina=lpiv=i
ты=ERG	я	?=EQU=ADV.ad	нож=INSTR	1sgP=порезать(ся)=PFV

‘Ты меня нечаянно ножом порезал.’

В чукотском языке деривационный префикс *тымн’(э)*= может присоединяться к формам глагола, характеризуя действия как несущественные или бесполезные⁷, а также к формам имени, внося дополнительное словообразовательное значение ‘обыкновенный, простой’.

(10) чук.

Ытлэн нымэчъээтк’ин, ин’к’ун ынпыначга ытлэн тымн’айн’альатыркынэн⁸.

ətʃon	nə=meʃ=ʔeʔet=ajŋ	inɣun	əpɤaʃɣ=a	ətʃon	təmŋ=ʔajŋa=ʔatə=rke=nen
он	IPF=сильно=обидеться=3sgS/P	что(бы)	дел=INSTR	он	напрасно=звучать=HABIT=IPFV=3sgA/3sgP

‘Он обижается, что бабушка его напрасно зовёт.’

(11) чук.

...ванэван тымн’элыгэрак нымывак нычирмын’этын⁹.

vanevan	təmŋe=ləɣe=ra=k	nəme=tva=k	nə=ʃirməŋet=ən
не	обыкновенный=настоящий=дом=LOC	селение=находиться=INF	3S/A.OPT=брезговать=3sgS/P

‘Он не брезгует в обыкновенной яранге жить.’

1.1.3. Отрицательное деепричастие с циркумфиксом *нуу= / ноу= – =(m)э / =(m)а*

Вторым, и даже более частотным, средством выражения отрицательно-целевого значения в алюторском языке является отрицательное деепричастие с циркумфиксом *нуу= / ноу= – =(m)э / =(m)а* (CVNEG₁), которое также используется в простых предложениях в составе аналитических отрицательных конструкций для маркировки отрицания в косвенных наклонениях.

В отрицательно-целевых ЗПЕ данное деепричастие может выступать без вспомогательного глагола (пример 12) или со вспомогательным глаголом в форме опатива (пример 13) или конъюнктива (пример 14). Употребление целевого союза в отрицательно-целевых ЗПЕ с данным деепричастием желательны (39 случаев из 58).

(12) ал., кар.

Моргэнан қайуу мэттэнгэткипүткэт, қинақ г’этг’а нууәйгуткутэ.

murɣe=nan	qajju	mət=tɛŋɣɛtkipɤt=kət	qinaq	ʔətʃ=a	nuŋe=jyɯ=tku=te
мы.OBL=ERG	оленок	1nsgS/A=присматривать=IPFV=PL	чтобы	собака=INSTR	CVNEG ₁ =укусить=ITER=CV

‘Мы присматриваем за оленятами, чтобы (их) собаки не кусали.’

(13) ал., выв.

Муру нууҕайава мэнилла лэҕлауки, аҕлаза натаплауҕламэҕ.

mur=и	нуη=аҕайава=а	мэн=ил=ла	лэҕлаη=ки	е а? =а
мы=ABS.pl	CVNEG ₁ =мерзнуть=CV	1nsgS/A.OPT+CONJ=быть=PL	зима=LOC	мать=INSTR

na=fa=pla=η=la=m k э

LowA=DEZ/делать=обувь=DEZ/делать=PL=1nsgS/P

‘Чтобы мы не мерзли зимой, мать сшила нам торбаза.’ (букв.: обшила нас торбазами)

(14) ал., ан.

Әттүв'в'и ив'в'әрҕа тив'тисилқивләу гилмимла қинақ нуутойусавҕа нэитәлқиәвәна.

әтт=uwwi	iwwәrҕa	t=iw? =isi=lqiv=la=η	γil=miml=a	қинақ нуη=tojusavη=а
они=ABS.pl	специально	FUT=пить=INCH=PL=PFV	лед=вода=INSTR	чтобы CONNEG ₁ =учиться=CV

n? =ite=lqiv =nae

CONJ=быть=INCH=3nsgS/P

‘Они специально будут пить ледяную воду, чтобы не учиться.’

Поскольку отрицательно-целевое деепричастие в функции предиката отрицательно-целевой ЗПЕ по частотности значительно уступает неспециализированному отрицательному деепричастию, то можно предположить, что данная семантика как отличная от целевой была осознана носителями алюторского языка в недавнем прошлом, а сама конструкция с этим деепричастием является инновацией в языковой системе.

1.1.4. Замена отрицательно-целевой конструкции на причинную

В рекинниковском говоре алюторского языка в отдельных случаях наблюдается замена ожидаемой отрицательно-целевой конструкции на причинную, т.е. нежелательное событие, связанное с событием ГПЕ, эксплицируется не как следствие, а как причина. Предикат в подобных причинных ЗПЕ также выступает в форме косвенного наклонения, а именно оптатива.

(15) ал., рек.

Мәтгиталаткәна қайуу'в'и, мрив' г'әтг'а әннуна.

mei=γita=la=tk=әna	qajju=wwi	mriw	ʔәfʔ=a	әn=nu=na
1nsgS/A=смотреть=PL=IPFV=3nsgS/P	оленок=ABS.pl	потому что	собака=INSTR	LowA.OPT=съесть=3nsgS/P

‘Мы смотрим за телятами, потому что собаки их захотят съесть.’ (* потому что пусть съедят)

Подобные примеры позволяют уточнить семантику оптатива в алюторском языке: она должна трактоваться не как пожелание со стороны внешнего по отношению к данному действию субъекта (‘пусть он сделает’), а как внутренняя потребность субъекта данного действия.

Форма оптатива является высокоупотребительной в речевой практике носителей алюторского языка в качестве предиката повелительного предложения, в то время как прямой императив, относящийся только ко 2-му лицу, используется крайне редко. Это соотносится с системой морально-нравственных ценностей и воспитания в данном обществе, живущем в суровых климатических условиях, где прямые повеления считаются малоэффективными, поскольку человек должен сам понять жизненную необходимость выполнения определенных видов повседневной деятельности.

1.2. Отрицательно-целевые ЗПЕ в корякском языке

В корякском языке отрицательно-целевые отношения выражаются только с помощью неспециализированных отрицательных деепричастий, маркирующих отрицательный компонент значения, в то время как целевой компонент значения передается союзом, который в корякском языке в этих конструкциях обязателен.

Отрицательное деепричастие с циркумфиксом нуу= / ноу= – =(m)э / =(m)а, более частотное в алюторском языке, в корякских отрицательно-целевых конструкциях встречается редко (9 примеров из 46).

(16) кор.

То вәг'айок гәг'иуқәлтәлин, тит ноумоголата¹⁰.

to	vehajok	γe=ʕiη=keltә=lin	fit	ноη=моуҕола=fa
и	потом	PF/CV=нос=завязать=3sgS/P	чтобы	CVNEG ₁ =лаять=CV

‘А потом пасть завязали, чтобы не лаяла.’

(17) кор.

Эмэмкүтынэк гэнгыюлэвлин ынпын'эв, тит нун'невъетэ нэнъынтынэу евымтыльу¹¹.

ememkub=ne=k	ye=nʉejulew=lin	enpe=new	tit	nun=neuje=te
pers=SG=LOC	PF/CV=учить=3sgS/P	старый=женщина	чтобы	CVNEG=кормить=CV

ne=nh =nt ene=aw

jewə=mtə=lh=u

LowA=CONJ=AUX=3nsgS/P=PL

куропатка=SIM=ATR=ABS.pl

‘Эмэмкүт подучил старуху, чтобы они не кормили людей-куропаток.’

Чаще используется универсальное отрицательное деепричастие с циркумфиксом (э)= / (а)= – =кэ / =ка (CVNEG₂), которое в составе отрицательной аналитической конструкции в простом предложении может сочетаться со вспомогательными глаголами в любом наклонении, а без вспомогательного глагола имеет прохибитивное значение. В отрицательно-целевых конструкциях это деепричастие выступает либо одиночно (пример 18), либо, чаще, в сопровождении вспомогательных глаголов в опативе (пример 19) или конъюнктиве (пример 20).

(18) кор.

Евгътонак кунульгъин, тит а'энгакка...¹²

ewgto=na=k	ku=nulvə=η=nin	tit	a=hinηat=ka
pers=SG=LOC	PRES=держатъ=PFV=3sgA/3P	чтобы	CVNEG₂=упасть=CVNEG₂

‘Эвныто поддерживает его, чтобы не упал...’

(19) кор.

Нэнячэн лымгэ..., тит микнэк элзукэ ыннынтын¹³.

n=enəčə=η	ləmγ=e	tit	mik=ne=k	e=le'u=ke	ənə=nt=ən
LowA=закрывать=3sgS/P	дерн=INSTR	чтобы	кто=SG=LOC	CVNEG₂=увидеть=CVNEG₂	LowA.OPT=AUX=3sgS/P

‘Забросали его дерном, чтобы никто его не увидел.’

(20) кор.

Котавалн'ылан'э, тит микнэк элзукэ нэнъыннынтын¹⁴.

ko=tavalnə=η=e	tit	mik=ne=k	e=le'u=ke	ne=nhə=nt=ən
PRES=оглянуться=PFV=DU	чтобы	кто=SG=LOC	CVNEG₂=увидеть=CVNEG₂	LowA=CONJ=AUX=3sgS/P

‘Оглядываются, чтобы никто их не увидел.’

Особенностью корякских отрицательно-целевых ППК является возможность включения в состав ЗПЕ аналитических средств выражения отрицания, тех же, которые используются в простом предложении: частицы *уйуэ* ‘не, нет’ (пример 21) и модального слова *кэтэл* ‘нельзя’ (пример 22).

(21) кор.

Сасольнак гонрьη yal'о kungjulewгъин, тит уйге аваломка Евгътонанг¹⁵.

čəčəl=ənə=k	qonrəη	va=lh=ə	ku=nʉejulew=ηə=nin
pers=SG=LOC	все время	находиться=ATR=ABS.pl	PRES=учить=PFV=3sgA/3P

tit	уйге	a=valom=ka	ewgto=na=η
чтобы	не	CVNEG₂=слушать=CVNEG₂	pers=SG=DAT

‘Чачоль постоянно учит батраков, чтобы не слушали Эвныто.’

(22) кор.

Jatan kullарьη., tit кьтыл гавьсга екмитке ... кьсимав, јьссав¹⁶.

jatan	ku= ar=əη	tit	kətəl	ηavečə=ə	ekmit=ke	kəčimə=w	jəččə=w
только	PRES=смотреть=PFV	чтобы	нельзя	женщина=INSTR	взять=CVNEG₂	почка=ABS.pl	легкое=ABS.pl

‘Только наблюдает, чтобы женщины (при разделке) не брали почки, легкие.’

1.3. Отрицательно-целевые ЗПЕ в чукотском языке

В чукотском языке, как и в корякском, в качестве предиката отрицательно-целевой ЗПЕ используется универсальное отрицательное деепричастие с циркумфиксом (э)= / (а)= – =кэ / =ка (CVNEG₂). В этой функции оно всегда осложняется негативно-эмфатическим префиксом *эв'н= / ав'н=*, который возводится к атрибутивной основе со значением ‘настоящий, постоянный, главный’¹⁷. К этой же основе восходит усилительная частица *эв'эн*, используемая в некоторых диалектах чукотского языка¹⁸.

Употребление союза в данной конструкции обязательно, вспомогательного глагол в форме опатива – предпочтительно (29 случаев из 40).

(23) чук.

Кымъол...нынток'эн ынкъам ...лымвыквыт нинэквутк'инэт, ин'к'ун яран'ы авнанлыплатка кытыйга¹⁹.

кэм?ол   нэ=нто=qen   энк?ам   лэм=wəkw=ət   н=ine=kwuf=qine=т
pers   IPF=выходить=3sgS/P   и   запасной=камень=PL   IPF=AP=привязать=3nsgS/P

иңқун   јагаңә   **awn=a=neplat=ka**   көтөјү=а
что(бы)   дом.ABS.sg   **EMPH=CVNEG₂=унести=CVNEG₂**   ветер=INSTR

‘Кмоль выходил и привязывал дополнительные камни, чтобы дом не унесло ветром.’

Таким образом, специализированное средство выражения отрицательно-целевого значения (отрицательно-целевое деепричастие) имеется только в алюторском языке, в остальных языках данное значение выражается сочетанием отрицательных деепричастий и целевых союзов.

2. ОТРИЦАТЕЛЬНО-ЦЕЛЕВЫЕ ППК В ДРУГИХ ЯЗЫКАХ СИБИРИ

2.1. Отрицательно-целевое значение как самостоятельная граммема

Отрицательно-целевое значение как самостоятельная грамматическая семантика выявлено в Сибири, помимо алюторского языка, в языках, ареально близких к чукотско-корякской семье, локализованных на севере и северо-востоке Сибири: в эскимосско-алеутских (в частности, в языке азиатских эскимосов) и самодийских (например, в ненецком) языках.

В эскимосском языке, как и в алюторском, отрицательно-целевое значение выражается как специализированными, так и неспециализированными глагольными формами.

Представлено отрицательно-целевое деепричастие с суффиксом =найука, которое восходит к комбинации суффикса намерения =нак' и собственно отрицательно-целевого суффикса =йука²⁰. Возможно дополнительное использование заимствованного из чукотского языка союза иңқун 'что, чтобы'. Данное деепричастие имеет общую с условными деепричастиями систему лично-числовых показателей, в которой противопоставлены два ряда показателей 3-го лица: один используется при совпадении семантических субъектов ГПЕ и ЗПЕ (пример 24), другой – при несовпадении (пример 25).

(24) эск., чапл.

Ифляна'айукамигу сыфльугак', Куяпам асиг'усима камийымун²¹.

ифля=найука=ми(ни)гу   сыфльугак'   Куяпа=м   асиг'у=си=ма   камий=мун
терять(ся)=PURNEG=3sgA+3sgP/SS   ружье.ABS.sg   pers=REL   привязать=TRANS=PAST   нарта=DAT

‘Чтобы не потерять ружье, Куяпа привязал его к нарте.’

(25) эск., чапл.

Инк'ун лһн'алью'ифлянаюкан', иг'лыкак'ыхкан'ат²².

иңқун   иңа=т'и   **иф'а=најука=н**   иҮлөкаq=əxka=җат
чтобы   он=тоже   **терять(ся)=PURNEG=3sgDS**   не пускать=P_{PFV}=3plA+3sgP

‘Чтобы и он не пропал, не пускали его.’

Вторым, более редким способом выражения отрицательно-целевого значения является включение отрицательного суффикса =и в состав целевого деепричастия с суффиксом =ск'ыльу²³.

В ненецком языке²⁴ сходные по семантике средства маркировки отрицательно-целевого значения, выражающие, кроме отрицательно-целевого, также заместительное значение, различаются по диалектам. В тундровом диалекте данное значение передается ППК с предикатом ЗПЕ в эвазиве (специальная отрицательно-целевая форма, которая возводится к форме отложительного падежа имени процесса действия, пример 26). В лесном диалекте предикатом отрицательно-целевых ЗПЕ выступает имя процесса действия в сочетании с послелогом тайхана(“) ‘чтобы не, вместо того чтобы’ (пример 27):

(26) нен., тундр.

Падар" ехэравоцгаданда нюв школан нэдарав²⁵.

падар"   **ехэра=во/игада=нда**   нюв   школа=н   нэдара=в
грамотность=ACC/Sg   **не знать=EV=3Sg**   ребенок=ACC/Sg/POSS/1Sg   школа=DAT/Sg   послать=OBJ/1Sg

‘Чтобы не был он неграмотным, сына своего в школу отдал я.’

(27) нен., лесн.

Нота'кохана кань"манта тайхана" тюпа паным шелна²⁶.

нота=ко=хана   **кань"=ма=нта**   **тайхана"**   тюпа   паны=м   шелна=∅.
дорога=DIM=LOC/Sg   **замерзнуть=VNimpf=GEN/Sg/3Sg**   **чтобы не**   теплый   одежда=ACC/Sg   сделать=SUBJ/3Sg

‘Чтобы не замерзнуть в дороге, он надел теплую одежду.’

2.2. Отрицательно-целевое значение как комбинация отрицательного и целевого

В финно-угорских языках и во всех алтайских (тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских) языках, отрицательно-целевая семантика не грамматикализована, передается как комбинация целевого значения и отрицания, выражаемого соответствующими средствами: морфологическими, как в тюркских языках, или лексическими (отрицательные глаголы, как в тунгусо-маньчжурских языках; отрицательные частицы, как в финно-угорских и монгольских языках).

Следующие примеры из теленгитского языка (южносибирский тюркский язык) показывают, что целевое значение в нем передается ЗПЕ с предикатом, выраженным причастием настоящего-будущего времени в форме дательного падежа, при выражении отрицательно-целевого значения показатель причастия =*ap* заменяется его отрицательным аналогом =*bas*, конструкция в целом остается прежней.

(28) телен.

Мен книга аларга келгем.

мен книга	ал=ар=га	кел=ге=м
я книга	взять=PrP=DAT	приходить=PP=1sg

‘Я пришел взять книгу.’

(29) телен.

Тонбоско, ол жылу кийинип алды.

тон=бос=ко	ол	жылу	кийинип	ал=ды
замерзнуть=PrP+NEG=DAT	он	теплый	надеть=CV	взять=PAST

‘Чтобы не замерзнуть, он тепло оделся.’

ВЫВОДЫ

Отрицательно-целевые конструкции в чукотско-корякских языках представляют собой инновацию в языковой системе. Это подтверждается тем фактом, что только в одном языке чукотско-корякской семьи – алоторском – в качестве предикатов зависимой предикативной единицы в отрицательно-целевых конструкциях используется специализированное отрицательно-целевое деепричастие, показатель которого грамматикализовался из именной основы, обозначавшей, по всей вероятности, незаметный, случайный, несущественный или бесполезный предмет или явление. Другим, значительно более частотным способом выражения этого значения в алоторском языке и единственным в других чукотско-корякских языках является комбинация целевых союзов, различных по языкам, и нескольких неспециализированных отрицательных деепричастий, что также свидетельствует об относительно позднем появлении в чукотско-корякских языках отрицательно-целевых конструкций и целевых конструкций в целом.

Другие языки Сибири также демонстрируют два типа маркировки отрицательно-целевой семантики. Как независимая граммема отрицательно-целевое значение выражается в эскимосско-алеутских и самодийских языках, локализованных на севере и северо-востоке Азии, по соседству с чукотско-корякскими, что составляет ареальную специфику данного региона. В языках Центральной и Южной Сибири (финно-угорских и всех алтайских) отрицательно-целевая семантика рассматривается как комбинация цели и негации.

Условные обозначения

Языки и говоры: **ал.** – алоторский язык; **ан.** – анапкинский говор алоторского языка; **выв.** – вывенковский говор алоторского языка; **кар.** – карагинский говор алоторского языка; **кам.** – каменский говор корякского языка; **кор.** – корякский язык; **рек.** – рекинниковский говор алоторского языка; **телен.** – теленгитский язык; **чапл.** – чаплинский говор эскимосского языка; **чук.** – чукотский язык; **эск.** – эскимосский язык.

Грамматические значения: **A** – агенс; **ABS** – абсолютный падеж; **ACC** – аккузатив; **AD** – локализация ‘в стороне чего-либо’; **ADV** – наречие; **AP** – антипассив; **ATR** – атрибутив; **AUX** – вспомогательный глагол; **CONJ** – конъюнктив; **CV** – деепричастие; **CVNEG** – отрицательное деепричастие; **DAT** – датив, дательный падеж; **DES** – деизидератив (желательная модальность); **DIM** – диминутив; **DS** – разносубъект-

ный; **DU, du** – двойственное число; **EMPH** – эмфатический; **EQU** – экватив, назначительный падеж; **ERG** – эргатив, эргативный падеж; **EV** – эвазив; **FUT** – будущее время; **GEN** – генитив; **INCH** – инхоатив (акционсарт); **INF** – инфинитив; **INSTR** – инструменталис, инструментальный падеж; **IPF** – имперфект; **IPFV** – имперфектив (аспект); **ITER** – итератив (акционсарт); **HABIT** – абитуалис (акционсарт); **LOC** – локатив, местный падеж; **LowA** – агенс, находящийся на нижней ступени иерархии активности; **NMLZ** – номинализатор; **NSG, nsg** – неединственное число; **OBJ** – объектное спряжение; **OBL** – косвенная основа; **OPT** – оптатив; **P** – пациенс; **pers** – собственное имя; **PF** – перфект; **PFV** – перфектив (аспект); **P_{PFV}** – причастие со значением завершенности; **PL, pl** – множественное число; **POSS** – посессивный; **PRES** – настоящее время; **PURPNEG** – отрицательно-целевое деепричастие;

REL – относительный падеж; **S** – субъект; **SUBJ** – субъектное спряжение; **SG, sg** – единственное число; **SIM** – ‘подобный’; **SS** – моносубъектный; **TRANS** – переходность; **Tv** – основа глагола; **VBLZ** – вербализатор; **VN_{impf}** – имя действия со значением незавершенности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Примеры из опубликованных текстов даны в орфографии источника с указанием языка и говора, номера текста и предложения или номера страницы. Примеры на аллоторском языке из экспедиционных материалов автора приводятся в фонематической транскрипции на кириллической основе с обозначением языка и говора, на других языках – в принятой орфографии. Глоссирование собственных примеров выполняется с использованием значков IPA, в примерах, заимствованных из описаний языков, сохраняются глоссирование авторов.

² Жукова А.Н. Материалы и исследования по корякскому языку. – Л., 1988. Текст 50, предл. 145.

³ Килпалин К. В. Аня. Сказки Севера. – Петропавловск-Камчатский, 1993. – С. 12.

⁴ Кеккетын К. Последняя битва. – Л., 1936. – С. 11.

⁵ Кибрик А.Е., Кодзасов С. В., Муравьева И.А. Язык и фольклор аллоторцев. – М., 2000. Текст 21, предл. 107.

⁶ Баранников И.Г. Амамхотлымн’ыло. – Л., 1940. – С. 60.

⁷ Скорик П.Я. Грамматика чукотского языка. – Л., 1977. – Ч. 2: Глагол, наречие, служебные слова. – С. 204.

⁸ Рытгэв. Титэ тылгыркын ы’льыл (Ю. Рытхеу. Время таяния снегов). – Магадан, 1959. – С. 41.

⁹ Рытгэв. Пын’ылтэлтэ (Рассказы). – М.;Л., 1953. – С. 10.

¹⁰ Жукова А.Н. Указ. соч. Текст 18, предл. 15–16.

¹¹ Баранников И.Г. Указ. соч. – С. 49.

¹² Кеккетын К. Эвныто-батрак (Ewпныто val’an. Panenatvyn). – Л., 1936. – С. 22.

¹³ Жуков Л. Нотаймэ. Панэнатвын. – М.;Л., 1938. – С. 63.

¹⁴ Там же. – С. 70.

¹⁵ Кеккетын К. Эвныто-батрак.

¹⁶ Там же. – С. 10.

¹⁷ Скорик П.Я. Грамматика чукотского языка. Ч. 1. Фонетика и морфология именных частей речи. – Л., 1961.

¹⁸ Dunn, Michael. A grammar of Chukchi. Doctoral thesis (manuscript). Australian National University. 1999. – P. 328.

¹⁹ Рытгэв. Титэ тылгыркын ы’льыл. – С. 91.

²⁰ Вахтин Н.Б. Синтаксис языка азиатских эскимосов. – СПб., 1995. – С. 323.

²¹ Там же. – С. 324.

²² Рубцова Е.С. Материалы по языку и фольклору эскимосов. – М.; Л., 1954. Текст 5, предл. 11.

²³ Вахтин Н.Б. Указ. соч. – С. 321

²⁴ Буркова С.И. Сопоставительное описание функционально-семантических полей обусловленности в лесном и тундровом диалектах ненецкого языка. – Новосибирск, 2003. – С. 52–53; 162–165.

²⁵ Там же. – С. 163.

²⁶ Там же. – С. 165.

Институт филологии СО РАН,
Новосибирск

Г.Г. ЛЕВИН

ГРАФИЧЕСКИЕ И ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РУНИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ ОРХОНСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Как известно, палеографический анализ рунических памятников привел В.В. Радлова к выводу о существовании двух самостоятельных алфавитов – орхонского и енисейского¹. Позднее С.Е. Малов высказал мысль о наличии третьей рунической азбуки – таласской². И.В. Кормушин выдвинул версию о том, что некоторые палеографические расхождения рунических надписей по большей части объясняются эволюцией единого орхонского рунического алфавита³.

И.Л. Кызласов выделяет доорхонскую (верхнеенисейскую) и орхонскую стадии развития рунической письменности. По его мнению, младшее орхонское письмо можно было бы именовать орхон-енисейской письменностью. Также он особо подчеркивает, что наравне с собственно енисейским письмом существуют два его варианта: а) алтайский (ЕА), который «более всего отличим по регулярному применению орхонского т». Признаком данного знака свойствен памятникам Алтая и Монголии; б) тувинский вариант (ЕТ), представленный надписями, в которых наблюдаются особые специфические знаки архаичного

верхнеенисейского письма. В этом отношении исследователем была выдвинута гипотеза, что «в Средней Азии возникла только та руническая письменность, на основе которой, видоизменяясь, сложились распространенные на восток и на запад донской и кубанский, ачикташский, исфаринский и южно-енисейский алфавиты, составляющие евроазиатскую группу тюркской руники». Вторым центром сложения рунического тюркоязычного письма, по его мнению, является Южная Сибирь и Центральная Азия⁴.

Орфографические особенности орхонских текстов не были специально изучены, но некоторые тюркологи частично реконструировали основные правила орфографии текстов орхонского письма.

С.Е. Малов заметил следующие основные орфографические особенности:

1) использование палатальных согласных вместо велярных согласных: а) Буква ɣ (ɣ¹) после ɣ [ы, и] изображается через ɣ² [ɣ²], т.е. [ɣ] переднего ряда. Например, ɣ² ɣ² «сабымын² – мою речь» [КТм, 2], ɣ² ɣ² агын² – «драгоценностями», ɣ² D>> ɣ «конајын² – да по-

селюсь я» [КТм, 7], $\text{H}^{\text{H}}\text{H}$ «каныңын² – твоего хана» [Тон., 3], $\text{H}^{\text{H}}\text{H}^{\text{H}}\text{H}$ «болмајын² – не будучи» [Тон., 2], $\text{H}^{\text{H}}\text{H}^{\text{H}}\text{H}^{\text{H}}\text{H}$ «кысајын² – да притесню я» [Тон., 5]; б) Буквы [с] и [ш]: I (c^2), Y (c^1), $\text{Y}[\text{ш}]$. В памятнике в честь Кюль-Тегина после [ы, а], иногда перед [ы] вместо ожидаемого Y [c^1] пишется I [c^2]. Встречается это часто в окончании причастия прошедшего времени -мыс. Например, $\text{H}^{\text{H}}\text{H}^{\text{H}}\text{H}$ «с²ымады – не разрушил» [КТм, 11], $\text{H}^{\text{H}}\text{H}^{\text{H}}\text{H}$ «ағыс²ы – его драгоценности» [КТм, 5], $\text{H}^{\text{H}}\text{H}^{\text{H}}\text{H}$ «батс²ык – закат солнца» [КТм, 2]; $\text{H}^{\text{H}}\text{H}^{\text{H}}\text{H}$ «с²акынтым – задумался» [Тон., 6], $\text{H}^{\text{H}}\text{H}^{\text{H}}\text{H}$ «болс²ар – если будет» [Тон., 13], $\text{H}^{\text{H}}\text{H}^{\text{H}}\text{H}$ «с²ыды – сломал» [Тон, 19];

2) вариативность написания отдельных слов: $\text{Y}^{\text{H}}\text{H}$ [КТм, 7], $\text{Y}^{\text{H}}\text{H}$ [КТм, 10] «үкүш – много»; $\text{Y}^{\text{H}}\text{H}$ «кіші – человек» [КТм, 6], $\text{H}^{\text{H}}\text{H}$ «кісі – человек»;

3) использование сокращения при написании: $\text{H}^{\text{H}}\text{H}$ [КТм, 12], $\text{H}^{\text{H}}\text{H}$ [КТм, 8] «ыдты – послал»;

4) употребление Y [c^1] вместо Y [ш]: $\text{H}^{\text{H}}\text{H}$ «табысаган – заяц», $\text{H}^{\text{H}}\text{H}$ «кабысыр – соединяющийся» [Тон., 12], $\text{H}^{\text{H}}\text{H}$ «јысгару – к черни (к лесу)» [Тон., 15], $\text{H}^{\text{H}}\text{H}$ [КТм, 6] «үкүс – много», $\text{H}^{\text{H}}\text{H}$ «кисиг – человека» [Тон., 4] [5].

5) Использование графемы Y , для обозначения фонем [с] и [ш]: $\text{Y}^{\text{H}}\text{H}$ «барс – барс» [МЧ, 19], $\text{H}^{\text{H}}\text{H}$ «сакынмыс – думавший» [МЧ, 46], $\text{H}^{\text{H}}\text{H}$ «јылкысын – его скот» [МЧ, 14], $\text{Y}^{\text{H}}\text{H}$ «басмыс – победивший» [МЧ, 24].

Таким образом, С.Е. Малов отметил вариативность написания отдельных слов, употребление одной графемы для обозначения двух фонем, а также использование графем палатальных согласных для обозначения велярных согласных. По его мнению, «написание Y и частое употребление s даже там, где ожидалось бы тюркологом S , – обуславливаются самим древнетюркским языком, его фонетикой»⁵.

В.В. Радлов считал, что «появления [с] и [ш] в одних и тех же словах показывает нам, что здесь мы имеем дело только с орфографической особенностью». В. Томсен заметил использование графем Y , I , Y для обозначения [с]–[ш], где первая используется для обозначения согласного [c^1] при заднерядных гласных, а третья передает [ш] при гласных как заднего, так и переднего рядов. В этом отношении графема I употребляется для обозначения [c^2] при переднерядных гласных. Она также встречается в сочетании перед и после гласного [ы], заменяя графему Y [c^1], иногда [ш] при гласных переднего ряда и при [ы]⁶. А.С. Аманжолов полагал, что «есть все основания утверждать, что колебания в написании знаков для переднеязычных щелевых согласных [с] и [ш] в древнетюркских письменных памятниках обусловлены не столько орфографической особенностью, сколько влиянием на письменную традицию местных говоров, живой разговорной речи. Корни соответствия $\text{s}/\text{ш}$, очевидно, уходят к общетюркскому языковому состоянию»⁷. Э.Р. Тенишев подчеркнул, что в тюркских языках встречаются разного типа переходы $\text{s} > \text{S}$ и $\text{S} > \text{s}$, которые, по его убеждению, не могут быть аргументом перебоя s/S рунических памятников. Как он считает, алтайским язы-

кам чужда взаимозамена s/S именно, в этой связи причину возникновения перебоя s/S нужно искать за пределами алтайского языков. Причем он полагает, что влияющим фактором на возникновение перебоя s/S , был китайский язык⁸. И.Н. Кобешавидзе, касаясь характеристики рунического письма, отметил, что древнетюркский алфавит построен на морфонологической, а не фонологической основе и отражает скорее систему частных дифференциальных признаков, нежели самих фонемных единиц⁹. А.Н. Кононов писал: «Мне представляется, что перебой s/S , известный современным тюркским языкам (s-языки: казахский, каракалпакский, ногайский, сарыг-югурский, хакасский, якутский; S-языки: киргизский, уйгурский, узбекский, туркменский, азербайджанский, турецкий и др.), является одним из ярких, может быть, самым ярким проявлением диалектных признаков, нашедших отображение в тюркских рунических памятниках»¹⁰.

Как считает И.В. Кормушин, «особенности алфавита и орфографических правил орхоно-енисейского письма позволяют видеть в нем элементы консонантного письма, поскольку здесь частично отсутствовала вокализация слогов (служебных морфем). Однако в большинстве своем слог следует считать вокализованными и в пропуске гласного необходимо усматривать значимое отсутствие – вокализацию слогов звуками $\text{a}/\text{ä}$ и другими по определенным правилам»¹¹. А.Н. Кононов отметил, что «система рунической письменности основана на сингармонизме слога, т.е. на сочетании “твердых” согласных с “твердыми” (задними) гласными и “мягких” согласных с “мягкими” (передними) гласными». По его мнению, ведущим типом гармонии гласных в тюркских рунических памятниках является бинарный тип, реализующийся в небной и губной гармонии. Например, 1) небная (палатально-велярная) гармония: а) уподобление гласных заднего ряда: за [a] следует [a], [i], [u] – qazğanmasar, qağanlıg, ançuladı; за [i] следует [i], [a], [u] – qılınmaduq, qılıçladı, qışladı; б) уподобление гласных переднего ряда: за [e~ä] следует [ä], [i], [ü] – erän, beğlärdä, ekälim, ebğärü; 2) губная гармония: а) уподобление гласных заднего ряда: за [o] следует [u], [i], [a] – bodun, olursıqım, olurpan; за [u] следует [u], [i], [a] – qutluğ, bulundaqı, udımadım; уподобление гласных переднего ряда: за [ö] следует [ü], [i], [ä] – ötükän, körmädük, böri; за [ü] следует [ü], [i], [ä] – ülügüm, ücägün, tükäti.

И.В. Кормушин пишет, что в тюркском руническом письме широкие [o], [ö] в первых слогах обычно не встречаются. Он, ссылаясь на работы предыдущих исследователей, подчеркивает следующие особенности орфографии: 1) «в первых слогах обычно реализуется противопоставление широких и узких огубленных гласных»; 2) «широкие неогубленные гласные гласные [a], [ä] не выписывались в корневых и в большинстве случаев в аффиксальных морфемах, за исключением позиции конца морфемы, в которой выписывались обязательно как эти, так и все другие гласные, например, q(a)ğ(a)ng(a)ru “к кагану”, t(ä)nrıt(ä)g “подобный небу”, (a)sa “внизу”»; 3) «огубленные и уз-

кие неогубленные выписывались в первых слогах, но предпочтительно пропускались в непервых слогах, в том числе и во вторых закрытых слогах корневых морфем, например, ol(u)rtu “он сел”, ol(u)rtum “я сел”, tok(u)z “девять”».

Палеографическое строение знаков орхонских текстов также вызывает большой интерес у исследователей. По мнению И.Л. Кызласова, в орхонском письме наблюдаются следующие специфические особенности: 1) существовали две главные формы для руны $\gg$ [m]: с крестовидной и некрестовидной левой частью. Крестовидный знак употреблялся в памятнике Кули-чура, Чойрэнской надписи, а некрестовидный в памятнике Тоньюкука, Онгинской надписи и на обратной стороне памятника Ихе-Асхете, в текстах Уйгурского каганата: Моюн-Чура и Терхин Тэс; 2) в тексте Моюн-Чура встречается графема, соединяющаяся в себе и орхонскую, и енисейскую формы для фонемы [m]; 3) в уйгурских текстах наблюдается курсивный вариант орхонского [m]; 4) «Характерные особенности орхонского алфавита не плавно эволюционируют в енисейское письмо как хронологически последующее явление, а в течение длительного времени – вплоть до X в. – сохраняются без радикальных изменений или, подчас испытывая воздействие енисейского письма, бытуют в своеобразных пережиточных формах одновременно и параллельно с енисейскими знаками»; 5) по палеографическим особенностям, в частности, графем $\mathfrak{z}$ [t¹], $\mathfrak{x}$ [b²], $\mathfrak{y}$ [š], тексты Хойто-Тамира «относятся к памятникам уйгурского времени».

Итак, исходя из ранних опытов расшифровок тюркологов и основных результатов, полученных нами во время исследования, общую картину орфографических особенностей орхонских памятников можно представить следующим образом:

И. В корневых и непроизводных основах:

1) в начальной позиции и первом слоге, а также в односложных словах структуры CVC не фиксируется знак $\mathfrak{l}$ [a, ä]. Данный знак обычно пишется только в конечной позиции. Например: $\mathfrak{z}$ ат ‘лошадь, конь’ [КТб, 39; КЧ, 4; Мог., 41; Онг., 3], $\mathfrak{h}$ ат ‘тело, плоть’ [КТб, 51], $\mathfrak{y}$ баш [МЧ, 6], $\mathfrak{z}$ бас ‘голова, исток, источник’ [МЧ, 6, 15; Мог., 25; Тон., 31], $\mathfrak{z}$ балбал ‘каменное изваяние’ [Мог., Ха 7; КТб, 16], $\mathfrak{z}$ та ‘усилит. выдел. частица’ [КТб, 5], $\mathfrak{y}$ бага ‘ти-тул’.

а) Графема $\mathfrak{l}$ [a, ä] изредка встречается в начальной позиции: $\mathfrak{l}$ ач II ‘голодный’ [КТм, 8; Мог., 38], $\mathfrak{h}$ алт ‘тянуть, вести, уводить’ [КТб, 23], $\mathfrak{z}$ ат ‘имя, название’ [КТб., 7; КЧ., 1], $\mathfrak{h}$ арка ‘спина, задняя часть’ [Тон., 5];

2) гласные фонемы во втором и третьем слогах не выписываются: $\mathfrak{z}$ будун ‘народ’ [КТм., 1; Тон., 1, 9; Онг., 3; Мог., 2, Ха, 4, 30], $\mathfrak{y}$ т(а)б(ы)сг(а)н ‘заяц’ [МЧ, 20; Тон., 8], $\mathfrak{y}$ инг(ä)к ‘корова’ [Тон., 15], $\mathfrak{y}$ к(и)к ‘дикая коза’ [Тон., 8].

а) Во втором слоге корневых основ, представляющих структурные типы VCCVC, CVCVC иногда фик-

сируется знак $\gg$ [y], например: $\gg$ алтун ‘золото’ [Мог., Ха, 11; КТм., 5; Тон., 48], $\gg$ Орхун ‘геогр. название реки не территории Монголии’ [МЧ, 34], $\gg$ угур ‘этно. название одного из крупных племенных объединений тюрков’ [Суд. 1], $\gg$ сыгун ‘марал, самец’ [Мог., Хс, 5], $\gg$ катун ‘супруга, жена, госпожа’ [МЧ, 10; Тон., 31], $\gg$ талу ‘море’ [КТм., 3; Тон., 18];

3) в конечной позиции все гласные фонемы отмечаются в обязательном порядке: $\mathfrak{l}$ (ä)ки [МЧ, 17; Мог., 25; Тон., 10; КТб, 27], $\mathfrak{y}$ бори ‘волк’ [КТб, 12], $\mathfrak{z}$ алты ‘шесть’ [Мог., 24; КТб, 45], $\mathfrak{y}$ т(ä)нри ‘небо, бог, божество’ [МЧ, 13; Онг., 3; Мог., 1, 29; Тон., 16, 38, ИА, П. 1].

а) При аффиксации конечные гласные корня или основы обычно не выписываются: $\mathfrak{l}$ иниси ‘его младший брат’ [КЧ, 24]; $\mathfrak{y}$ жылкысын ‘их скот, лошадей’ [КЧ, 14]; $\mathfrak{y}$ жалмасынта ‘в его плащ’ [КТб, 33]; $\mathfrak{y}$ т(ä)п(ä)синт(ä) ‘за голову (схватив)’ [КТб, 11]; $\mathfrak{y}$ удымадым ‘не спал’ [КТб, 27].

б) Гласные обычно выписываются в тех случаях, когда слово фиксируется отдельно (т.е. разграничивается разделительными знаками) или стоит обособленно вместе с другим словом: $\mathfrak{y}$ т(ä)нрид(ä) ‘на небе’ [КТм, 1]; $\mathfrak{y}$ апам ‘мой старший родственник’ [КТб, 1]; $\mathfrak{y}$ киси ‘людей’ [Тон., 4]; $\mathfrak{y}$ атысы ‘его внук’ [КТм, 13]; $\mathfrak{y}$ жылкысын ‘их скот, лошадей’ [КЧ, 15], $\mathfrak{y}$ жорыжур ‘кочует’ [Тон., 10]; $\mathfrak{y}$ жазыда ‘в степи’ [Тон., 36].

4) твердый вид согласных ($\mathfrak{z}$, $\mathfrak{x}$, $\mathfrak{h}$, $\mathfrak{y}$, $\mathfrak{l}$, $\mathfrak{y}$, $\mathfrak{d}$) употребляется с гласными заднего ряда [a, ы, o, y], мягкий вид согласных ($\mathfrak{x}$, $\mathfrak{x}$, $\mathfrak{h}$, $\mathfrak{y}$, $\mathfrak{h}$, $\mathfrak{y}$, $\mathfrak{l}$, $\mathfrak{y}$) с гласными переднего ряда [ä, и, ö, ü].

а) В анлауте в некоторых основах, где обычно после [с], [j] наблюдается заднерядный [ы], вместо ожидаемых велярных $\mathfrak{y}$ [c¹], $\mathfrak{d}$ [j¹], встречаются их палатальные виды $\mathfrak{l}$ [c²], $\mathfrak{y}$ [j²]: $\gg$ сыгун ‘марал, самец’ [Мог., Хс, 5], $\mathfrak{y}$ сыгыт ‘рыдание, плач’ [КТб, 4], $\mathfrak{y}$ жыш ‘чернь, нагорье с долинами, удобными для поселений’ [Онг., 2; МЧ, 21; Мог., 27], $\mathfrak{y}$ жыл ‘год’ [Мог., 27; КТб., 8, Онг., 12], $\mathfrak{y}$ [Мог., 24, 38]%

5) в некоторых случаях графема $\mathfrak{n}$ [k] (обычно выписывается с [a]) пишется с заднерядными (ы, у, o): $\mathfrak{n}$ кыз I ‘девица’ [МЧ, 15], $\mathfrak{n}$ кол ‘река; русло реки’ [МЧ, 15], $\mathfrak{n}$ конь ‘овца’ [МЧ, 9], $\mathfrak{n}$ кум ‘песок’ [Тон., 7], $\mathfrak{n}$ азык ‘корм’ [КТб, 39], $\mathfrak{n}$ удлык ‘бедро’ [КТб, 10, 36], $\mathfrak{n}$ кудуз [МЧ, 15].

б) фонетические вариации обычно фиксируются, например: $\mathfrak{y}$ камуг // $\mathfrak{y}$ камук [Онг., 1] камук ‘все, всё, весь’; $\mathfrak{y}$ [КЧ, 18; Мог., 24], $\mathfrak{y}$ [МЧ, 4] жаш // жас ‘возраст, год жизни’; $\mathfrak{y}$ [Мог., 29; КТм, 11] мән ‘я’ // $\mathfrak{y}$ бән // $\mathfrak{y}$ бин ‘я’; $\mathfrak{y}$ [Мог., 25; Тон., 9, МЧ, 14] ти // (т) [О, 5, 11] т(ä) ‘говорить’; $\mathfrak{y}$ [КТб, 17, 21; Мог., 27], $\mathfrak{y}$ [МЧ, 8] аш // $\mathfrak{y}$ [Тон., 26] ас ‘переходить, переваливать’; $\mathfrak{y}$ [Тон., 9; МЧ, 16; Мог. 25], $\mathfrak{y}$ [Онг., 2] ыд // $\mathfrak{y}$ [Тон., 33; КТм, 12;] ыт ‘посылать’;

7) Встречаются различные вариации написания слов, в частности:

в односложных корнях: 1. Фиксирование и пропуск гласных фонем: а) начального гласного [а]: $\mathfrak{A}$ [КТБ, 7; КЧ, 1] // $\mathfrak{A}$ [Мог., 36; МЧ, 19] ат 'имя, название'; б) [ү] в середине основы: $\mathfrak{H}\mathfrak{M}\mathfrak{I}$ [КТМ., 2; МЧ, 13; Онг., 2] // $\mathfrak{H}\mathfrak{I}$ [ИА, 2] күн 'солнце, день'; 2. Вариации в написании согласных фонем: а) начального [б]: $\mathfrak{H}\mathfrak{I}\mathfrak{X}$ [КТБ, 20], $\mathfrak{H}\mathfrak{I}\mathfrak{X}$ [Тон., 8, 40; Мог., 32 (пишется отдельно)] // $\mathfrak{H}\mathfrak{I}$: [О, 7] биз 'мы'; б) *начального [к]:* $\mathfrak{H}\mathfrak{I}\mathfrak{H}$ [МЧ, 15] // $\mathfrak{H}\mathfrak{I}\mathfrak{A}$: [Мог., Хб 9], $\mathfrak{H}\mathfrak{I}\mathfrak{A}$ [КТБ, 7] кыз I 'девица', $\mathfrak{X}\mathfrak{A}$: [МЧ, 9] // $\mathfrak{X}\mathfrak{A}$: [КТБ, 53] конь 'овца', $\mathfrak{Y}\mathfrak{I}\mathfrak{A}$ [Тон., 5] // $\mathfrak{Y}\mathfrak{I}\mathfrak{H}$ [Тон., 6] кыс 'давить'; в) *начального [j]:* $\mathfrak{J}\mathfrak{I}\mathfrak{I}$ [Мог., 27; КТБ, 8, Онг., 12] // $\mathfrak{J}\mathfrak{I}\mathfrak{D}$ [Онг., Об 5, МЧ, 4, 9], $\mathfrak{X}\mathfrak{Y}\mathfrak{I}$ [Тон., 19] // $\mathfrak{X}\mathfrak{Y}\mathfrak{D}$ [КТБ, 49] журт 'земля, страна, родина'; г) *начального [с]:* $\mathfrak{X}\mathfrak{Y}$ [Тон., 31] // $\mathfrak{X}\mathfrak{I}$ [Онг., 6, 8]; $\mathfrak{X}\mathfrak{Y}$ [КТБ, 36; Тон., 28; КЧ, 5; Мог., 26] // $\mathfrak{X}\mathfrak{Y}$ [МЧ, 13] санч 'пронзать, прокалывать (копьем)'; д) *начального [к]:* $\mathfrak{I}\mathfrak{M}\mathfrak{H}$ [КТБ., 3] // $\mathfrak{I}\mathfrak{M}\mathfrak{I}$ [Тон., 15; Мог., Ха 12] көк 'голубой, синий'; $\mathfrak{Y}\mathfrak{M}\mathfrak{I}$ [КТМ., 11, МЧ, 22; Мог., 2] // $\mathfrak{Y}\mathfrak{M}\mathfrak{B}$: [Тон., 1, Онг., 7] көр 'видеть, смотреть; повиноваться'; е) *конечного [с]:* $\mathfrak{Y}\mathfrak{J}$ [Мог., 27; КТБ, 22; Тон., 27] // $\mathfrak{I}\mathfrak{J}$ [Онг., 1] бас 'давить, нападать, побеждать'; *конечного [ш]:* $\mathfrak{Y}\mathfrak{X}$ [МЧ, 21; Мог., Ха, 15; Тон., 4; КТМ, 11] // $\mathfrak{Y}\mathfrak{X}$ [МЧ, 21] таш I 'камень'; $\mathfrak{Y}$ [КТБ, 17, 21; Мог., 27] // $\mathfrak{Y}$ [МЧ, 8] аш 'переходить, переваливать'; ж) *конечного [з]:* $\mathfrak{H}\mathfrak{I}\mathfrak{H}$ [Мог., Хб, 10] // $\mathfrak{H}\mathfrak{I}\mathfrak{H}$ [КТБ, 2] тиз 'коллено'; $\mathfrak{H}\mathfrak{I}\mathfrak{J}$ [КЧ, 4] // $\mathfrak{H}\mathfrak{I}\mathfrak{J}$ [КТБ, 32] боз 'серый'; $\mathfrak{H}\mathfrak{H}$ [МЧ, 11; Мог., 41; Тон., 38] // $\mathfrak{H}\mathfrak{H}$ [КТБ, 34] таз 'бежать'; з) *конечного [д]:* $\mathfrak{X}\mathfrak{I}$ [Тон., 9; МЧ, 16; Мог. 25] // $\mathfrak{X}\mathfrak{I}$ [Онг. 2] ыд 'посылать';

в двухсложных основах: 1. Фиксирование и пропуск гласных: а) [ы] во втором слоге: $\mathfrak{H}\mathfrak{I}\mathfrak{J}\mathfrak{J}$: [ХТ, I, 4; МЧ, 34] // $\mathfrak{A}\mathfrak{J}\mathfrak{J}$ [МЧ, 44] $\mathfrak{H}\mathfrak{J}\mathfrak{J}$ [МЧ, 44] балык 'город'; $\mathfrak{J}\mathfrak{I}\mathfrak{D}$ [Онг., 3; КТМ, 6, 10, 11; Тон., 26] // $\mathfrak{J}\mathfrak{I}\mathfrak{D}$: [МЧ, 44] јаңыл 'ошибаться'; б) *начального [j]:* $\mathfrak{I}\mathfrak{H}\mathfrak{M}$ [Мог., 2; Онг., 3, Тон., 9] // $\mathfrak{I}\mathfrak{H}\mathfrak{H}$ үзә 'вверху, сверху'; в) [j] во втором слоге: $\mathfrak{H}\mathfrak{M}\mathfrak{Y}$ [КТМ, 9, КЧ, 7] // $\mathfrak{H}\mathfrak{M}\mathfrak{Y}$ [КТБ, 6; Мог., 28] үчүн 'для, ради, из-за, вследствие'; 2. Вариации в написании согласных фонем: а) *начального [к]:* $\mathfrak{Y}\mathfrak{M}\mathfrak{I}$ [КТМ, 12, 15, Тон., 15] // $\mathfrak{Y}\mathfrak{M}\mathfrak{B}$ [Тон., 15, 32] көнүл 'сердце, душа'; $\mathfrak{H}\mathfrak{H}\mathfrak{M}\mathfrak{I}$ [КТБ, 27], $\mathfrak{H}\mathfrak{H}\mathfrak{M}\mathfrak{I}$ [Тон., 12] // $\mathfrak{H}\mathfrak{H}\mathfrak{M}\mathfrak{B}$ [Тон., 52] күнтүз 'днем'; б) *начального [к]:* $\mathfrak{H}\mathfrak{X}\mathfrak{A}$: [Тон., 48] // $\mathfrak{H}\mathfrak{X}\mathfrak{A}$: [МЧ, 15] 'женщина'; в) *начального [j]:* $\mathfrak{I}\mathfrak{H}\mathfrak{I}\mathfrak{I}$ [Мог., 24, 38] // $\mathfrak{I}\mathfrak{H}\mathfrak{I}\mathfrak{D}$: [КЧ, 25, МЧ, 15], $\mathfrak{I}\mathfrak{A}\mathfrak{J}\mathfrak{I}\mathfrak{D}$: [МЧ, 14] жылкы 'скот, табун'; г) *неначального [к]:* $\mathfrak{H}\mathfrak{I}\mathfrak{A}$: [КТМ, 2, КТБ, 14] // $\mathfrak{H}\mathfrak{I}\mathfrak{A}$: [Тон., 9] токуз 'девять'; д) *начального [б]:* $\mathfrak{Y}\mathfrak{J}\mathfrak{A}$ [КТБ, 2] // $\mathfrak{Y}\mathfrak{J}\mathfrak{A}$ [Онг., 1] булуң 'угол'; е) [к] в середине основы: $\mathfrak{Y}\mathfrak{I}\mathfrak{M}$ [Мог., 31] // $\mathfrak{Y}\mathfrak{I}\mathfrak{H}$ [КТМ., 10] үкүш; ө) [т] в середине основы: $\mathfrak{Y}\mathfrak{X}\mathfrak{H}\mathfrak{Y}$ [КТБ., 43, 53, МЧ, 49; КЧ, 21] // $\mathfrak{Y}\mathfrak{X}\mathfrak{H}\mathfrak{Y}$: [Мог., 37] äлтәбәр 'чин, титул'; ж) [к] в середине основы: $\mathfrak{I}\mathfrak{H}\mathfrak{I}\mathfrak{I}$ [Мог., 24, 38], $\mathfrak{I}\mathfrak{H}\mathfrak{I}\mathfrak{D}$: [КЧ, 25, МЧ, 15] // $\mathfrak{I}\mathfrak{A}\mathfrak{J}\mathfrak{I}\mathfrak{D}$: [МЧ, 14] жылкы 'скот, табун'; з) *конечного [з]:* $\mathfrak{H}\mathfrak{I}\mathfrak{A}$: [КТБ., 4, 14] // $\mathfrak{H}\mathfrak{I}\mathfrak{A}$: [Тон., 19] отуз 'тридцать'; и) *конечного [н]:* $\mathfrak{H}\mathfrak{M}\mathfrak{H}$ [Мог., 25; Тон., 36] // $\mathfrak{H}\mathfrak{M}\mathfrak{H}$ [Мог., Ха, 8] түмән 'десять тысяч'; й) *фиксирование разных графем:* $\mathfrak{I}\mathfrak{A}\mathfrak{J}$ [Мог., 24; КТБ, 31; 45] // $\mathfrak{I}\mathfrak{A}\mathfrak{M}$ [МЧ, 4, 9] 'шесть'; $\mathfrak{M}\mathfrak{O}\mathfrak{I}$ [КТБ, 23] // $\mathfrak{M}\mathfrak{H}\mathfrak{M}\mathfrak{I}$ [КТБ, 44; МЧ, 14] кәнтү 'сам'.

II. В аффиксальных морфемах:

A. Фиксирование гласных фонем в аффиксах:

1. Заднерядного гласного i [ы]:

1.1. В аффиксе винительного падежа лично-притяжательного склонения 3 лица -(с)ын, -ын: $\mathfrak{H}\mathfrak{I}\mathfrak{M}\mathfrak{I}$ сусин 'их войско' [Мог., 30, КЧ, 10, Тон., 43, Мог., 26], $\mathfrak{H}\mathfrak{I}\mathfrak{I}\mathfrak{H}\mathfrak{I}\mathfrak{I}$ жылкыс²ын² 'их скот' [Мог., 24], $\mathfrak{O}\mathfrak{I}\mathfrak{O}\mathfrak{X}\mathfrak{H}$ катунын 'его супругу' [МЧ, 10], $\mathfrak{H}\mathfrak{I}\mathfrak{O}\mathfrak{H}$ k(а)нын² 'его хана' [Тон., 2].

1.2. В аффиксе местно-исходного падежа лично-притяжательного склонения 3 лица -ынта, -интә: $\mathfrak{I}\mathfrak{O}\mathfrak{I}\mathfrak{J}\mathfrak{I}\mathfrak{O}$ оглынта 'от сына (ихнего)' [КТБ, 1], $\mathfrak{I}\mathfrak{O}\mathfrak{I}\mathfrak{H}\mathfrak{I}\mathfrak{D}$ жар(а)кынта 'в его оружие' [КТБ, 33], $\mathfrak{I}\mathfrak{O}\mathfrak{I}\mathfrak{Y}\mathfrak{J}$ башынта 'на его вершине' [МЧ., 7], $\mathfrak{I}\mathfrak{O}\mathfrak{I}\mathfrak{J}\mathfrak{X}\mathfrak{Y}\mathfrak{J}$ ол(у)рт(у)кынта 'при его восшествии' [Мог., 13, Хб, 9], $\mathfrak{J}\mathfrak{H}\mathfrak{H}\mathfrak{I}\mathfrak{Y}\mathfrak{H}\mathfrak{Y}\mathfrak{X}$ б(ә)лт(и)ринтә 'на их устье' [МЧ, 31].

1.3. В словообразовательном аффиксе прилагательного со значением уподобления – чыг: $\mathfrak{Y}\mathfrak{I}\mathfrak{X}\mathfrak{X}$ (а)д(ы)нчыг 'особый, другой, иной' [КТМ, 12].

1.4. В словообразовательном аффиксе прилагательного -сыз, -сиз: $\mathfrak{H}\mathfrak{I}\mathfrak{I}\mathfrak{I}\mathfrak{I}\mathfrak{D}$ жагысыз 'без врага' [КТБ, 30], $\mathfrak{H}\mathfrak{I}\mathfrak{Y}\mathfrak{Y}\mathfrak{J}$ бунсыз 'без горя' [Мог., Хб, 14], $\mathfrak{H}\mathfrak{I}\mathfrak{I}\mathfrak{E}\mathfrak{Y}\mathfrak{I}\mathfrak{X}$ бил(и)гсиз 'без знания' [КТБ, 4].

1.5. В аффиксе дательного падежа лично-притяжательного склонения 3 лица -ына -инэ: $\mathfrak{I}\mathfrak{H}\mathfrak{I}\mathfrak{I}\mathfrak{I}\mathfrak{X}$ бисүкинэ 'его родственникам' [КТБ, 1], $\mathfrak{I}\mathfrak{H}\mathfrak{I}\mathfrak{Y}\mathfrak{X}$ сабына 'их речью' [КТМ, 6].

1.6. В аффиксе будущего категорического времени -тачы, -тәчи: $\mathfrak{H}\mathfrak{I}\mathfrak{I}\mathfrak{A}\mathfrak{M}\mathfrak{D}\mathfrak{J}$ болт(а)чыс(ә)н 'ты станешь' [Мог., Хб, 14], $\mathfrak{H}\mathfrak{I}\mathfrak{I}\mathfrak{A}\mathfrak{H}\mathfrak{Y}\mathfrak{M}$ өлт(ә)чис(ә)н 'ты погибнешь' [КТБ, 6, КТМ, 8], $\mathfrak{H}\mathfrak{I}\mathfrak{I}\mathfrak{A}\mathfrak{H}\mathfrak{Y}\mathfrak{M}\mathfrak{I}$ көрт(ә)чис(ә)н 'ты увидишь' [Мог., Хб, 14], $\mathfrak{H}\mathfrak{I}\mathfrak{I}\mathfrak{A}\mathfrak{H}\mathfrak{Y}\mathfrak{I}\mathfrak{I}$ кирт(ә)чис(ә)н 'ты войдешь' [Мог., Хб, 14].

1.6.1. В некоторых моментах, если после аффикса -тачы, -тәчи стоит личный аффикс 1 лица множественного числа -мыз, -миз, гласные не выписываются: $\mathfrak{H}\mathfrak{I}\mathfrak{I}\mathfrak{A}\mathfrak{H}\mathfrak{Y}\mathfrak{I}$ к(ә)лт(ә)ч(и)м(и)з 'мы придем' [Тон., 14].

1.7. В личном аффиксе 2 лица мн. числа -сыз, -сиз: $\mathfrak{H}\mathfrak{I}\mathfrak{I}\mathfrak{Y}\mathfrak{I}\mathfrak{Y}\mathfrak{I}\mathfrak{X}$ билирсиз 'вы знаете' [КТБ., 34].

1.8. В аффиксе повелительного наклонения 1 лица ед. числа -jын: $\mathfrak{H}\mathfrak{I}\mathfrak{I}\mathfrak{D}\mathfrak{D}$ (а)j(а)jын 'да окажу я почитание' [Тон., 32], $\mathfrak{O}\mathfrak{I}\mathfrak{D}\mathfrak{A}\mathfrak{Y}\mathfrak{X}$ ташыкаjын 'давай я выйду' [КЧ, 22], $\mathfrak{H}\mathfrak{I}\mathfrak{I}\mathfrak{D}\mathfrak{O}\mathfrak{J}$ конj(а)jын 'да поселюсь я' [КТМ, 7].

2. Заднерядного гласного o [у]:

2.1. В аффиксе повелительного наклонения 3 лица -зун, -чун: $\mathfrak{H}\mathfrak{I}\mathfrak{I}\mathfrak{A}\mathfrak{J}$ б(а)рзун 'он пусть пойдет' [Тон., 31], $\mathfrak{O}\mathfrak{X}\mathfrak{A}\mathfrak{J}\mathfrak{J}$ болчун 'пусть будет' [КТБ, 11], $\mathfrak{O}\mathfrak{X}\mathfrak{H}\mathfrak{J}\mathfrak{J}$ калмазун 'пусть не останется' [КТБ, 20], $\mathfrak{O}\mathfrak{X}\mathfrak{H}\mathfrak{J}\mathfrak{J}$ болзун 'пусть будет' [ХТ., II, 6, I, 6].

2.1.1. В некоторых случаях в данном аффиксе не выписывается гласный o [у]: $\mathfrak{H}\mathfrak{I}\mathfrak{I}\mathfrak{A}\mathfrak{J}\mathfrak{I}\mathfrak{D}$ j(о)рым(а)з(у)н 'пусть не ходит' [ХТ, X, 4].

2.2. В аффиксе настоящего-будущего I времени -ур, -йур: $\mathfrak{H}\mathfrak{I}\mathfrak{I}\mathfrak{A}\mathfrak{J}\mathfrak{I}\mathfrak{D}$ jор(ы)jур 'ходит, скитается' [КТМ, 9], $\mathfrak{H}\mathfrak{I}\mathfrak{I}\mathfrak{A}\mathfrak{J}\mathfrak{I}\mathfrak{D}$ коркур 'пугается' [Тон., 39], $\mathfrak{H}\mathfrak{I}\mathfrak{I}\mathfrak{A}\mathfrak{J}\mathfrak{I}\mathfrak{D}$ бирүр(ә)н 'отдаю' [КТБ, 9], $\mathfrak{H}\mathfrak{I}\mathfrak{I}\mathfrak{A}\mathfrak{J}\mathfrak{I}\mathfrak{D}$ бошгурур 'учить' [КТМ, 7].

Б. Особенности написания согласных фонем в аффиксах:

1. В аффиксальных морфемах, где встречается заднерядный гласный [ы], обычно выписываются палатальные виды согласных H^1 [н¹], I [с²] вместо ожидаемых велярных O [н¹], Y [с²]:

1.1. В аффиксе орудного падежа -ын после заднерядного гласного (ы) обычно отмечается палатальный H^1 [н¹], например: $\text{H}^1\text{Г}^1$ агын² ‘дарами’ [КТМ, 5], $\text{H}^1\text{Г}^1\text{H}^1$ канын² ‘ханом’ [Тон., 2, 28], $\text{H}^1\text{Г}^1\text{Ч}^1\text{D}$ жорчын² ‘с вожжами’ [Мог., 12].

1.1.1. Изредко в данном аффиксе после (предполагаемого) заднерядного гласного (ы) отмечается велярный O [н¹]: $\text{O}\text{H}^1\text{J}^1\text{D}$ кулк(а)к(ы)н ‘ухом’ [Мог., Хб, 11], $\text{O}\text{J}^1\text{D}$ жол(ы)н ‘по дороге’ [Тон., 23]

1.2. В аффиксе винительного падежа лично-притяжательного склонения 3 лица -(с)ын, -ын в большинстве случаев фиксируются палатальные виды согласных I [с²] и H^1 [н²]: $\text{H}^1\text{Г}^1\text{H}^1\text{J}^1\text{Г}^1$ жылкыс²ын² ‘их скот’ [Мог., 24], $\text{H}^1\text{Г}^1\text{J}^1\text{Ч}^1\text{J}$ барымын² ‘их имущество’ [Мог., 24], $\text{H}^1\text{Г}^1\text{O}^1\text{H}^1$ кагайын² ‘их кагана’ [Мог., 27], $\text{H}^1\text{Г}^1\text{H}^1\text{O}^1$ оглын² ‘его сына’ [КЧ., 13], $\text{H}^1\text{Г}^1\text{J}^1\text{O}^1\text{Y}$ субын² ‘их воду’ [Мог., 35], $\text{H}^1\text{Г}^1\text{H}^1\text{J}^1\text{D}$ кулкакын ‘его уши’ [Мог., Ха 12], $\text{H}^1\text{Г}^1\text{H}^1\text{Y}$ сачын² ‘его волосы’ [Мог., 12].

1.2.1. В некоторых случаях в этом аффиксе выписывается велярный O [н¹]: $\text{O}\text{Г}^1\text{O}^1\text{D}$ катун(ы)н ‘его супругу’ [МЧ, 10], OY саб(ы)н ‘его речь’ [КТМ, 5], $\text{O}\text{Г}^1\text{H}^1\text{O}^1$ облын ‘его сына’ [КЧ, 5].

1.3. В аффиксе винительного падежа лично-притяжательного склонения 1 лица: -мын фиксируется палатальный H^1 [н²]: $\text{H}^1\text{J}^1\text{O}^1\text{Y}$ сабымын² ‘мою речь’ [КТМ, 2].

1.4. В аффиксе принадлежности 3 лица -сы перед (ы) выписывается палатальный I [с²]: $\text{H}^1\text{Г}^1\text{O}^1$ агыс²ы ‘его драгоценности’ [КТМ, 5], $\text{H}^1\text{Г}^1\text{H}^1\text{O}^1\text{H}^1\text{D}$ ажгучыс²ы ‘его советник’ [Тон, 10, 21], $\text{H}^1\text{Г}^1\text{H}^1\text{D}$ жагыс¹ы ‘его враги’ [КТБ, 12].

1.5. В аффиксе прошедшего неочевидного времени -мыс после (ы) отмечается палатальный I [с²]: $\text{I}\text{J}^1\text{J}^1\text{O}^1\text{J}$ болмыс² ‘он стал’ [КТБ, 4, 9, МЧ, 1], $\text{I}\text{J}^1\text{O}^1\text{D}$ тутмыс² ‘он строил’ [Тон., 13], $\text{I}\text{J}^1\text{O}^1\text{Y}$ басмыс² ‘он напал’ [Онг, 1], $\text{I}\text{J}^1\text{O}^1\text{H}^1\text{D}$ айыдымыс² ‘он приказал’ [Тон., 34], $\text{I}\text{J}^1\text{O}^1\text{H}^1\text{I}$ ыдымыс² ‘он послал’ [МЧ, 28].

1.6. В редких случаях в словообразовательном аффиксе прилагательного -сыз перед (ы) пишется палатальный I [с²]: $\text{H}^1\text{Г}^1\text{H}^1\text{O}^1\text{D}$ жагс²ыз ‘без врага’ [КТБ., 30].

1.6.1. В большинстве случаев выписывается ожидаемый велярный согласный Y [с¹]: $\text{H}^1\text{Г}^1\text{Y}^1\text{O}^1\text{J}$ бунс¹ыз ‘без горя’ [Мог., Хб, 14], $\text{H}^1\text{O}^1\text{Y}^1\text{O}^1\text{D}$ тонс¹ыз ‘без одежды’ [КТБ, 26], $\text{H}^1\text{O}^1\text{Y}^1\text{O}^1\text{Y}$ санс¹ыз ‘бесчисленный’ [Мог., Ха, 12].

1.7. В аффиксе повелительного наклонения 1 лица единственного числа – жын после [ы] выписывается палатальный H^1 [н²]: $\text{H}^1\text{Г}^1\text{D}$ ајајын² ‘да окажу я почитание’ [Тон., 32], $\text{H}^1\text{Г}^1\text{D}\text{O}^1\text{D}$ конјајын² ‘да поселюсь я’ [КТМ, 7], $\text{H}^1\text{Г}^1\text{D}\text{Y}^1\text{I}$ кысајын² ‘да принуждаю я’ [Тон., 5].

1.8. В аффиксе прошедшего категорического времени -ты редко отмечается палатальный H^1 [т²]: $\text{J}^1\text{H}^1\text{H}^1\text{O}^1\text{Y}$ удызт²ым ‘я заставил следовать’ [Тон., 15].

Здесь следует отметить, что аффиксы, имеющие одинаковую структурно-фонетическую форму, но отличающиеся по грамматическому значению, иногда имеют различное написание. Например, аффикс орудного падежа -ын отмечается одним велярным согласным O [н¹]: $\text{O}\text{H}^1\text{J}^1\text{D}$ кулк(а)к(ы)н ‘ухом’, тогда как в аффиксе винительного падежа лично-притяжательного склонения 3 лица -ын фиксируются обе фонемы – заднерядный Г^1 [ы] и палатальный H^1 [н²]: $\text{H}^1\text{Г}^1\text{H}^1\text{J}^1\text{D}$ кулкакын ‘его уши’.

Таким образом, специальный анализ рунических текстов орхонских памятников показывает, что система орхонского письма подчиняется орфографическому закону: а) специфичность фиксирования гласных фонем в корневых основах и аффиксах; б) характерность написания велярных и палатальных согласных; в) особенность фиксирования согласных [j] и [s] с заднерядным гласным [ы]; г) особенность фиксирования фонемы [y] в основах, представляющих структурные типы VCCVC, CVCVC; д) особенность фиксирования конечных гласных в основах и аффиксах; е) наличие вариативности написания согласных фонем. В этом отношении нужно заметить, что вариации написания согласных фонем объясняются тремя основными факторами, а именно: а) специфичности графической системы памятников; б) фиксированием особого статуса или полисемии слов; в) фиксированием различия грамматических значений слов.

СОКРАЩЕНИЯ

- КТБ – памятник в честь Кюль-Тегина (большая надпись)
 КТМ – памятник в честь Кюль-Тегина (малая надпись)
 Тон. – памятник в честь Тоникука
 МЧ – памятник в честь Моюн-Чура
 КЧ – памятник в честь Кули-Чура
 Онг. – Онгинский памятник
 Мог. – памятник в честь Могилян-хана
 ХТ – памятник Хойто-Тамира
 V – гласные фонемы
 C – согласные фонемы
 с¹, н¹, л¹ – велярные фонемы
 с², н², л², – палатальные фонемы

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Lief. 3. – St.-Pbg., 1895. – XI. – S. 301.

² Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – С. 57.

³ Кормушин И.В. К основным понятиям тюркской рунической палеографии. – Сов. тюркология. – 1975. – № 2. – С. 25–47.

⁴ Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. – М.: Изд. фирма вост. лит-ры РАН. – 1994. – С. 162.

⁵ Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – С. 43–44, 70, 71.

⁶ Мелиоранский П.М. Памятник в честь Кюль-Тегина. С двумя таблицами надписей. – СПб., 1899[4]. – 144 с. (ЗВОРАО. 1900. Т. XII. С. 1–144). – С. 39–40.

⁷ Аманжолов А.С. К вопросу о соответствии с//ш в древнетюркских диалектах // Исследования по уйгурскому языку. – Алма-Ата, 1970. – С. 169.

⁸ Тенишев Э.Р. Перебой s/š в тюркских языках рунических памятниках // Структура и история тюркских языков. – М.: 1971. – С. 293–294.

⁹ Кобешавидзе И.Н. К характеристике графики и фонемного состава языка орхоно-енисейских надписей. – Сов. тюркология. – 1972. – № 2. – С. 40–46.

¹⁰ Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. – Л.: Наука, 1980. – С. 66.

¹¹ Кормушин И.В. Орхоно-енисейских надписей язык // Языки мира. Тюркские языки. – М.: Индрик, 1997. – С. 92.

Якутский государственный университет,
Якутск

Н.Б. КОШКАРЕВА

ГЛАГОЛЬНЫЕ БЕЗЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СОСТАВЕ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ СТАТАЛЬНОСТИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Класс безличных предложений¹ в русском языке выделяется по способу выражения сказуемого – глагольной или неглагольной формой, не допускающей позиции подлежащего – имени существительного или его субститута в форме именительного падежа².

Свое название – «безличные» – данные предложения получили по имени наиболее яркого представителя этого класса – немногочисленной по своему составу группы безличных глаголов русского языка, при которых невозможны ни субъектная, ни объектная позиции. К ним относятся глаголы, обозначающие: смену периодов дня и ночи (*брезжить, вечереть, за-вечереть, светать, рассветать, смеркаться*), изменение температуры окружающей среды – потепление или похолодание (*морозить, подмораживать, пригревать, холодать*), атмосферные явления и осадки (*вьюжить, курить, дождить, снежить*) и некоторые другие. Однако наряду с собственно безличными весьма частотны личные глаголы в безличном употреблении.

Как неоднократно отмечали многие ученые, безличные предложения – это самый пестрый класс односоставных предложений русского языка, который по признаку отсутствия позиции подлежащего объединяет в себе самые разные по структуре и семантике конструкции. Большинство из них характеризуется наличием субъектной позиции (например, *Мне холодно, Тебе необходимо отдохнуть*), т.е. синтаксически охарактеризованы с точки зрения категории лица и являются «личными», хотя позиция субъекта замещается именем в форме косвенного падежа. Таким образом, категория лица получает не грамматическое, а лексическое выражение. Термин же «безличные» провоцирует ложную ассоциацию с отсутствием категории лица у таких предложений вообще.

В данной статье рассматривается лишь небольшой класс безличных предложений в аспекте моделирования их структуры и семантики как единиц языка³, а именно те из них, которые не являются результатом варьирования двусоставных предложений по тем или иным грамматическим категориям,⁴ – статальные

модели элементарных простых предложений, описывающие разные типы состояния одушевленного субъекта или окружающей среды. Они относятся к периферии функционально-семантического поля (ФСП) статальности, ядро которого составляют предложения с морфологизированными предикатами состояния – словами категории состояния. Такие конструкции являются прототипическим способом выражения состояния, которое характеризуется комплексом инвариантных семантических признаков: статичность, длительность, инактивность субъекта состояния, временная дискретность, ориентированность на субъект, неконтролируемость (нерелевантность контролируемости) ситуации⁵.

Глагольный способ выражения сказуемого предполагает динамичность семантики. По этому признаку безличные предложения с безличными глаголами противопоставляются безличным предложениям со словами категории состояния и не входят в ядро ФСП статальности, хотя и обладают всеми остальными признаками, характеризующими семантику состояния.

1. МОДЕЛЬ $LOC V_f^{3sg n}$ «СОСТОЯНИЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ»

В состав данной модели входят два компонента – глагол-предикат и локализатор (пространственный или временной).

В роли предикатов употребляются собственно безличные глаголы или личные глаголы в безличном употреблении, ср.: *Гляди, как метет на улице* [Мариенгоф А. Мой век, мои друзья и подруги (1956–1960)]; *За окном мела метель*. Они представлены следующими семантическими подгруппами:

1) глаголы, обозначающие смену дня и ночи, например: *брезжить / забрезжить, вечереть / свечереть / за вечереть, светать, рассветать, смеркаться*, например:

За окном вечерело [Войнович И. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина (1969–

1975)]; Но потом **стемнело** на улице и Хиня зажег копилку [Эппель А. Два товита (1991)]; Там, за окном **шkolды**, начинает **рассветать** к третьему уроку [Битов А. Дежа вю (2002) // Звезда. 2003. № 5]; Чуть **забрезжило**, я встал и на цыпочках выскользнул из дому [Искандер Ф. Рассказ о море (1962)]; На пятый час, когда стало **смеркаться**, замечаем: шофер сбился с пути [Смехов В. Театр моей памяти (2001)];

2) глаголы, обозначающие изменение уровня освещенности: **темнеть** / **потемнеть** / **стемнеть**, **светлеть** / **посветлеть** / **просветлеть**, например:

Снаружи, на церковном подворье, зашумело, надвинулось, потемнело [Проханов А. Господин Гексоген (2001)]; **Забылась-то всего на мгновение, а уже так посветлело**, что стали видны цифры на будильнике [Новикова О. Мне страшно, или Третий роман // Звезда. 2003. № 4];

3) глаголы, обозначающие изменения температуры окружающей среды (потепление или похолодание) **морозить** / **подморазивать** / **подморозить**, **пригревать** / **пригреть**, **холодать** / **похолодать**, например:

Начало подморазивать [Окуджава Б. Искусство кройки и житья (1985)]; **Весной, когда начинало пригревать, старший внук бегом выносил во двор старый венский стул, ставил его под нежно зеленоющим виноградником, потом забегал в дом и осторожно выводил деда** [Рубина Д. Уроки музыки (1982)];

4) глаголы, обозначающие атмосферные осадки: **мести**, **вьюжить** / **завьюжить**, **курить**, **дождить**, **снежить**, например:

А между тем кончался уже август: над прилавками и садами пронесли быстрые косые дожди (в Алма-Ате в это время всегда дождит) и времени для работы оставалось самое-самое большое месяца [Домбровский Ю. Факультет ненужных вещей (1978)];

5) глаголы, обозначающие атмосферные явления: **проясниться** / **запроясниться**, **стихать** / **затихать**, например:

К утру затихло, и воздух наполнился плавным снегом [Радзинский О. Прощание (1985)];

6) глаголы, обозначающие изменение уровня освещенности и особенности цветового восприятия окружающей среды (**белеть** / **побелеть**, **сереть** / **посереть**, **синеть** / **посинеть**) или обозначающие четкость / нечеткость восприятия (**рябить** / **зарябить**):

Еще не рассвело, хотя и начало сереть [Битов А. Бездельник (1961–1962)]; **За окном лишь синело, а в доме горел электрический свет** [Екимов Б. Пиночет (1999)]; **Уже и на улице посерело** [Эппель А. Худо тут (1990–2000)]; **Кругом рябило от ветра** [Славникова О. Стрекоза, увеличенная до размеров собаки (1995–1999)];

7) глаголы, обозначающие звучание: **шуметь** / **за шуметь**, **трещать** / **затрещать**, **греть** / **загреть**, **стучать** / **застучать**, **хрустеть** / **захрустеть**, **стихать** / **затихать**, **звенеть** / **зазвенеть**, **ухать**, **шуршать** / **зашиуршать**, **заныть**, **реветь**, **выть** / **завыть**, **звякать**, **скрипеть** / **заскрипеть**, **шипеть** / **зашипеть**, например:

В соснах от дождя и от ветра шумело не переставая [Распутин В. В ту же землю... (1995)]; **Внизу трещало и ухало** [Стругацкий А, Стругацкий Б. Трудно быть богом (1963)]; **За окном всю ночь гремело, сверкало, а под утро пошел совсем безнадежный, прямо осенний дождь** [Светов Ф. Чижик-пыжик // Знамя. 2001. № 11]; **Огонь все больше набирал пожирающую силу, по углам и на стенах трещало, свистело, гудело, всюду пылали уже потолок, стены, кадки, разная хозяйственная рухлядь – все деревянное, ветхое и сухое** [Быков В. Знак беды (1982)]; **Двое суток на земле и на небе ревели, свистело, выло** [Шукшин В. Начальник (1960–1971)].

В состав такой модели входит обязательная позиция локализатора (пространственного или временного), очерчивающего место или время, на которое данное состояние распространяется. Локализатор является статическим и выражается либо наречиями типа *здесь, там, далеко, недалеко, поблизости* и т.п., либо предложно-падежными формами имен существительных со статическим локативным значением. Позиция локализатора часто остается не заполненной, если подразумевается не обозримое пространство, а мир или природа вообще. Поэтому Ю.С. Степанов назвал такие предложения *локус-предложениями*⁶.

Варьирование этих предложений возможно по категории фазисности, причем частотно указание на начало процесса при помощи фазисных глаголов *начать, стать*, но практически не встречается примеров, в которых указывалось бы на продолжение или окончание данного состояния окружающей среды, очевидно, потому, что на завершение процесса указывают видовые корреляты – однокоренные глаголы совершенного вида, а на продолжение – глаголы несовершенного вида, например:

– начало процесса:

Но и эти звуки смолкали, едва начинало брезжить на востоке [Жженов Г. Прожитое (2002)]; **За окнами стало синеть** [Шукшин В. Далекие зимние вечера (1963)];

– окончание процесса:

Постепенно совсем стемнело [Быков В. Народные мстители (1997)].

В рамках структурно-семантического варианта «звучание и изменение звучания» фазисность выражается преимущественно лексически – при помощи глаголов совершенного вида, так как в этом варианте употребляются личные глаголы в безличном значении, имеющие видовые пары, тогда как многие собственно безличные глаголы, типичные для всех остальных вариантов, таких пар не имеют или они употребляются очень редко.

Очень частотно употребление при глаголах-предикатах обстоятельств образа действия или меры и степени, выражающих разнообразные аспектуальные характеристики процесса: характер его развертывания во времени, степень проявления и т.п., например:

Быстро темнело, черный сувастик на его личной хоруэви начинал сливаться с красным шелком

[Юзефович Л. Князь ветра (2001)]; *Очень медленно, чересчур медленно темнело в этот неопределенный час между концом дня и началом вечера в одном из бедных переулков* [Катаев В. Трава забвенья (1964–1967)]; *Стремительно светлело* [Проханов А. Господин Гексоген (2001)]; *Тут неожиданно потемнело и пошел дождь такой силы, каких я не помнил в России* [Голяховский В. Русский доктор в Америке (1984–2001)]; *Как-то резко потемнело на небесах, воздух стал влажным и тягучим, что-то потрескивало в природе и, казалось, вот-вот надломится* [Липскеров Д. Сорок лет Чанчжоэ (1998)]; *Постепенно совсем темнело* [Быков В. Народные мстители (1997)]; *И вот надо же – сколько я себя уговаривала, что мне все равно, что куда и не собираюсь, а чуть забрезжило, чувствую – умираю, хочу в Амстердам* [Рубина Д. Монологи (2000)].

2. МОДЕЛИ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ СОСТОЯНИЕ ОДУШЕВЛЕННОГО СУБЪЕКТА

Состояние одушевленного лица синтаксически может интерпретироваться либо как самопроизвольное, либо как результат воздействия со стороны внешних сил, что находит отражение в способах обозначения субъекта-экспириенцера: разным способом выражения субъекта самопроизвольного состояния противопоставлено обозначение субъекта именем в форме Вин. п., которое символизирует, что данное состояние явилось следствием определенного внешнего воздействия.

2.1. Модель $\{y N_2^S LEX^{PART}\}^{EXP} V_{f3sgn}$ «некоторое ощущение локализовано в определенной области / части субъекта»

Субъект самопроизвольного состояния – экспириенцер выражается словосочетанием $y LEX^{PART}$, состоящим из двух компонентов: форма $y N_2$ обозначает сам субъект, а позиция LEX^{PART} – лексема со значением паритива – ту часть или область субъекта, в которой локализуется то или иное ощущение. Позиция LEX^{PART} может быть выражена либо предложно-падежной формой (например, *в горле, под коленкой, над переносицей*), либо наречием (например, *внутри, снаружи*), если область ощущения четко не локализована.

Это у него только внутри было – снаружи он был гладок, как печь [Битов А. Лес (1960–1980)]; *Однако в горле пересохло* [Солженицын А. Желябугские Выселки (1998)]; *У него чесалось под подбородком, между ногами, между лопатками* [Хазанов Б. Я воскресение и жизнь (1976)].

В модели оба компонента субъектной позиции являются обязательными, однако в конкретных фразах как речевых построениях компонент $y N_2$ может не реализовываться, так как субъект очевиден или назван в ближайшем контексте, ср.:

$y N_2^S \text{ prep } N_i^{PART}$

У него даже в животе заныло [Шукшин В. Пьедестал (1971–1972)].

При встрече у Щурочки стучало в висках, она плакала [Маканин В. Антилидер (1970–1990)].

Он с таким напряжением вслушивался в мертвую тишину, что у него зазвенело в ушах [Бабаян С. Ротмистр Неженцев (1995–1996)].

$\text{prep } N_i^{PART}$

В приписке было что-то еще, но Гавриш не стал читать до конца: так засосало, заныло вдруг под ложечкой [Васильев Б. Были и небыли. Книга 1 (1988)].

Теперь, пока я шел взад и вперед по двору, мое сердце усиленно билось, в висках стучало [Короленко В.Г. Испытание (1891)].

Все упало в туман, и в ушах зазвенело [Постнов О. Вечеринка в Танатосе].

Предикатами данной модели являются глаголы следующих семантических подгрупп:

1) глаголы, обозначающие различные неприятные ощущения: *чесаться / зачесаться, щекотать / защекотать, пересыхать / пересохнуть, кипеть / закипеть / накипеть, дрожать / задрожать*:

Солнце уже изрядно припекало, и у меня у самого везде чесалось [Панин М. Камикадзе // Звезда. 2002. № 10; НКРЯ]; *Под коленками задрожало – от недавнего напряжения и от увиденного* [Измайлов А. Трюкач (2001); НКРЯ];

2) глаголы, обозначающие различные болевые ощущения: *болеть / заболеть / наболеть, ныть / заныть, ломить / заломить, жечь / прожечь, першить / запершить, саднить / засаднить, щемить / защемить / ущемить*:

А сзади болело так, что каждый шаг отдавался в затылке [Шукшин В. Операция Ефима Пьяных (1960–1971)]; *Запершило и стало саднить в зорде* [Бондарев Ю. Горячий снег (1969)]; *Щемило слева и справа от сердца* [Ерофеев В. Из записных книжек (1958–1990)]; *У него даже в животе заныло* [Шукшин В. Пьедестал (1971–1972)];

3) глаголы, обозначающие изменение четкости восприятия: *потемнеть, рябить / зарябить*:

Все расплывалось, в глазах рябило и скакали лягушки [Седых А. Далекие, близкие (1979)]; *От этого взгляда у него, казалось, потемнело в глазах* [Быков В. Короткая песня (2002)];

4) глаголы, обозначающие звучание: *шуметь / зашуметь, трещать / затрещать, греметь / загреметь, хрустеть / захрустеть, стучать / постучать, стихать / затихать, звенеть / зазвенеть, гудеть / загудеть, свистеть / засвистеть, ухать / заухать, шуршать / зашуршать, реветь / звякать, шипеть / зашипеть*.

Глаголы групп (3) и (4) употребляются как в модели со значением состояния окружающей среды, так и в модели со значением состояния одушевленного субъекта, ср.:

Состояние окружающей среды

Снаружи, на церковном подворье, зашумело, надвинулось, потемнело [Проханов А. Господин Гексоген (2001)].
На майские праздники повалил вдруг снег, крупными хлопьями при солнце понеслась кося мотель, зарыбило над хмурой водой [Бакланов Г. Навеки девятнадцатилетние (1979)].
В небе раскатисто загрело, полыхнуло пожаром и пошел дождь [Липскеров Д. Сорок лет Чанчжоэ (1998)].

Через десять минут сверху зашумело [Шукшин В. Капроновая елочка (1968)].

Кроме способа выражения субъекта, эти две модели различаются также и возможностью появления во фразах, являющихся реализацией модели состояния одушевленного субъекта, обстоятельства причины, указывающего на предпосылки возникшего состояния:

И опять в душе у него зацемило от страха, когда он вспомнил, какими глазами командир полка смотрел на него и как он сказал «идите!» [Бакланов Г. Мертвые сраму не имут (1961)]; *Сначала я подумал, что у меня потемнело в глазах от усталости* [Голяховский Г. Русский доктор в Америке (1984–2001)]; *У меня как-то в глазах зарыбило – от звезд* [Цветаева М. Живое о живом (Волошин) (1932)].

Таким образом, в разных моделях могут употребляться одни и те же глаголы. Тип модели предопределяется не столько их лексическим значением, сколько синтаксической сочетаемостью и окружением.

2.2. Модель $N_3^{Exp} V_{f3sg n}$ «кто-то пребывает в некотором болезненном состоянии или выходит из болезненного состояния»

К модели, в которой субъект-экспириенцер выражен именем в форме дательного падежа, относятся предикаты *нездоровится* и *невозможется*, обозначающие пребывание в болезненном физиологическом состоянии, а также глагол *полегчать*, обозначающий переход к состоянию большего здоровья по сравнению с предыдущим состоянием, например: *Мне сегодня нездоровится; Ей опять невозможется; Ему немного полегчало.*

Состояние одушевленного субъекта

От обиды у меня потемнело в глазах, потому что я сбросил больше всех [Кузнецов А. Бабий яр (1965–1970)].
У меня рябило в глазах и лёмйто в затылке [Рубина Д. Камера наезжает (1993–1994)].

– *Н-ну нет! – вырвалось у Алексея Александровича, и от гнева у него загрело в голове* [Солнцев Р. Полурапад. Из жизни А.А. Левушкина-Александрова, а также анекдоты о нем (2000–2002) // Октябрь. 2002. № 5–6].
Софье Андреевне становилось все хуже, в голове гудело [Славникова О. Стрекоза, увеличенная до размеров собаки (1995–1999)].

Данная модель структурно идентична предложениям типа *Ему не спится / не работается / не сидится*, которые мы считаем вариантами двусоставной модели $N_1 V_f$ со значением деятельности или занятия одушевленного субъекта⁷, результатом варьирования двусоставной структурной схемы по категории контролируемости / неконтролируемости осуществления действия.

Отличием рассматриваемых предложений от других предложений с субъектом в форме Дат. п. при безличных глаголах является семантика состояния и отсутствие параллельных конструкций: *Ему не спится – Он не спит, Ему не работается – Он не работает* и т.д.; ср.: *Ей нездоровится – ?Она не здорова; Ей невозможно – *Она не может; Ему полегчало – ?*

Выбор формы Дат. п. субъекта предопределен общим значением неконтролируемости, которое может представлять либо как парадигматическое значение, порождающее наличие вариантов модели, либо как грамматикализованное – присущее данной конструкции в целом.

2.3. Модель $N_4^{Exp} V_{f3sg n}$ «кто-то испытывает воздействие дискомфортных или болезненных ощущений»

Особенностью данной модели является обозначение субъекта состояния именем в форме Вин. п., тем самым между синтаксической функцией и семантической ролью наблюдаются асимметричные отношения: субъект-экспириенцер получает выражение, характерное для объектной роли. Язык кодирует данную ситуацию подобно ситуации внешнего воздействия на одушевленный объект, при котором воздействующая сила не вербализуется.

В данной модели употребляются глаголы-предикаты следующих семантических групп:

1) глаголы, обозначающие состояние тошноты или дурноты: *тошнить / стошнить, рвать / вырвать, мутить / замутить, выворачивать / вывернуть, укачивать / укачать*, которые часто сопровождаются указанием на причину возникшего состояния, например:

Ее тошнило от козьего молока [Щербакова Г. Восхождение на холм царя Соломона с коляской и велосипедом (2000)]; *Рядом расположился такой свирепый тип, что Крэжа чуть не стошнило от страха* [Мамлеев Ю. Американские рассказы / Чарли (1975–1999)]; *Его чуть не рвало от карболового запаха загаженных туалетов, куда он боялся ходить один и стеснялся попросить дядю Кешу* [Мишарин А. Белый, белый день // Октябрь. 2003. № 4]; *Его просто выворачивало от неприязни к этому с первого взгляда милую человеку* [Маринина А.].

При глаголах *тошнить / стошнить, рвать / вырвать* возможна позиция N_5 , обозначающая тот или иной продукт или напиток, который был съеден или выпит, например:

Мы отошли за склад, и меня стошнило повидлом с кусками тыквы [Кузнецов А. Бабий яр (1965–1970)];

2) глаголы, обозначающие состояние озноба или жара, дрожи, усталости: *знобить, колотить, лихорадить, трясти, ломать, сморить*:

Его лихорадило и знобило [Садур Н. Занебесный мальчик (1992)]; *Меня выворачивало и колотило* [Сурикова К. ДТП (2003)].

* * *

Среди предложений с безличными глаголами и личными глаголами в безличном употреблении выделяется два класса моделей, в которых позиция подлежащего невозможна и которые не являются результатом варьирования двусоставных моделей по парадигматическим категориям лица, модальности, отрицания и проч.: это модели состояния окружающей среды и состояния одушевленного субъекта. Они входят в функционально-семантическое поле стательности, ядро которого формируют предложения с предикатами, выраженными словами категории состояния.

От прототипических именных средств выражения пропозиции состояния глагольные модели отличаются по признаку динамичности, который предполагает изменение состояния, переход из одного состояния в другое (например, *смеркается*), а также допускает разнообразные внешние проявления, не укладывающиеся в представления о стабильности, инертности среды (*На улице мело все сильнее*).

Однако рассмотренные предложения обладают и чертами сходства с прототипическими средствами выражения стательности: как и предложения со словами категории состояния, многие личные глаголы в безличном употреблении допускают при себе как указание на личностный субъект, так и подразумевают состояние окружающей среды, формируя параллельные конструкции, ср.:

Состояние окружающей среды	Состояние одушевленного лица
<i>На улице холодно.</i>	<i>Мне холодно.</i>
<i>В воздухе зазелено</i> [Маканин В. Андеграунд, или герой нашего времени (1996–1997)].	<i>Все упало в туман, и в ушах зазелено</i> [Постнов О. Вечеринка в Танатосе].

К этому же полю относятся и глагольные одноактантные предложения со структурной схемой $N_1 V_p$, описывающие разнообразные состояния субъекта – эмотивные или физиологические. Различия между двусоставными и односоставными глагольными предложениями состоят в четкости локализации описываемого ощущения, ср.: *У него болит горло. – В горле у него болит.* Вероятно, расхождения обнаружатся и на лексическом уровне: не все личные глаголы могут употребляться в составе безличных предложений, в дальнейшем следует проверить также и возможности актуального членения этих двух типов предложений.

Таким образом, ФСП стательности формируется рядами типа: *У него болит горло. – В горле у него бо-*

лит; Он болеет. – Он болен; ср. также *Ему больно. – У него боль в ушах* (А. Чехов), отношения между которыми еще предстоит уточнить.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Примеры подобраны методом сплошной выборки из произведений художественной литературы, а также при помощи Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru). Объем картотеки составляет около 1000 единиц.

² **Бабайцева В.В.** Система односоставных предложений в современном русском языке. – М.: Дрофа, 2004; **Бирюлин Л.А.** Диатезы русских глаголов, обозначающих атмосферные явления: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1984; **Богданович А.В.** Типы безличных предложений в современном русском литературном языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 1946; **Василевская Л.И.** Безличные предложения в типологии синтаксических конструкций (на материале русского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1971; **Галкина-Федорук Е.М.** Безличные предложения, образованные из сочетания имени существительного и инфинитива, выражающие модально-эстетическую оценку действия // Доклады и сообщения филологического факультета МГУ.– М., 1947. – Вып. 3; **Она же.** К вопросу о безличных предложениях (предложения, неправильно включаемые в безличные) // Русский язык в школе. – № 2. – 1947; **Она же.** Безличные предложения в современном русском языке // Учен. зап. МГУ. – Вып. 137. – Труды кафедры русского языка.– М., 1948. – Кн. 2; **Она же.** Безличные предложения в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1948; **Она же.** Безличные предложения в современном русском языке // Вопросы синтаксиса современного русского языка. – М., 1950; **Она же.** К вопросу о безличных предложениях // Учен. зап. МГУ. – Вып. 150. – М.: Русский язык. 1952; **Градинарова А.** О месте «безличных» предложений в системе языка и в синтаксической теории (www.russian.slavica.org/article5.html); **Ефанова Л.П.** О классификации односоставных предложений в русском языке // Русский язык. Ставрополь, 1974. – Вып. 6.; **Захарова М.В.** Глагольные безличные предложения с семантикой состояния лица // Проблемы изучения односоставных предложений. – М.: Изд-во «Прометей», 2005. – С. 84–90; **Золотова Г.А.** Понятие личности / безличности и его интерпретации // Russian linguistics. – Dordrecht; Boston; London: Kluwer Academic Publishers. – July 2000. – Vol. 24, N 2. – P. 103–115; **Королькова А.В.** К лексико-семантической характеристике безличных форм глагола и их функционирования // Функциональный анализ грамматических единиц. – Л., 1980; **Кулагин А.Ф., Деркачева А.А.** Односоставные предложения в современном русском языке. – Ульяновск, 1959; **Недялков И.В.** Английские и русские безличные конструкции: полевые структуры, центр и периферия // Проблемы функциональной грамматики: Полевые структуры. – СПб: Наука, 2005. – С. 233–243; **Павлов В.М.** Противоречия семантической структуры безличных предложений в русском языке. – СПб, 1998; **Пупынин Ю. А.** Безличный предикат и субъектно-объектные отношения в русском языке // Вопр. языкознания. – 1992. – № 1. – С. 48–63.

³ Наше понимание элементарного простого предложения как двусторонней единицы языка опирается на концепцию М.И. Черемисиной, изложенную в работах: **Черемисина М.И., Колосова Т.А.** Парадигматика и деривация моделей предложения // Синтаксические структуры в номинативном и деривационном аспектах. Областная научная конференция «Проблемы деривации и номинации в русском языке»: Тез. докл. – Омск, 1988. – С. 34–37; **Черемисина М.И.** О теоретических вопросах модельного описания предложений // Предложение в языках Сибири. – Новосибирск, 1989. – С. 3–18; **Она же.** О системности в сфере моделей предложения // Строение предложения в языках разных систем. – Ново-

сибирск, 1992; **Она же.** О структурно-семантических типах простого предложения в тюркских языках Южной Сибири // Языки, духовная культура и будущее народов Арктики. – Якутск, 1993. – С. 11–12; **Она же.** О моделировании простых предложений // Актуальные проблемы филологии: Тезисы. – Усть-Каменогорск, 1993. – Вып. 1. – С. 64–65; **Черемисина М.И., Колосова Т.А.** О структурной модели и семантике предложения // Вопросы грамматики и лексикологии в историческом и синхронном освещении. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1994. – С. 107–119; **Черемисина М.И.** О системности в сфере моделей предложения (на материале языков Сибири) // Языки коренных народов Сибири. – Новосибирск, 1995. – Вып. 1. – С. 3–21; **Она же.** Исследование предложения в языках Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. – Новосибирск, 1995. – № 4. – С. 63–68; **Черемисина М.И., Скрибник Е.К.** О системе моделей элементарных простых предложений в языках Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. – Новосибирск, 1996. – № 4. – С. 46–57; **Серээдар Н.Ч., Черемисина М.И., Скрибник Е.К.** Структурно-семантическая организация предложений наличия, локализации, количества и отсутствия в тюркских языках Южной Сибири. – Новосибирск, 1996; **Черемисина М.И.** Исследование моделей ЭПП в тюркских языках Южной Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. – Новосибирск, 1997. – № 4. – С. 56–61; **Она же.** Языковая «картина мира» в ее отношении к моделям элементарных простых предложений // Гуманитарные исследования: итоги последних лет: Сб. тез. науч. конф., посв. 35-летию гуманитарного факультета НГУ. – Новосибирск, 1997. – С. 219–222; **Черемисина М.И., Колосова Т.А.** К проблеме моделирования предложений наличия / отсутствия в русском языке // Языковые единицы в семантическом и лексикографическом аспектах. – Новосибирск, 1998. – Вып. 2. – С. 3–9; **Черемисина М.И.** Модель

(гипермодель) описания действия {N=1 N=4 (N=7) Vtr} // Языки коренных народов Сибири. – Новосибирск, 1998. – Вып. 4. – С. 35–60; **Она же.** Структура и типология именных предложений // Гуманитарные науки в Сибири. – Новосибирск, 1998. – № 4. – С. 96–104; **Она же.** Итоги исследования простого предложения в языках Сибири // Языки коренных народов Сибири. – Новосибирск, 1998. – Вып. 4. – С. 3–30; **Она же.** Парадигма элементарного простого предложения как единицы языка // Языки коренных народов Сибири. – Новосибирск, 2003. – Вып. 11. – С. 3–29.

⁴ Тем самым все прочие разновидности безличных предложений мы считаем производными от двусоставных предложений – результатом варьирования моделей двусоставных элементарных простых предложений по категориям личности / безличности, модальности, отрицательности и пр.

⁵ **Матханова И.П.** Высказывания с семантикой состояния в современном русском языке. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2000; **Она же.** Статальные ситуации и статальные предикаты // Теоретические проблемы функциональной грамматики: Материалы Всерос. науч. конф. – СПб.: Наука, 2001. – С. 69–75; **Она же.** Вариативность высказываний с семантикой непроцессуального состояния в современном русском языке // Проблемы функциональной грамматики: Семантическая инвариантность / вариативность. – СПб., 2003. – С. 101–118; **Она же.** Поле состояния в современном русском языке: прототип и его окружение // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры. – СПб.: Наука, 2005. – С. 103–114.

⁶ **Степанов Ю.С.** В поисках прагматики (проблема субъекта) // Изв. АН СССР. Сер. лит.-ры и яз. – Вып. 40. – С. 325–332.

⁷ **Кулятина Т.С.** Одноактантные модели элементарных простых предложений с непереходными глаголами в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2006.

Институт филологии СО РАН,
г. Новосибирск

Ю.Н. БОЛОТИНА

МОДЕЛИ ЭЛЕМЕНТАРНЫХ ПРОСТЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА СО ЗНАЧЕНИЕМ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ, ПОСТРОЕННЫЕ ПО СТРУКТУРНОЙ СХЕМЕ $N_1 \Leftrightarrow V_f \rightarrow N_4$

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОСТРАНСТВЕННЫХ МОДЕЛЕЙ И ИХ СЕМАНТИКИ

Модели элементарных простых предложений (ЭПП) со значением местонахождения входят в более обширный класс локативных моделей ЭПП, который выделяется на основании общего пространственного значения. План содержания локативных моделей представляют пропозиции, семантика которых содержит *локативную типовую ситуацию* – выражаемую различными средствами типовую содержательную структуру, базирующуюся на семантической категории и функционально-семантическом поле локативности и представляющую собой тот аспект обозначаемой «общей ситуации», который заключается в выражении пространственных отношений¹.

Обычно для представления пространственного отношения некоторых сущностей, согласно мнению

подавляющего большинства лингвистов, минимально необходимы три компонента:

1) некоторая сущность, определение местонахождения которой является основным смыслом высказывания, рассматриваемая как траектор (Trajector) у Р. Лангакера², как объект локализации (the object to be located) в статье Б. Ландау и Р. Дженендоффа³, как тема (theme) у С. Левинсона⁴, как локализуемый объект у В.Г. Гака⁵ и И.А. Невской⁶, как фигура (Figure) у Л. Талми⁷, как объект у В.А. Плунгяна⁸;

2) некоторая сущность, которая принадлежит той же локативной ситуации, что и объект локализации, но отличается от него и местонахождение которой (а иногда и геометрические характеристики) предположительно известно тому, кто воспринимает высказывание; данная сущность может определяться как локум в работе М.В. Всеволодовой и Е.Ю. Владимирского⁹, как ориентир (Landmark) у Р. Лангакера¹⁰ и

В.А. Плунгян¹¹, как референциальный объект (the reference object) в статье Б. Ландау и Р. Джекендоффа¹², как релятум (relatum) у С. Левинсона¹³, как локализатор у В.Г. Гака¹⁴, как фон (Ground), или референциальный объект у Л. Талми¹⁵, как опорный локум у И.А. Невской¹⁶;

3) пространственное отношение, связывающее два вышеупомянутых компонента.

В настоящей работе мы будем пользоваться терминами «объект локализации» и «локум».

Помимо трех базисных компонентов необходимо представить еще одно понятие, присутствующее в работах ряда исследователей, – «область» (ср. термины «region», используемый в статье Б. Ландау и Р. Джекендоффа¹⁷ и в работах Л. Талми¹⁸, и «топологическая зона», которым пользуется В.А. Плунгян¹⁹). Понятие «область» мы будем использовать для общего обозначения локума и пространственного отношения. Другими словами, под «областью» мы будем понимать тот фрагмент пространства, который объект локализации занимает по отношению к локуму. Пример (1) демонстрирует распределение компонентов в отдельном высказывании.

(1) *Диван в углу тоже окружали стулья* (И. Ильф и Е. Петров. Двенадцать стульев):

- объект локализации – «стулья»;
- локум – «диван»;
- пространственное отношение – семантически эквивалентно предлогу «вокруг»;
- область – «пространство, окружающее диван».

Исследователями различаются две основные группы пространственных отношений, которые мы будем называть *ситуативными* и *топологическими*²⁰.

Ситуативные пространственные отношения описывают характер расположения объекта локализации относительно локума во времени. В системе языка структурно различаются два типа ситуативных пространственных отношений – *статические* и *динамические*. Детальное определение данных типов отношений, представленное с опорой на структурные компоненты локативной ситуации – «объект локализации», «область» и «локативное отношение», – мы находим в монографии Р. Лангакера²¹.

Исследователь определяет сущность двух типов процессов – «перфектного» и «имперфектного»²². Первый изображает ситуацию, которая изменяется с течением времени, второй описывает протяженность некоторой стабильной ситуации во времени²³. Перфектные и имперфектные процессы могут быть представлены глаголами пространственной семантики.

Действие, выражаемое перфектным глаголом движения (perfective motion verb), т.е. глаголом, кодирующим динамические отношения, рассматривается как такой тип процесса, разложимого на компоненты, в котором каждая составляющая его позиция уточняет отношение между локализуемым объектом и данной, непосредственной областью локума (или областью, определяемой относительно локума). Таким образом, подобный процесс предполагает осуществление сме-

ны областей с течением времени. От перфектных глаголов движения автор книги отличает имперфектные глаголы (imperfective verb), которые отображают статическое местоположение некоторой сущности, объекта, т.е. сохранение неизменного положения объекта локализации на протяжении данного отрезка времени²⁴. Если обозначить базовые компоненты локативной ситуации следующими символами:

- LOC – область локализации,
- OBJ – объект локализации,
- R – пространственное отношение,
- T – время,

то статические и динамические отношения можно изобразить так, как это сделано на схеме (1).

$$R_{\text{stat}} = \left[\frac{\text{OBJ}}{\text{LOC}} \right]_{T_1} > \left[\frac{\text{OBJ}}{\text{LOC}} \right]_{T_2} > \left[\frac{\text{OBJ}}{\text{LOC}} \right]_{T_3} > \dots > \left[\frac{\text{OBJ}}{\text{LOC}} \right]_{T_n};$$

$$R_{\text{dyn}} = \left[\frac{\text{OBJ}}{\text{LOC}_1} \right]_{T_1} > \left[\frac{\text{OBJ}}{\text{LOC}_2} \right]_{T_2} > \left[\frac{\text{OBJ}}{\text{LOC}_3} \right]_{T_3} > \dots > \left[\frac{\text{OBJ}}{\text{LOC}_n} \right]_{T_n};$$

В монографии [Talmy, 2000] проводится сходная граница между местонахождением и движением, т.е. между статическими и динамическими локативными ситуациями вообще. Ситуация движения подразумевает наличие поступательного движения, в то время как ситуация местонахождения – нет. Поступательное движение, в свою очередь, определяется как такое движение, при котором местоположение объекта локализации изменяется в течение рассматриваемого отрезка времени²⁵.

Не противоречит этому и определение, которое предлагается в работе [Levinson, Wilkins, 2001]²⁶. Здесь движение понимается как длительное перемещение объекта локализации вдоль протяженной траектории в течение времени.

Топологические пространственные отношения, по определению И.А. Невской, «своеобразно отражают свойства самого пространства, специфику его обозначения локализатором, диалектику пространственных и объектных характеристик обоих участников пространственного отношения». Частными проявлениями топологических пространственных отношений являются отношения *части и целого*, *близости* (proximity), *контакта* (contact) и *включения* (inclusion), которые можно объединить в два типа – *отношения сопространственности* и *несопространственности*²⁷.

В литературе, посвященной проблемам описания локативных отношений в различных языках мира, предлагаются разнообразные подходы к классификации топологических отношений. Мы, проанализировав различные подходы к описанию отношений данного типа и опираясь на полученные нами результаты исследований отдельного класса локативных конструкций русского языка, попытались объединить известные нам классификации. Далее мы будем говорить о четырех классах топологических отношений.

Во-первых, мы выделим *два класса геометрических свойств* – *свойства объекта локализации* и *свойства локума*. Под геометрическими свойствами мы,

Т а б л и ц а 1

Семантическая роль актанта в позиции N_i	Сопространственные отношения	Несопространственные отношения
N_i^{Ex}	(I) $N_i^{Ex} \Leftrightarrow V_f^{Ex} \rightarrow N_4^{Loc}$	(III) $N_i^{Ex} \Leftrightarrow V_f^{Ex} \rightarrow N_4^{Orient}$
N_i^{Loc}	(II) $N_i^{Loc} \Leftrightarrow V_f^{Ex} \rightarrow N_4^{Ex}$	—

вслед за Л. Талми²⁸, понимаем определенные пространственные конфигурации, приписываемые объекту локализации и локуму грамматикализованными элементами языка, образующими закрытый класс.

Следующий обширный класс топологических отношений объединяет различные варианты соотношения объекта локализации и локума и, в свою очередь, подразделяется на более мелкие группы отношений, например, местонахождение внутри, на поверхности или за пределами локума.

И наконец, в последнем классе топологических отношений оппозицию составляют такие характеристики локума, как его *статичность* или *динамичность*.

2. СИНТАКСИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ СО ЗНАЧЕНИЕМ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ, ПОСТРОЕННЫЕ ПО СТРУКТУРНОЙ СХЕМЕ $N_i \Leftrightarrow V_f \rightarrow N_4$

2.1. Характеристика пространственных отношений, составляющих пропозитивное содержание моделей местонахождения

В пропозициях местонахождения статические ситуативные отношения сочетаются с одним из двух типов топологических отношений между локумом и объектом локализации, а именно:

1) сопространственности (объект локализации совпадает локумом в пространстве, т.е. локум и объект локализации находятся в отношениях включения или контакта) или

2) несопространственности (локум не совпадает с объектом локализации в пространстве, а лишь опосредованно указывает на его местонахождение, т.е. локум и объект локализации находятся в отношениях близости, или сопредельности).

В качестве дополнительных пространственных значений могут выступать и геометрические свойства локализуемого предмета, локума и области, занимаемой объектом локализации, а именно: точка, плоскость и трехмерное пространство (его поверхность, внешнее и внутреннее пространство).

2.2 Структурно-семантическая характеристика моделей местонахождения, построенных по структурной схеме $N_i \Leftrightarrow V_f \rightarrow N_4$

Схема $N_i \Leftrightarrow V_f \rightarrow N_4$ лежит в основе трех моделей местонахождения (см. табл. 1), которые различаются по следующим параметрам:

1) по дистрибуции семантических ролей внутри актантных рамок ядерных глаголов-предикатов,

2) по типам передаваемых пространственных отношений.

Обзор структурно-семантических характеристик исследуемых синтаксических моделей представлен в табл. 3.

2.2.1. Модель местонахождения со значением сопространственных топологических отношений (с тематизируемым объектом)

$$N_i^{Ex} \Leftrightarrow V_f^{Ex} \rightarrow N_4^{Loc}$$

Компоненты модели:

N_i^{Ex} – локализуемый объект (эксисциенс);

V_f^{Ex} – глагол со значением сопространственного местонахождения;

N_4^{Loc} – локализатор.

(2) *Отряд генерала Гурко (Ex) уже захватил Шипкинский перевал (Loc), ключ к Большому балканскому хребту* (Б. Акунин. Турецкий гамбит).

Данная модель местонахождения объединяет три семантических варианта, каждый из которых отличается:

- 1) особым геометрическим свойством локума;
- 2) разным характером сопространственных топологических отношений.

1. Вариант со значением местонахождения внутри трехмерного пространства (отношения включения):

(3) *... тотчас толпа (Ex) запрудила Моховую (Loc)* (М. Булгаков. Роковые яйца), где

V_f – глагол местонахождения, передающий полные сопространственные отношения с внутренним пространством локума: *завалить/заваливать* (16)²⁹, *залепить/залеплять* (1), *залить/заливать* (16), *занять/занимать*, *заполнить/заполнять*, *запрудить/запруживать*, *заселить/заселять*, *затопить/затоплять* 2 (2), *захватить/захватывать*, *колонизировать*, *наполнить/наполнять*, *населить/населять*, *оккупировать*.

Для выражения пространственных отношений, как по мнению В.Г. Гака³⁰, так и согласно точке зрения автора монографии [Talму, 2000], используются языковые единицы разных уровней, а именно: 1) единицы открытого класса лексических элементов (существительные, прилагательные, глаголы), 2) единицы закрытого класса грамматикализованных элементов и категорий (грамматические элементы и категории, служебные слова и синтаксические структуры)³¹.

Принимая во внимание данный тезис, следует заметить, что большинство глаголов, входящих в группу предикатов первого варианта анализируемой синтаксической модели, имеют типовую морфемную структуру. Ее обязательным компонентом является приставка *за-*. Согласно «Словарю русского языка» С.И. Ожегова, эта приставка образует глаголы со зна-

чением 'заполнения, покрытия'³². Таким образом, значение предикатов, использующихся в данном варианте, в известной степени обусловлено их морфемной структурой, а именно префиксом.

2. Вариант модели со значением местонахождения на поверхности (отношения полного контакта):

(4) *Яркий платок (Ех) покрывал голову и плечи (Лос)* (А. Рыбаков. Дети Арбата), где

V_f – глагол местонахождения, передающий полные сопостранственные отношения с поверхностью локума: *завалить/заваливать* (1а), *залепить/залеплять* (2), *залить/заливать* (1а), *застлать/застилать*, *затопить/затоплять* 2 (1), *обвить/обвивать*, *облепить/облеплять*, *обложить/обкладывать* (3), *покрыть/покрывать*.

Морфемная структура глаголов, представленных среди предикатов второго варианта модели, также играет значительную роль в формировании их лексического значения. В данном случае мы наблюдаем наличие двух синонимичных приставок:

за- – со значением 'заполнения, покрытия';

о- (*об-*) – со значением 'действия, которое распространяется на всю поверхность предмета'.

3. Вариант модели со значением частичного контакта с локализатором:

(5) ... *голову (Лос) набоба венчала белая чалма (Ех)* ... (Б. Акунин. Пиковый валет), где

V_f – глагол местонахождения, передающий частичные сопостранственные отношения: *венчать*, *возглавить/возглавлять*, *замыкать*.

2.2.2. Модель местонахождения со значением сопостранственных топологических отношений (с тематизируемым локализатором)

$$N_1^{Loc} \Leftrightarrow V_f^{Ex} \rightarrow N_4^{Ex}$$

Компоненты модели:

N_1^{Loc} – локализатор;

V_f^{Ex} – глагол местонахождения, передающий сопостранственные топологические отношения: *включать*, *вместить/вмещать*, *содержать*;

N_4^{Ex} – объект локализации (экзисциенс).

(6) *Книга Судеб (Лос) ... содержала в хронологическом порядке более или менее полные данные (Ех) о 73 619 024 511 людях разумных* (А. и Б. Стругацкие. Понедельник начинается в субботу).

Вторая модель существенно отличается от первой, во-первых, способностью передавать лишь отно-

шения включения, а во-вторых, формами выражения основных актантов. Мы предполагаем, что существование двух синонимичных моделей с «зеркальными» схемами актантной дистрибуции можно объяснить различными коммуникативными функциями, которые выполняют высказывания, построенные на основе рассматриваемых моделей. Так, возвращаясь к примеру (6) и восстанавливая его ближайший предшествующий контекст, мы получаем следующую цепочку тематико-рематических пар:

(7) *Хранилище T/R было битком набито интереснейшими книгами на всех языках мира и истории, от языка атлантов до пиджин-инглиш включительно. Но меня там больше всего заинтересовало T/R многотомное издание Книги Судеб. Книга Судеб T/R печаталась петитом на тончайшей рисовой бумаге и содержала в хронологическом порядке более или менее полные данные о 73 619 024 511 людях разумных* (А. и Б. Стругацкие. Понедельник начинается в субботу).

Пример (7) дает нам дополнительные основания придерживаться точки зрения о коммуникативной обусловленности выбора модели, так как здесь ядерный предикат модели местонахождения неканонической дистрибуции вступает в отношения однородности с предикатом в страдательно-возвратной форме, которая, бесспорно, является морфологическим средством выражения актуального членения.

2.2.3. Модель местонахождения со значением несопространственных топологических отношений $N_1^{Ex} \Leftrightarrow V_f^{Ex} \rightarrow N_4^{Orient}$

Компоненты модели:

N_1^{Ex} – локализуемый объект (экзисциенс);

V_f^{Ex} – глагол местонахождения, передающий несопространственные топологические отношения: *блокировать* (1), *облегать/облечь*, *обложить/обкладывать* (1), *обнять/обнимать*, *обрамлять*, *обступить/обступать*, *обхватить/обхватывать*, *ограничивать*, *окаймить/окаймлять*, *окружить/окружать*, *окутывать/окутывать*, *опоясать/опоясывать*, *осадить/осаждавать*, *охватить/охватывать* (5), *оценить/оценивать*;

N_4^{Loc} – несопространственный локализатор – ориентир.

(8) *Волосы (Ех) ее ... окаймляли спокойное чужое лицо (Orient)* (А. Приставкин. Ночевала тучка золотая).

Т а б л и ц а 2

Актуализация значения движения	Актуализация значения местонахождения	
	Несовершенный вид глагола	Совершенный вид глагола
<i>Все (Ag) занимали места (Лос), в зале стоял шум молчаливо двигающейся толпы</i> (В. Дудинцев. Белые одежды).	<i>Первый этаж (Лос) гостиницы «Дружба» занимали три учреждения (Ех)</i> (С. Довлатов. Заповедник).	<i>Концессионеры (Ех) заняли места (Лос) в четвертом ряду справа</i> (И. Ильф и Е. Петров. Двенадцать стульев).

Таблица 3

Синтаксические модели со значением местонахождения, построенные по структурной схеме $N_f \Leftrightarrow V_f \rightarrow N_4$

Модель	Семантические варианты	Список глаголов-предикатов	Примеры
<p>Модель местонахождения со значением сопостроенных топологических отношений (с тематизируемым объектом)</p> $N_f^{Loc} \Leftrightarrow V_f^{Ex} \rightarrow N_4^{Loc}$	<p>1) Вариант со значением местонахождения внутри трехмерного пространства (отношения включения)</p> <p>2) Вариант модели со значением местонахождения на всей поверхности локума (отношения полного контакта):</p>	<p>завалить/заваливать (1б), залепить/залеплять (1), залить/заливать (1б), занять/занимать, заполнить/заполнять, запрудить/запруживать, заселить/заселять, затопить/затоплять 2 (2), захватить/захватывать, колонизировать, наполнить/наполнять, населить/населять, оккупировать, охватить/охватывать (2)</p> <p>завалить/заваливать (1а), залепить/залеплять (2), залить/заливать (1а), застлать/застилать, затопить/затоплять 2 (1), обвить/обвивать, облепить/облеплять, обложить/обкладывать (3), покрыть/покрывать</p>	<p>... <i>тотчас толпа (Ex) запрудила Моховую (Loc)</i> (М. Булгаков. Роковые яйца)</p> <p><i>Яркий платок (Ex) покрывал голову и плечи (Loc)</i> (А. Рыбаков. Дети Арбата)</p>
<p>Модель местонахождения со значением сопостроенных топологических отношений (с тематизируемым локумом)</p> $N_f^{Loc} \Leftrightarrow V_f^{Ex} \rightarrow N_4^{Ex}$	<p>3) Вариант модели со значением частичного контакта с локумом:</p>	<p>венчать, возглаголить/возглавлять, замыкать</p> <p>включать, вмести́ть/вмести́ть, содержать</p>	<p>... <i>голову (Loc) набоба венчала белая чадра (Ex) ...</i> (Б. Акунин. Пиковый валет)</p> <p><i>Книга Судеб (Loc) ... содержит жала в хронологическом порядке более или менее полные данные (Ex) о 73 619 024 511 людях разумных</i> (А. и Б. Стругацкие. Понедельник начинается в субботу)</p>
<p>Модель местонахождения со значением несопостроенных топологических отношений</p> $N_f^{Ex} \Leftrightarrow V_f^{Ex} \rightarrow N_4^{Orient}$		<p>блокировать (1), облегать/облечь, обложить/обкладывать (1), обнять/обнимать, обрамлять, обступити/обступать, обхватить/обхватывать, ограничивать, окаймить/окаймлять, окружить/окружать, окутать/окутывать, опоясать/опоясывать, осадить/осаживать, охватить/охватывать (5), оценить/оценивать</p>	<p><i>Водосы (Ex) ее ... окаймляли спокойное чужое лицо (Orient)</i> (А. Приставкин. Ночевала тучка золотая)</p>

В третьей модели морфемная структура предикатов, а именно: префикс *о-* (*об-*) со значением 'действия, которое охватывает предмет кругом' – снова существенным образом влияет на их семантику.

2.3. Модели местонахождения, построенные по структурной схеме $N_1 \Leftrightarrow V_f \rightarrow N_4$, и категория вида

Особенностью данных моделей является возможная зыбкость границ между моделями со значениями местонахождения и движения. Вообще, различия между моделями со значением местонахождения и движения определяются типом выражаемых ситуативных отношений – статических или динамических. В исследуемых нами моделях основным средством передачи пространственных отношений выступают глагольные предикаты, естественным свойством которых является полисемичность. Нередко одна глагольная лексема может передавать как статические, так и динамические отношения. Данное свойство глаголов отмечается в монографии [Langacker, 1991], где автор, описывая «перфектные» и «имперфектные» процессы, замечает, что существуют глаголы, способные выражать обе категории, например:

(9) а) *Пустой ров окружает старый замок* (*An empty moat surrounds the old castle*).

б) *Солдаты окружают старый замок* (*The soldiers are surrounding the old castle*)³³.

Из примеров (9) видно, что в английском языке смысловозначительным средством является употребление одного из времен – *present simple* или *present continuous*. Мы считаем, что в русском языке актуализация одного из этих значений зависит от видовой характеристики ядерного глагола. Сравним приведенные примеры (см. выше, табл. 2).

Глаголы несовершенного вида, в соответствии с типовыми видовыми значениями, указанными в монографиях, посвященных категории аспектуальности (например, в работах М.Я. Гловинской³⁴; А.В. Бондарко³⁵; Е.В. Падучевой³⁶), передают значение процесса – как статичного, так и динамичного.

Глаголы совершенного вида выражают результитивную фазу динамического процесса, что также не противоречит типовому значению совершенного вида в русском языке. Мы склонны интерпретировать это значение как местонахождение, так как динамические пространственные отношения могут быть зафиксированы только в течение нескольких фаз-сегментов.

Помимо видового значения глагола тип ситуативных отношений в значительной степени зависит от такой характеристики объекта локализации, как его способность (или неспособность) к самостоятельному движению. Сравните предложения в примере (10):

(10) а) *...мокрый снег (Ag) полетел косо, залепля левую грань (Loc) стеклянного столба остановки, ...* (В. Набоков. Дар).

б) *Цветники (Ex) в глиняных горшочках заполняли подоконники (Loc)* (И. Ильф и Е. Петров. Двенадцать стульев).

В случае, если в предложении, содержащем глагольный предикат несовершенного вида, позиция объекта локализации занимает именование предмета, способного к самостоятельному движению, данное предложение будет содержать пропозицию движения (пример 10а). А если в позиции объекта локализации находится имя предмета, неспособного к самостоятельному движению, то глагольный предикат той же семантической группы будет выражать отношения местонахождения (пример 10б).

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

N_1 – имя в форме именительного падежа; N_4 – имя в форме винительного падежа; V_f^{Ex} – финитная форма глагола со значением местонахождения; *Ex* – экзистенция; *Ag* – агенс; *Loc* – локализатор; *Orient* – локализатор-ориентир; *T* – тема высказывания; *R* – рема высказывания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Поссесивность. Обусловленность. – СПб., 1996. – С. 6.

² Langacker R.W. Foundations of cognitive grammar. – Stanford, 1987.

³ Landau B., Jackendoff R. «What» and «where» in spatial language and cognition // Behavioral and brain sciences. – 1993. – Vol. 16. – P. 217–238.

⁴ Levinson S. Language and space // Annual review of anthropology. – 1996. – Vol. 25. – P. 353–382.

⁵ Теория функциональной грамматики.

⁶ Невская И.А. Пространственные отношения в тюркских языках Южной Сибири (на материале шорского языка). – Новосибирск, 2005.

⁷ Talmy L. Towards a cognitive semantics. – Cambridge (MA): MIT, 2000. – Vol. I: Concept structuring systems.

⁸ Плунгян В.А. О специфике выражения именных пространственных характеристик в глаголе: категория глагольной ориентации // Исследования по теории грамматики. – М., 2002. – Вып. 2: Грамматикализация пространственных значений в языках мира.

⁹ Всеволодова М.В., Владимирский Е.Ю. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. – М., 1982.

¹⁰ Langacker R.W. Op. cit.

¹¹ Плунгян В.А., Указ. соч.

¹² Landau B., Jackendoff R. Op. cit.

¹³ Levinson S. 1996. Op. cit.

¹⁴ Теория функциональной грамматики, 1996.

¹⁵ Talmy L. Op. cit.

¹⁶ Невская И.А. Указ. соч.

¹⁷ Landau B., Jackendoff R. Op. cit.

¹⁸ Talmy, L. Op. cit.

¹⁹ Плунгян В.А. Указ. соч.

²⁰ Ср.: Невская И.А. Указ. соч. – С. 13–23.

²¹ Langacker R.W. Concept, image, and symbol: The cognitive basis of grammar. – Berlin; N.Y., 1991.

²² Терминами «перфектные» и «имперфектные» глаголы автор заменяет более привычные термины «динамичные» и «статив-

ные» глаголы. Данная оппозиция ни в коем случае не эквивалентна терминам «совершенный» и «несовершенный» виды, существующим в славянском языкознании.

²³ Langacker R.W. Op. cit.

²⁴ Ibid. – P. 155–157.

²⁵ Cf.: Talmy L. Towards a cognitive semantics. Cambridge (MA): MIT, 2000. – Vol. II: Typology and process in concept structuring. – P. 25: «The Motion component refers to the occurrence (MOVE) or non-occurrence (BE_{Loc}) specifically of translational motion. This is motion in which the location of the Figure changes in the time period under consideration».

²⁶ Levinson S., Wilkins D. (Eds.) In prep. Grammars of space. 2001. P. 13: «Motion will be conceived of as translocation, that is, as a durative displacement of the figure along a continuous trajectory over time».

²⁷ Невская И.А. Указ. соч. С. 22–24.

²⁸ Talmy L. Op. cit.

²⁹ Значения различных ЛСВ одной глагольной лексемы пронумерованы в соответствии с **Современным** толковым словарем русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. – СПб., 2004.

³⁰ Теория функциональной грамматики.

³¹ Подробнее о классификации языковых единиц у Л. Талми см.: Talmy L. Op. cit. – P. 178–179.

³² Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1991.

³³ Пример взят из: Langacker R.W. Op. cit. – P. 86.

³⁴ Гловинская М.Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. – М., 1982.

³⁵ Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – СПб., 1987.

³⁶ Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). – М., 1996.

Институт филологии СО РАН,
Новосибирск

Е.С. КУЗНЕЦОВА

РУССКИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С МОДУСНЫМИ ГЛАГОЛАМИ ПЕРЕДАЧИ ИНФОРМАЦИИ

В настоящей статье описываются предложения русского языка с предикатами – глаголами передачи информации. Рассматриваются четыре типа синонимических конструкций, различающихся способом выражения и характером объектной позиции:

- 1) сложное предложение с предикативной единицей в позиции прямого объекта;
- 2) простое предложение, в котором позиция объекта выражается именем существительным или местоимением в Вин. п.;
- 3) сложное предложение с предикативной единицей в позиции косвенного объекта;
- 4) простое предложение, в котором позиция косвенного объекта замещается существительным или местоимением в косвенном падеже с предлогом (*о* + Предл. п. или *про* + Вин. п.).

Глаголы передачи информации принадлежат к группе *модусных*, или *рамочных*, предикатов, описывающих отношение говорящего к тому или иному событию. Деление предикатов на диктумные (описывающие объективное содержание) и модусные (создающие модусную рамку, отражающие позицию говорящего субъекта), основывается на делении высказывания на диктум и модус, предложенном Ш. Балли.

Глаголами модусной рамки Г.А. Золотова называется те, «при помощи которых говорящий обнаруживает характер ментальных и / или речевых действий субъекта речи по отношению к содержанию диктума»¹. С.А. Крылов считает такие предикаты «предикатами пропозициональной установки», объединяя этим термином «предикаты, выражающие субъективное отношение человека к объективной реальности («ситуации»), отраженной в его сознании в виде некоторого идеального образа («пропозиции»)»².

Речевая деятельность человека связана с оперированием информацией (в данном случае с передачей ее слушающему – адресату), что отражается в семантике предикатов, которые, на наш взгляд, обладают двойственной природой: с одной стороны, как было сказано выше, они выражают субъективное отношение к событию, с другой – имеют пропозициональное содержание, называя тип человеческой деятельности, – речевая деятельность.

В русском языке основным способом выражения модус-диктумных отношений для предикатов передачи информации является сложное предложение – изъяснительное или бессоюзное. Далее при описании сложных предложений мы будем использовать структурно-семантическую классификацию, разработанную В.А. Белошапковой, в которой рассматриваемые нами предложения относятся к двум типам:

1) расчлененные с присловной связью сложно-подчиненные изъяснительные предложения, структура которых определяется семантической природой опорного слова. Опорным словом в главной предикативной единице является глагол передачи информации, обозначаемый как *Lex^{OH}* (лексема оперирования информацией): *Господин дю Барнстокр поведал мне, что у меня появился достойный соперник* (А. и Б. Стругацкие. Отель «У Погибшего Альпиниста») – [*Lex^{OH}(Т-мест)*], [*α* (ЗПЕ)];

2) бессоюзные сложные предложения типизированной структуры с незамещенной синтаксической позицией, также имеющие в своей структуре лексему оперирования информацией: *Так я же тебе вполкововаю: поверни налево, иди до поля, до двух камней...* (А. и Б. Стругацкие. Улитка на склоне) – [*Lex^{OH}*]: (ПЕ). К этому же типу относятся и предложения, где в каче-

стве одной из предикативных частей выступает прямая речь: «Хорошее вино взбалтывать нельзя», – мимоходом **пояснил** он купцу (Г.Л. Олди. Герой должен быть один) – [Lex^{он}], [ПЕ].

Такие конструкции являются изосемическими, наиболее корректно отражающими ситуацию передачи информации. Определяя понятие изосемической конструкции, мы опираемся на ее понимание, представленное в работе М.В. Всеволодовой, О.Ю. Дементьевой³, по мнению которых изосемическая конструкция должна соответствовать следующим требованиям:

- 1) состоять из изосемических слов;
- 2) синтаксические позиции этих слов должны соответствовать их денотативным ролям;
- 3) семантический субъект должен являться прецизируемым компонентом.

Мы хотели бы уточнить лишь первый пункт данного определения. При предикатах передачи информации, а также при некоторых других типах предикатов (глаголах восприятия, ментальных и др.) один из актантов – объект информации – является пропозитивным: он содержит указание на событие. Именно такой способ его выражения является в языке первичным, а употребление в позиции прямого объекта имени существительного представляет собой результат свергивания пропозиции, поэтому такая конструкция изосемической считаться не может. Иными словами, мы считаем, что изосемическая конструкция – это обязательно конструкция элементарного простого предложения.

Предложения с пропозитивным актантом организуют следующие предикаты – глаголы передачи информации: *баять, болтать (наболтать, разболтать, сболтнуть, бормотать (пробормотать), бросать / бросить, брякнуть (разг.), бубнить (пробубнить), бурчать / буркнуть (пробурчать), вдалбливать / вдолбить, верещать, вещать, внушать / внушить, возвещать / возвестить, врать (наврать, соврать), втолковывать / втолковать, выбалтывать / выболтать, выкрикивать / выкрикнуть, выпалить, высказывать / высказать, говорить (наговорить), доказывать / доказать, докладывать / доложить, долбить, заметить, зачитывать / зачитать, заявлять / заявить, излагать / изложить, кричать / крикнуть (закричать, прокричать), лгать, лепетать (пролепетать), лопотать, лпать / лпнуть (разг.), молвить (устар.), молнирывать, молоть (разг.), наворожить, нагадать, накаркать (прокаркать), наколдовать, напоминать / напомнить, напрогнозировать, натрепать, объявлять / объявить, объяснять / объяснить, отвечать / ответить, описывать / описать, отвечать / ответить, передавать / передать, пересказывать / пересказать, писать (написать), поведывать / поведать, повествовать, повторять / повторить, подсказывать / подсказать, порассказать, пояснять / пояснить, предвещать, предначертать, предрекать / предречь, предсказывать / предсказать, припоминать / припомнить, проворчать, произносить / произнести, промурлыкать, промычать, прочить, разъяснять / разъяснить,*

рассказывать / рассказать, растолковывать / растолковать, сказать (досказать, недосказать, сказануть), сообщать / сообщить, строчить (настрочить), твердить, телеграфировать (протелеграфировать), телефонировать, трепать (растрепать), читать (прочитать, прочесть), швырять / швырнуть (разг.), шептать (зашептать, нашептывать / нашептать, прошептать) – всего в нашей выборке 141 лексема.

Предложения с такими предикатами имеют структурную схему $N_1 V_f ПЕ N_3$ с типовым значением ‘сообщить кому-либо что-либо или о чем-либо’. Соответствующие семантические роли следующие:

N_1 – субъект – адресант – обычно одушевленное имя существительное (местоимение);

V_f – глагол передачи информации;

$ПЕ$ – объект – *делибератив* или *делибератив-топик*. Выделение двух типов объекта информации связано с тем, что в предикативной единице может просто называться тема сообщения (делибератив) или раскрываться его содержание (делибератив-топик);

N_3 – адресат – получатель информации – одушевленное имя существительное или местоимение.

Как мы уже говорили, конструкция с предикативной единицей в позиции прямого объекта – сложное предложение – является изосемической для представления ситуации передачи информации.

Предикативная единица при глаголе передачи информации может вводиться несколькими способами.

1. В предложениях со структурной схемой $N_1^{Affrm} V_f^{Voc} [ПЕ]^{del-T} N_3^{Adr}$:

1) союзом / союзным словом без соотносительного Т-местоимения в главной части: *Он объяснил художнику, что владелец харчевни умер* (Д. Мережковский. Воскресшие боги. Леонардо да-Винчи);

2) союзом / союзным словом и соотносительным Т-местоимением в главной части: *А относительно настоящего можно лишь повторить то, что сказал когда-то средневековый арабский писатель* (В. Вересаев. Записки врача);

Позиция Т-местоимения в таких предложениях является факультативной, поэтому в модели предложения оно заключено в скобки: [Lex^{он} (Т-мест)], [α (ЗПЕ)].

3) без участия союза / союзного (в бессоюзных сложных предложениях): *А я вам говорю, – кричал старик в ухо великому комбинатору, – что Макдональд на эту удочку не пойдет!* (И. Ильф, Е. Петров. Золотой телёнок).

Позиция Т-местоимения отсутствует, модель предложения: [Lex^{он}], (ЗПЕ).

2. В предложениях со структурной схемой $N_1^{Affrm} V_f^{Voc} [ПЕ]^{del-T} N_3^{Adr}$ предикативная единица вводится обязательным Т-местоимением в косвенном падеже в главной части (поэтому в модели предложения мы сняли с него скобки) и союзом / союзным словом в зависимой: *Секретарь губкома говорил сейчас о том, что на работу посылались обреченные товарищи* (А. Платонов. Чевенгур) – [Lex^{он} Т-мест], [α (ЗПЕ)].

В диктуме при модусных предикатах передачи информации может присутствовать в развернутом виде любая пропозиция. Типы вводимых модусным глаголом передачи информации пропозиций представлены в табл. 1.

В позиции прямого и косвенного объекта при глаголах передачи информации могут находиться имена существительные пропозициональной семантики или местоимения. Предложения с прямым объектом имеют структурную схему $N_1^{Adm} V_f^{Voc} N_4^{Del} N_3^{Adr}$ с типовым значением 'сообщить кому-либо что-либо'. Использование схемы элементарного простого предложения для построения конструкции с предикатным актантом – это способ свертывания пропозиции – процесс грамматикализации или, как называет его Е.В. Падучева, номинализации, когда одно предложение инкорпорируется в состав другого⁴.

В позиции прямого объекта могут реализовываться имена существительные, объединенные следующими значениями:

1) речевое или словесное произведение: *Он ... поведал нам следующую историю* (А. и Б. Стругацкие. Малыш); *И я не без гордости поведал бы тебе какую-нибудь лесную сказку* (М. Зощенко. Рассказ знакового полковника);

2) речевой отрезок, фрагмент: [*Одно время он зачастил к Сельме, потом у них получился какой-то там скандал, да и Андрей сказал ему несколько слов. [ИФриц спокойно отошел]*] (А. и Б. Стругацкие. Град обреченный);

3) результат умственной деятельности: *В свое время я изложил Ахиллесе совершенно неопровержимые доводы в пользу того, что это фальшивка* (А. и Б. Стругацкие. Второе нашествие марсиан);

4) эмоциональные чувства, переживания: *В промежутках между глотками он поведал Румате свои неприятности* (А. и Б. Стругацкие. Трудно быть богом);

Существительные 1-й–3-й групп являются знаками, сигнализирующими о том, что они репрезентируют содержание, которое может быть раскрыто в тексте до появления знака или после него: *Он самодовольно ухмыльнулся, согнутым пальцем взбил бакенбарды ... и поведал нам следующую историю.*

Является на некую цивилизованную планету один землянин, входит он в контакт и предлагает аборигенам свои услуги в качестве крупнейшего на земле специалиста по конструированию и эксплуатации вечных двигателей первого рода. Аборигены, натурально, смотрят этому посланцу сверхразума в рот и, следуя его указаниям, немедленно принимаются строить. Построили. Не работает вечный двигатель. Землянин крутит колеса, ползает среди стержней и всяких шестеренок и бранится, что все сделано не так: «технология, – говорит, – у вас отсталая, вот эти узлы надо решительно переделать, а вон те так и вообще заменить, как вы полагаете?». Аборигенам деваться некуда. Принимаются они переделывать и решительно заменять. И только они это

закончили, как вдруг прибывает с земли ракета «скорой помощи», санитары хватают изобретателя и делают ему надлежащий укол, врач приносит аборигенам свои извинения, и ракета отбывает. Аборигены в тоске и смущении, стыдясь глядеть друг другу в глаза, начинают расходиться и тут замечают, что двигатель-то заработал. Да, друзья мои, двигатель заработал и продолжает работать до сих пор, вот уже полтора года лет (А. и Б. Стругацкие. Малыш).

Мы полагаем, что такие слова-знаки близки по функциям местоимениям (указательному *это* или определительному *весь*) и играют роль текстообразующих элементов, связующих слов.

Предложения с существительными 4-й группы имеют структурное отличие: они могут быть преобразованы в сложное предложение, в котором предикат со значением передачи информации вводит в диктуме бытийную пропозицию: *В промежутках между глотками он поведал Румате свои неприятности* (А. и Б. Стругацкие. Трудно быть богом) > *поведал, что у него неприятности / о том, что у него неприятности*. С точки зрения содержания объект информации (он же субъект бытийной пропозиции) неизлечим, его содержание может быть раскрыто в дальнейшем контексте, то есть это тоже знак: *неприятности: Он несколько раз проклял этих пропойц соседей, которые повадились в замок. Приезжают с утра якобы на охоту, а потом охнуть не успеешь – уже все пьяны и рубят мебель. Они разбредаются по всему замку, везде пачкают, обижают прислугу, калечат собак и подают отвратительный пример юному баронету. Потом они разъезжаются по домам, а ты, пьяный до неподвижности, остаешься один на один с баронессой...* (А. и Б. Стругацкие. Трудно быть богом)

В предложениях с вышеприведенной структурной схемой в позиции прямого объекта может находиться местоимение:

1) неопределенное местоимение появляется в том случае, когда произносимый адресантом текст не был услышан или содержание его неважно или скрывается: *Чича что-то-то шептал тощему, стриженому* (В. Крапивин. Белый шарик матроса Вильсона).

Такие местоимения частотны при глаголах, в которых кроме семы 'передача информации' можно выделить сему 'сказать что-то тихо, невнятно': *бормотать (пробормотать), бубнить (пробубнить), бурчать / буркнуть (пробурчать), проворчать, промычать, шептать (зашептать, нашептывать / нашептывать, прошептать).*

При глаголах *бормотать (пробормотать), бубнить (пробубнить), бурчать / буркнуть (пробурчать), проворчать, промычать* в предложении часто появляется компонент 'под нос', подчеркивающий, что данное сообщение говорящий адресует скорее себе, нежели окружающим: *Старухи бормотали что-то себе под нос* (В. А. Соллогуб. Теменевская ярмарка); *Свердлов несколько раз буркнул что-то себе под нос* (Н.И. Махно. Воспоминания); а при глаголах *шеп-*

Т а б л и ц а 1

Тип пропозиции	Пример	Структурная схема		
Существование	<p align="center">Событийные пропозиции</p> <p>Бытийно-пространственный блок</p> <p><i>Да нет дадено ващего Фюрера! – толковывала ему Сельма, плача от смеха</i> (А. и Б. Стругацкие «Град обреченный»)</p> <p><i>Она улыбулась, покчала головой и поведала нам, что в особняке на Рю де Шанель у них две ваины</i> (А. и Б. Стругацкие. Отель «У Погибшего Альпиниста»)</p> <p><i>Пастухи среди ночи донесли Халкодонту, что под грохот бушевающей грозы к западному берегу приближается неизвестный корабль</i> (Г. Л. Олди. Герой должен быть один)</p>	$[N_1^{Adnt} V_f^{Voc} N_3^{Adr} J^{Modus} I N_1^{Ex} V_f^{Ex} J^{Ob} / Distant]$ $[N_1^{Adnt} V_f^{Voc} N_3^{Adr} J^{Modus} I N_2^{Pos-v} Pos N_1^{Pos-v} J^{Ob} / Distant]$ $[N_1^{Adnt} V_f^{Voc} N_3^{Adr} J^{Modus} I N_1^{Agv} Mot N_3^{D-F} J^{Ob} / Distant]$		
		Существование	<p>Статальный блок</p> <p><i>Курьер долужил, что и остальные телефоны в здании испортились</i> (М. Булгаков. Мастер и Маргарита)</p>	$[N_1^{Adnt} V_f^{Voc} N_3^{Adr} J^{Modus} I N_1^{Expv} St J^{Ob} / Distant]$
		Акциональное воздеиствие	<p>Акциональный блок</p> <p><i>Я доказывал начальнику, что могу разругить тело одним ударом</i> (А. и Б. Стругацкие. Попытка к бегству)</p>	$[N_1^{Adnt} V_f^{Voc} N_3^{Adr} J^{Modus} I N_1^{Agv} Act N_4^{Ob} J^{Ob} / Distant]$
Качественная характеристизация	<p>Логические пропозиции</p> <p><i>Васисуалий, ты дурак! – спокойно ответил жена</i> (И. Ильф, Е. Петров. Золотой телёнок)</p>	$[N_1^{Adnt} V_f^{Voc} N_3^{Adr} J^{Modus} I N_1^{Qual} (cop) N_1 J^{Ob} / Distant]$		
Идентификация	<p><i>Анфиса так напрямик и заявила очень расстроенной Анне Францевне, что это колдовство...</i> (М. Булгаков. Мастер и Маргарита)</p>	$[N_1^{Adnt} V_f^{Voc} N_3^{Adr} J^{Modus} I N_1^{Qual} (cop) N_{1/5} J^{Ob} / Distant]$		

тать, зашептать, нашептывать / нашептать, прошептать компонент ‘в ухо’, ‘на ухо’: *За ужином Лука Пачиоли, сидевший рядом с Леонардо, шепнул ему на ухо: – Не сердитесь, друг мой... (Д. Мережковский. Воскресшие боги. Леонардо да-Винчи).*

Такой компонент появляется в ней за счет расщепления единой адресатной семантической валентности предиката на синтаксическом уровне. Появление «лишней» валентности осуществляется за счет «расщепления» исходной неэлементарной составляющей на две производные, каждая из которых самостоятельно выступает в синтаксические отношения с предикатом.

2) указательное (*это*) или определительное (*весь*) местоимения обобщают, заключают в себе вышесказанное: [*Вы жалкий, ничтожный человек! – быстро заявил Паниковский.*] – *И это вы говорите мне, своему спасителю? – кротко спросил Остап (И. Ильф, Е. Петров. Золотой телёнок).* В данном случае дейктические функции местоимений полагаются в основу другого их назначения – текстообразующего или анафорического, которое, по словам М.А. Шелякина, «сводится к указанию на элементы контекста, их следование и связь»⁵.

Указательное и определительное местоимения могут вмещать в себя содержание как предикативной единицы (см. пример выше), так и целого отрезка текста: [*Вайнгартен, продолжал рыжий человек, ни в коем случае не должен полагать, что он является единственным землянином, оказавшимся в сфере внимания сверхцивилизации. Среди знакомых Вайнгартена есть по крайней мере три человека, деятельность которых подвергается в данный момент пресечению. Он, рыжий человек, может назвать такие имена, как Малянов Дмитрий Алексеевич, астроном, Губарь Захар Захарович, инженер, и Снеговой Арнольд Павлович, химико-физик. Вайнгартену В.А. давалось на обдумывание трое суток, начиная с этого момента, после чего сверхцивилизация будет считать себя вправе применить некие злоеущие «меры третьей степени».*] *Пока он мне все это излагал, – говорил Вайнгартен, – я, отцы, думал только об одном (А. и Б. Стругацкие. За миллиард лет до конца света).*

В пределах структурной схемы $N_1^{Adnt} V_f^{Voc} N_4^{Del} N_3^{Adr}$ наблюдается грамматическое варьирование, проявля-

ющееся в изменении винительного падежа прямого объекта на родительный при отрицании. Это варьирование происходит только в случае, если позицию прямого объекта занимает номинализованная группа: $N_1^{Adnt} (neg) V_f^{Voc} N_2^{Del} N_3^{Adr}$: *Но почему в таком случае вам не объявили результата?* (А. Солженицын. Раковый корпус); *И никто мне ничего не кричал, так как никто меня тогда в Еришалаиме не знал (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).*

Кроме прямого объекта, выраженного именем существительным или местоимением, при модусных предикатах передачи информации возможно появление актанта в косвенном падеже с предлогом. Объект речи, представленный в такой форме, называет тему речи, не раскрывая ее конкретного содержания.

Предложения с косвенным объектом имеют структурную схему: $N_1^{Adnt} V_f^{Voc} prep N_6^{Del-T} N_3^{Adr}$ с типовым значением – ‘сообщить кому-либо о чем-либо’: *Анна Игнатьевна поспешила сообщить жениху о таком проекте (М. Зощенко. Петр Иваныч и другие).*

Если в позиции косвенного объекта при глаголе передачи информации находится отглагольное существительное (девербатив), такая конструкция легко развертывается в сложное предложение. Свертывается событийная пропозиция: *Сестры долго рассказывали ему о случившемся... (М. Зощенко. Грубые ошибки) > о том, что случилось – [$N_1^{Adnt} V_f^{Voc} N_3^{Adr} J^{Modus} [N_1^{Exp} V_f^{St} J^{Ob/Dictum}$]; *Хрипач любезно и мягко сообщил ей о получении им письма (Ф. Соллогуб. Мелкий бес) > о том, что он получил письмо – [$N_1^{Adnt} V_f^{Voc} N_3^{Adr} J^{Modus} [N_1^{Ag} V_f^{Act} N_4^{Perc} J^{Ob/Dictum}$].**

При любом другом существительном точно развернуть пропозицию возможно только с опорой на контекст. Свертывается любая пропозиция: *Миртил со слов своего брата-фермера поведал нам о жуткой банде амазонок, которые нападают на марсиан и похищают их в видах получения от них потомства (А. и Б. Стругацкие. Второе нашествие марсиан) – о том, что банда амазонок нападает на марсиан и похищает их; Он не уходил, и тогда я по какому-то вдохновению принял ему рассказывать о Земле, о людях, о себе и об археологии (А. и Б. Стругацкие. Извне) – в данном случае в контексте не раскрывается, что именно рассказывалось о перечис-*

Т а б л и ц а 2

Система структурных схем для предложений с модусными предикатами – глаголами передачи информации

<p>Структурная схема с прямым объектом, выраженным предикативной единицей, с типовым значением ‘сообщить кому-либо что-либо’: $N_1^{Adnt} V_f^{Voc} [ПЕ]^{Del} N_3^{Adr}$.</p> <p>Модель сложного предложения: $[Lex^{on} (T-мест.)], (\alpha (ЗПЕ))$ или $[Lex^{on}]: [ПЕ_2]$</p> <p>Структурная схема с прямым объектом, выраженным номинализованной конструкцией: $N_1^{Adnt} V_f^{Voc} N_4^{Del} N_3^{Adr}$</p>	<p>Структурная схема с косвенным объектом, выраженным предикативной единицей, с типовым значением ‘сообщить кому-либо о чем-либо’: $N_1^{Adnt} V_f^{Voc} [ПЕ]^{Del-T} N_3^{Adr}$.</p> <p>Модель сложного предложения: $[Lex^{on} T-мест.], (\alpha (ЗПЕ))$</p> <p>Структурная схема с косвенным объектом, выраженным номинализованной конструкцией: $N_1^{Adnt} V_f^{Voc} prep N_6^{Del-T} N_3^{Adr}$</p>
---	---

ленных объектах, поэтому развернуть конструкцию в точно соответствующее ей сложное предложение невозможно.

В предложении с предикатом передачи информации может одновременно называться и тема речи и ее содержание. Такие предложения демонстрируют противопоставленность двух форм выражения объекта. Тема речи выражается объектом в винительном падеже, содержание раскрывается при помощи компонента в предложном падеже с предлогом: *Как-то я рассказал своей трехлетней дочери сказку о Снежной королеве и точно следовал Андерсену: королева была злой и коварной* (Буккин А. Детские страхи // Семья. 2000. 19 янв.).

Существительное в косвенном падеже, раскрывающее содержание, в структурную схему не включается и валентностью глагола не предопределяется, а в предложении является определением.

Система структурных схем для предложений с модусными предикатами – глаголами передачи информации представлена в табл. 2.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

НКРЯ – Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М., 1998. – С. 75.

² Крылов С.А. О содержании термина «предикаты пропозициональной установки» // Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспекте: Тез. докл. рабочего совещ. / АН СССР. Ин-т языкознания. Проблемная группа «Логический анализ естественного языка». – М.: Наука, 1987. – С. 71.

³ Всеволодова М.В., Дементьева О.Ю. Проблемы синтаксической парадигматики: коммуникативная парадигма предложений (на материале двусоставных глагольных предложений, включающих имя локума). – М.: Крон-пресс, 1997.

⁴ Падучева Е.В. О семантике синтаксиса. – М.: Наука, 1974. – С. 193/

⁵ Шелякин М.А. Русские местоимения (значение, грамматические формы, употребление). – Тарту, 1986. – С. 6.

Институт филологии СО РАН,
Новосибирск

Е.Н. СОРОКИНА

О СТРУКТУРЕ И СЕМАНТИКЕ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С МОДУСНЫМИ ПРЕДИКАТАМИ *ЗАСЛУЖИВАТЬ* И *СТОИТЬ*

Объектом этого исследования являются русские глагольные предложения с оценочными предикатами *заслуживать* и *стоять*, управляющими беспредложным родительным падежом.

Сбор материала осуществлялся методом сплошной выборки из художественных произведений русских и советских писателей, использовались также и ресурсы Национального корпуса русского языка [<http://www.ruscorpora.ru>] (далее НКРЯ).

Названные предикаты имеют обобщенное значение ‘быть достойным кого- / чего-н., соответствовать кому- / чему-н.’¹ и вписываются в класс м о д у с н ы х предикатов или так называемых п р е д и к а т о в п р о п о з и ц и о н а л ь н о й у с т а н о в к и, выражающих субъективное отношение человека к объективной реальности («ситуации»), отраженной в его сознании в виде некоторого идеального образа («пропозиции»)². Они отличаются двойственной природой, поскольку способны выражать как субъективное отношение к определенному событию, так и объективное содержание, называя конкретные типы человеческой деятельности, объектом которых является информация³. К их числу относятся, прежде всего, глаголы «ментальные» (*думать, считать, верить*), эмотивные (*ненавидеть, любить*) и волюнтаривные (модальные глаголы *желать, хотеть*), глаголы перцептивной (*чувствовать, слышать, видеть*) и речевой деятельности

(*говорить, доказать, объяснить*), а также речевого воздействия – перформативы (*отказаться, осуждать, требовать*)⁴. Мы относим к этому классу также и оценочные, или а к с и о л о г и ч е с к и е, предикаты, в том числе глаголы *заслуживать* и *стоять*:

Он как политработник заслуживал уважения [Хрущев Н. Воспоминания (1971); НКРЯ]; [Я понимаю – он вам муж, кровь родная, но все-таки всему предел есть. Вы подумайте –] стоит он тех страданий, [что вы из-за него принимаете сейчас?] [Бр. Вайнеры. Визит к минотавру].

Предложения с модусными предикатами *заслуживать* и *стоять* строятся по структурной схеме $N_1 \Leftrightarrow V_f \rightarrow N_2$ и репрезентируют типовую ситуацию «рациональная оценка некоторого положения дел».

Формально их структура трехчленна: 1) первый компонент N_1 – предметный актанта, о котором выносятся суждение; 2) второй компонент – оценочный модусный предикат $V_f^{Modus(Ax)}$; 3) третий компонент N_2 – пропозициональный актанта, содержащий саму оценку⁵.

План содержания таких предложений представляет модусная пропозиция, «эксплицирующая этап психической обработки информации о некотором положении дел в реальной действительности»⁶, вписывающаяся в многокомпонентную типовую ситуацию, большинство из звеньев которой не эксплицируются.

Их позволяет выявить ряд логических операций. Рассмотрим конкретный пример:

Горбачев заслуживает уважения [и милосердия]. [Он ушел в историю. Крови на руках нет. Горбачеву выпало тяжелейшее испытание, какие даются политике, может быть, раз в столетие: подняться на самую вершину и стремительно скатиться вниз; начать преобразования и увидеть, как рушится многое, что составляло смысл и цель жизни...; познать сладость всемирной славы, но и горечь временного отвержения у себя на родине] [Яковлев А. Омут памяти (2001); НКРЯ].

1) Пресуппозиция₁ – диктумное содержание (не отражено в структуре предложения): [Он (Горбачев, N_1 – предметный актант, он же далее – объект оценки, – совершает некоторые действия) ушел в историю. Крови на руках нет].

2) Пресуппозиция₂ – диктумное содержание (не отражено в структуре предложения): автор высказывания – А. Яковлев (внешний субъект оценки) – знает нечто об объекте оценки – Горбачеве (N_1) и его деятельности [Горбачеву выпало тяжелейшее испытание, какие даются политике, может быть, раз в столетие: подняться на самую вершину и стремительно скатиться вниз; начать преобразования и увидеть, как рушится многое, что составляло смысл и цель жизни...; познать сладость всемирной славы, но и горечь временного отвержения у себя на родине].

3) Пресуппозиция₃ – скрытое модусное содержание, как правило, не отражено в структуре предложения, может эксплицироваться в более широком контексте: автор высказывания – А. Яковлев (внешний субъект оценки может эксплицироваться в структуре контекста (см. ниже)) – оценивает действия объекта оценки – Горбачева (N_1) – положительно;

4) Пропозиция₁ – модус-диктумное содержание (модусное содержание заключается в модусном предикате, диктумное – репрезентирует пропозициональное имя – N_2^{Ob}): интерпретация автором высказывания положения дел в реальной действительности): *Горбачев заслуживает уважения [и милосердия].*

5) Пропозиция₂ – модусное модальное содержание (главная модусная пропозиция): ситуация «все уважают Горбачева» не является реальной или не все к нему так относятся > но! так должно быть, и «справедливым, правильным» является именно такое отношение, которое формулирует автор высказывания.

[Горбачев (N_1^{Ob}) заслуживает ($V_f^{Modus(Ax)}$)]^{Modus} [уважения (N_2^{Pread})]^{Dictum} ... > [Горбачев (N_1^{Ob}) заслуживает ($V_f^{Modus(Ax)}$)]^{Modus} [того, чтобы все уважали (V_f^{Modus}) его (N_1^{Ob})]^{Dictum}

При развертывании содержания пропозитивного имени, которое в свою очередь может представлять как модусное (при предикатах отношения, как в приведенном примере), так и диктумное (при акциональных предикатах) содержание, обнаруживается позиция еще

одного субъекта отношения (или агенса соответствен-но) (*все*) в позиции N_1 .

Характерно, что при глаголе *заслуживать* может формироваться и положительная, и отрицательная оценка деятельности объекта отношения-оценки (*заслуживает похвалы, наказания*), а при глаголе *стоит*, как правило, только положительная (*стоит похвалы, любви*). В противном случае у глагола *стоит* развивается дополнительное значение ‘соответствовать кому- / чему-л.’

Объектом отношения-оценки (N_1) при глаголах *заслуживать* и *стоит* могут выступать предметы, лица, события, положение дел в действительности:

– объект отношения-оценки – лицо, его качества, деятельность: *Сахаров заслуживает ... избрания в Академию наук СССР* [Капица, Тамм, Семенов. (1998); НКРЯ] > Сахаров заслуживает того, чтобы его избрали (кто-то избрал) в Академию наук СССР; *Тем более заслуживает восхищения мужество великодушного россиянина Е.А.* [Соколов М. // Известия. 2001. 16 нояб.; НКРЯ] > Мужество россиянина Е.А. заслуживает того, чтобы им восхищались (кто-то им восхищался);

– объект отношения-оценки – предмет: *Этот небольшой по объему (275 с.) том, несомненно, заслуживает переиздания* [Капица, Тамм, Семенов (1998); НКРЯ] > Этот небольшой по объему том заслуживает того, чтобы его переиздали (кто-то его переиздал); *[Мандельштам полагает, что] эта работа Тамма, [вместе со многими другими его работами] вполне заслуживает представления на кафедре физики в Академию* [Там же] > Эта работа Тамма вполне заслуживает того, чтобы ее представили (кто-то представил) на кафедре физики в Академию;

– объект отношения-оценки – событие: ... *разговор Анны Власьевны стоил нескольких страниц исторических записок (и был бы драгоценен для потомства)* [Пушкин А.С. Капитанская дочка (1836); НКРЯ]; > *Разговор Анны Власьевны стоил того, чтобы кто-то описал его на нескольких страницах исторических записок* *История [получения нами нынешней квартиры тоже] заслуживает отдельного разговора* [Смирнова Л. Моя любовь (1997); НКРЯ] > История ... заслуживает того, чтобы кто-то составил о ней отдельный разговор.

Во всех этих случаях потенциальное действие мыслится автором высказывания как желательное.

Пропозитивное имя в позиции N_2 представляет собой один из способов свертывания событийных пропозиций, которые в 80 % случаев в конструкциях с глаголом *заслуживать* выражаются предикативной единицей в составе сложного предложения. С глаголом *стоит* – в 50 % случаев (из 100 примеров). Характерно, что сложноподчиненные предложения с данными модусными предикатами обладают меньшей степенью свободы для обратных трансформаций без искажения смысла:

[N_1^{Ob} V_f^{Mod}]^{Modus} [N_2^{Pread}]^{Dictum} > [$\Gamma\Pi E$]^{Modus}, [α $\Sigma\Pi E$]^{Dictum}

Но выдающееся военное изобретение *стоило того, чтобы автора немедленно привезти в Москву* [Солженицын А.И. В круге первом] > *Военное изобретение стоило доставки автора в Москву; *Выражение «божья искра» стоило того, чтобы в него вдуматься* [Д. Гранин. Зубр] > *Выражение стоило размышлений; *Они заслуживают того, чтобы называться вождями* [Хрущев Н. Воспоминания (1971); НКРЯ] > *Они заслуживают звания вождей.

Наиболее частотной в позиции N_2 является свернутая **модусная** пропозиция отношения, проявляющаяся в разных сферах:

а) в физической: [*Он с легкой досадой смотрел теперь на сына – стоил ли сын таких попечений, забот?*] [*Это был сын первой страсти – и вот рос бесчувственным*] [Тынянов Ю. Пушкин] > Стоил ли сын того, чтобы о нем кто-то так пекся, заботился?;

б) в интеллектуальной: *Сами по себе они* (молодые прислужники, устроившие легкомысленную потасовку – Е.С.) *не стоили моих размышлений* [Чижова Е. Лавра // Звезда. 2002. №7–9; НКРЯ] > Они не стоили того, чтобы я о них размышляла; *Около тысячи боев [проведенные этой машиной, большинство из которых – результативные, безусловно] заслуживают обобщения и детального анализа* [Российское оружие: война и мир (1999); НКРЯ] > Около тысячи боев заслуживают того, чтобы кто-то их (результаты) обобщил и детально проанализировал;

в) в эмотивной: *Ты заслуживаешь только презрения!* [Левин Б. Блуждающие огни (1995); НКРЯ] > Ты заслуживаешь только того, чтобы кто-то тебя презирал; [*Надо признаться, что*] и Поцейкин *стоил действительно похвалы* [Достоевский Ф.М. Записки из Мертвого дома (1862)] > Поцейкин стоил действительно того, чтобы кто-то (оценил его действия, поступки с положительной стороны и) похвалил его.

Позиция второго актанта может замещаться указательным местоимением, которое вмещает в себя содержание предыдущего контекста, например:

а) в сложной синтаксической конструкции: [*Матушка твоего отца гораздо больше меня любила, что и неудивительно, так как*] брат Дмитрий *вообще того стоил*: [он был красота, и из красот красота, и всех лучших дарований полон] [Лесков Н.С. Захудалый род (1874)];

б) в самостоятельных предложениях: [*Не все ли равно, про кого говорить?*] *Заслуживает того каждый из живших на земле* [Бунин И. Сны Чанга].

Характерно, что оценка качественных характеристик лица, его состояния, действий и т.д. делается внешним субъектом (например, обществом, собеседником), присутствие которого не отражается в конструкции, но нередко эксплицируется при помощи лексикализованных модусных оценочных смыслов:

а) с о ц и а л ь н а я о ц е н к а выражается разными способами и может быть скрытой, не эксплициро-

ванной (см. пример (а)), завуалированной (пример (б)) и явной, прямо указывая на оценивающий субъект – общество и на выразителя общественного мнения (примеры (в) и (г)):

– скрытая, не эксплицированная оценка: *Многие стороны этой деятельности заслуживают морального осуждения...* [Хрущев Н. Воспоминания (1971)];

– вводная конструкция: *По законам шариата женщина [изменившая мужу] заслуживает смертной казни* [Иванов А., Чародеев Г. Неверную нигерийскую жену отправят к мертвому мужу // Известия. 2002. 20 авг.; НКРЯ];

– репрезентирующей социальную оценку компонент представлен в контексте, в составе сложного предложения: [*В случае признания подсудимого виновным присяжные заседатели также указывают в соответствии со статьей 339 настоящего Кодекса.*] *заслуживает ли подсудимый снисхождения* [Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (2001); НКРЯ];

б) личное мнение, субъективная оценка также может быть эксплицирована разными способами:

– СПП: [*– Я говорю*], *что моя работа заслуживает обусловленного гонорара* [Липскеров Д. Сорок лет Чанчжоз (1998); НКРЯ];

– вводной конструкцией: *Решение премьер-министра, на наш взгляд, заслуживает одобрения* [Лисицкий А., Авилон Н. Делить по-русски // Нов. газета. 2003. 24 февр.; НКРЯ];

– определением, выраженным притяжательным местоимением: *Сами по себе они* (иподьяконы-разночинцы, забывшие благообразие и тузившие друг друга – Е.С.) *не стоили моих размышлений* [Чижова Е. Лавра // Звезда. 2002. № 7–9];

– определением, выраженным качественным прилагательным (выражение авторской иронии): [*По обнаженной руке ее ползет пиявка и пробирается прямо к плечу;*] *этот смещной аспид не стоил великой чести уязвить царицу* [Дурова Н.А. Кавалерист-девица (1835)];

– обстоятельством меры и степени, выраженным наречием: [*Это была византийская тонкость,*] *которая вполне заслуживает уважения* [Мейендорф И. Духовное и культурное Возрождение XIV века и судьбы Восточной Европы (1992); НКРЯ].

Содержание предложений с модусными предикатами отношения-оценки всегда многослойно. Самый поверхностный оценочный слой – причинный. Мотивация для положительной / отрицательной оценки внешним субъектом качеств или деятельности объекта отношения-оценки и интерпретация им некоторого положения дел в действительности всегда присутствуют в контексте:

а) в СПП: *Хвост ее стоил особенного разговора, потому что такого хвоста одного могло бы хватить взамен всей кошки* [Митьки. Три кота (1992); НКРЯ];

б) в сложной синтаксической конструкции с бессоюзной связью: *Был он взъерошен и задерган, так*

что по-человечески заслуживал сочувствия: готовый козел отпущения [Волков О. Погружение во тьму (1988); НКРЯ];

в) в простом осложненном предложении с однородными сказуемыми, именная часть которых выражена краткой формой качественных прилагательных: Он [был добр и умен и] стоил счастья иметь их (таких заботливых друзей. – Е.С.) [Нарежный В.Т. Российский Жилбаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова (1814); НКРЯ] > Он был добр и умен, и поэтому стоил счастья иметь их. Ср.: Он – апостол русинов и уже за одно это заслуживает канонизации [Шаров В. Воскрешение Лазаря (1997–2002); НКРЯ];

г) в простом осложненном предложении с однородными сказуемыми, приложением и вставкой: Эдуард Середя тоже владел многими цирковыми жанрами и, несомненно, заслуживает добрых слов как артист весьма неординарный (трюкач, акробат, жонглер, пародист) [Кио И. Иллюзии без иллюзий (1995–1999); НКРЯ] > Эдуард Середя заслуживает добрых слов, потому что он артист весьма неординарный: трюкач, акробат, жонглер, пародист.

Итак, статус целого ряда неэлементарных предложений, строящихся на основе конструкций с рассматриваемыми предикатами, неоднозначен. Такие предложения представляют собой переходный случай между простым и сложным предложением, являясь примером асимметрии между планом выражения и планом содержания предложения как языкового знака⁷. То положение, которое они занимают на синтаксической шкале смысловой простоты / сложности, обусловлено, во-первых, самим значением модусных предикатов. В нем подвергаются компрессии семантические и грамматические категории: категория оценочности и категория модальности (а именно потен-

циальной модальности, выражающей значения желательности или долженствования). Во-вторых, обязательной для этих конструкций является позиция пропозиционального актанта, содержание которого тоже представляет собой компрессию модусной или акциональной пропозиции. Наконец, за рамками предиката остаются категории персуазивности и авторизации, которые также могут быть скрытыми и эксплицированными.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. – М., 1999.

² Крылов С.А. О содержании термина «предикаты пропозициональной установки» // Логический анализ языка: проблемы интенциональных и прагматических контекстов. – М.: Наука, 1989. – С. 71–73.

³ Иванова Ж. Авторизация в высказываниях с модусными предикатами. – // <http://www.russian.slavica.org/article1019.html> [Электронный ресурс].

⁴ По наблюдениям Е.М. Вольф, рациональная оценка представляет собой оценочное суждение (мнение) и противопоставлена эмоциональной оценке (оценке-ощущению). Рациональная оценка, будучи частным случаем мнения, обычно вводится предикатом *считать* и, в отличие от эмоциональной оценки, предполагает основание. Таким основанием, в конечном счете является наличие причинно-следственной связи между какими-то событиями (см. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М., 1985, 2006. – С. 97–107; Зализняк А.А. Многозначность в языке и способы ее представления. – М., 2006). На наш взгляд, понятие рациональной оценки распространяется и на содержание предложений с предикатами *заслуживать* и *стоить*.

⁵ Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М., 1998. – С. 279–288.

⁶ Белошапкина В.А., Менькова Н.В. Пропозитивная семантика сложного предложения (количественный аспект) // Филологический сборник (К 100-летию со дня рождения В.В. Виноградова). – М., 1995. – С. 56.

⁷ Черемисина М.И., Колосова Т.А. Очерки по теории сложного предложения. – Новосибирск, 1987.

ФОЛЬКЛОР

Н.С. ЧИСТОБАЕВА

СВОЕОБРАЗИЕ ТИПИЧЕСКИХ МЕСТ ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА ХАКАСОВ

(на примере мотивировки выезда богатыря из дома)*

Важными составляющими в устойчивости традиции являются типические места и эпические формулы. По определению Е.Н. Кузьминой, типическое место представляет собой устойчивое поэтическое описание, общее для разных сюжетов, а эпическая формула является составной частью этого описания. «Общие места» образуют строгую повествовательную схему и обязательно имеют набор ключевых слов и поэтических формул, по которым их можно опознать¹.

Как считает П.Д. Ухов, «образование типических мест в эпосе – явление позднейшее. Раньше каждое эпическое произведение имело самостоятельную словесную ткань и типических мест не было вообще»². Он полагает, что с течением времени количество типических мест в эпосе становилось все больше и больше, и многие из них стали механически переходить из одного сюжета в другой: отдельные эпизоды, органически связанные с определенным сюжетом, вклинивались в ткань другого сюжета. Так возникли новые типические места.

Эпическое произведение как в исполнении одного и того же сказителя, так и в разносюжетных сказаниях других исполнителей обладает определенным набором типических мест. У каждого народа в эпосе имеется своеобразная, самобытная поэтическая фактура, важными составляющими которой являются устойчивые формулы и стилистические клише со своими особенностями.

Объектом нашего внимания является типическое, или «общее место», характеризующее мотивировку выезда богатыря из дома **на осмотр владений** и **на охоту**. В своем рассмотрении мы следуем структуре «Указателя типических мест героического эпоса народов Сибири...», разработанной Е.Н. Кузьминой.

По ее мнению, «“общие места” тесно переплетаются с эпическими мотивами, по ходу повествования исполнитель прибегает к определенному набору типических мест и эпических формул, соответствующих тому или иному эпизоду. Если представить схемати-

чески внутреннюю связь структурных элементов эпоса, то возникает картина цепной связи мотивов, один мотив следует за другим»³. Так, за мотивом первотворения следует мотив появления главного героя. Появление главного героя всегда связывается с чудесным рождением, что, в свою очередь, подтверждает последующее взросление героя. Зрелость главного героя, согласно эпической традиции, предполагает мотивировку выезда из дома. Поводом к выезду богатыря из дома может быть осмотр владений, пересчет скота, поездка на охоту и т.д. Это типическое место, характеризующее мотивировку выезда богатыря из дома, является важным в сюжетном отношении.

В сказании «Алтын Чюс», записанном Т.Г. Тачевой от сказителя М.К. Доброва в 1941 г., «общее место», характеризующее **выезд богатыря из дома на осмотр владений**, состоит из 23 стихотворных строк: *Ах Хан апсах алып кизи, / аар тарта остеп килип, / аңнап кисчең кибін хаап, / чарды ізикті ача чачып, / чайбаңнада сығара пасхан. / Ай алтын айландыра, / чир үстүн читі ибіре көр тур: / азыр хулахха ниме истілбинче, / ала харахха ниме көрінминче. / Тилекейні тикселендіре көрче, / тигір төзін слестіре көрче. / Харах читкен чирлері, / харалып сиіліп көрінче; / харах читпен чирлері / көбең көс полып тартылча. / Чабаға азағы чарылдырбиндір, / хулун азағы киндербиндір. / Хадарған малы, көр турза, / халын тайғаны тобыра тарап партыр; / халых тубен чоны, ол полза, / ах талай хастада чуртап партыр. / Алып кизи айланым, / ах өрге ибзер кір парған – ‘Родившийся богатырем старик Ах Хан, / с трудом и со стоном поднявшись, / схватив свою охотничью одежду, / деревянную калитку толчком открыл, / тяжело переваливаясь, вышел он. / Подлунный мир он шестикратно, / наземный мир он семикратно окинул взглядом: / ничего не донеслось до слуха его, / ничего не приметили глаза его. / Вселенную он сплошь просматривает, / поднебесье он все проглядывает. / То, до чего взоры доходят, / на горизонте виднеется; / то, до чего взоры не доходят, / синим маревом покрыто. / Нет лошади, у которой бы копыто надтреснуло, / нет жеребенка, у которого бы нога была повреждена. / Всмотревшись,*

*Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Лаврентьевского конкурса молодежных проектов СО РАН № 151.

увидел, что выпасной скот его, / по всей обширной тайге, разбредясь, пасется; / разглядевши, увидел, что весь его народ, / по берегу белого моря, расселившись, живет, оказывается. / И, повернувшись, богатырь / в белую юрту свою вошел⁴.

Как показал анализ, отличительной особенностью этого «общего места» являются вставленные слова и словосочетания *аар тарта* ‘с трудом’, *чайбаңнада* ‘тяжело переваливаясь’ *түбен* ‘весь’. Дополнительные строки возникли за счет описания возраста богатыря и его охотничьей одежды, примеры: *Ах Хан апсах алып кизи* – ‘родившийся богатырем старик Ах Хан’, *аңнап кичең кибін хаап* – ‘схватив свою охотничью одежду’. Надо отметить, что если богатырь выезжает на осмотр владений, то примерка одежды и сама одежда лишь упоминаются, как в этом примере, в отличие от мотивировки выезда на войну. По эпической традиции, сказители наделяют главного героя чудесным свойством предвидения, тонким восприятием природы. О необыкновенных способностях богатыря говорят следующие устойчивые выражения: 1) *Ай алтын айландыра, / чир үстүн чити ибیره көр тур: / азыр хулахха ниме истілбинче, / ала харахха ниме көрінминче* – ‘Подлунный мир он шестикратно, / наземный мир он семикратно окинул взглядом: / ничего не донеслось до слуха его, / ничего не приметили глаза его’.

Подобная эпическая формула (далее сокр.: ЭФ) имеется в сказании «Ай Хуучин», в характеристике могучей Хыс Хан, отличающейся прозорливостью и любознательностью: *Изеби чох Хыс Хан / чир хулахтыг полган, / нөгими чох Хыс Хан / чиген частыхтыг осхас полган* – ‘У могучей Хыс Хан, / земля была ухом, / у бесстрашной Хыс Хан / вселенная как будто была подушкой’⁵. Другая формула, характеризующая способности богатыря, также передается устойчивым выражением, которое встречается и в репертуаре других хакасских исполнителей: *Тилекейни тикселендире көрче, / тигир төзін слестире көрче*. – ‘Вселенную он сплошь просматривает, / и поднебесье он все проглядывает’⁶ (пер. наш. – Н.Ч.).

Приведем пример еще одного поэтического выражения, являющегося традиционным, которое включено в цитируемое типическое место: *Чабаға азағы чарылдырбиндир, / хулун азағы киндербиндир*. – ‘Нет лошади, у которой бы копыто надтреснуло, / нет жеребенка, у которого бы нога была повреждена’. Это описание, с одной стороны, представляет богатые владения богатыря, а с другой – показывает мирную спокойную жизнь в его владениях. Это устойчивое выражение встречается в сказаниях Н.А. Абдина, С.В. Абумова, Е.Н. Кулагашевой, С.П. Кадышева и др. В эпосе ненцев также встречаются постоянные словесные формулы с данной семантикой. В сюдабц, чтобы показать спокойную мирную жизнь героя и его близких, употребляется выражение: «никто к ним не приходит, никто от них не уходит»⁷.

Есть другая эпическая формула, характеризующая гармонию во владениях богатыря: *Ады чох кизее ат мұндірчададыр. / Кибі чох кизее кип кизірчададыр* –

‘Пешему человеку коня дает. / Человеку без одежды одежду дает’⁸ (перевод наш. – Н.Ч.). Эта эпическая формула является традиционной в эпосе хакасов. Представление о хорошей жизни неразрывно связано с наличием у человека коня. Встречается слово *кип* ‘верхняя парадная одежда из шерстяной ткани – сукна или драпа’. Исследователь хакасского фольклора В.Е. Майногашева считает, что данная фраза подчеркивает возраст героя. В эпосе обычно шьют *кип* юному герою только с наступлением совершеннолетия. В старину одежду с поясом могли иметь только богатые люди, бедняки же подпоясывались обычной веревкой⁹.

У сказителя П.В. Курбижекова эта формула возвращена за счет включения текста благопожелания и показывает органичное взаимодействие разных жанров фольклора в хакасских героических сказаниях: *Чағазы чох кип киспеңер! / Чарғы-үлгүзи чох чон полбаңар! / Аттаң чазағ кизи чөрбезін! / Ат тудып мүйиңер! / Кибі чох кизи полбазын! / Кип алып кизиңер* – ‘Не носите одежду без пояса! / Не будьте народом без суда, без закона! / Пусть пешим никто не будет! / Коней ловите, верхом садитесь! / Пусть никто без кипа не будет! / Берите кип и носите!’¹⁰.

Типическое место, характеризующее выезд богатыря из дома на осмотр владений, включает в себя описание народа и скота. В эпосе понятие «народ» имеет обобщенное значение и сочетается с характеристическими эпитетами *арғал* ‘весь’, *көп* ‘многочисленный’, *изеби чох* ‘бесчисленный’, *албаты чоны* ‘платящий дань народ’. Часто употребляется устойчивый образ *көп мал* ‘много скота’, *ах мал* ‘белый скот’. По мнению исследователей хакасского фольклора, картина жизни в ханском стойбище рисуется идиллически – как жизнь одной спаянной семьи, в которой нет борьбы и противоречий между бедными и богатыми¹¹. Приведем формулу, соответствующую вышесказанному: *Хадарған малы, көр турза, / халын тайғаны тобыра таран партыр; / халых түбен чоны, ол полза, / ах таллай хастада чуртап партыр* – ‘Всмотревшись, увидел, что выпасной скот его, / по всей обширной тайге, разбрелся; / разглядевши, увидел, что весь его народ, / по берегу белого моря, расселившись, живет, оказывается’.

Обычно типическое место заканчивается следующими словами: *Алып кизи айланьп, / ах өрге ибзер кир парған* – ‘И, повернувшись, богатырь, / в белую юрту свою вошел’. Это же устойчивое выражение с небольшой вариацией встречается и у других исполнителей, например у Н.А. Попьякова, А.С. Бурнакова, Д.А. Сазанаква. В сказании «Кун Тёнгис на себроккрылом сивом коне» С.П. Кадышев использует в описании время суток: *шир полза, анда / ибине ибiрiлiп нанчададыр* – ‘Только вечером домой возвращается’¹² (пер. наш. – Н.Ч.).

Итак, мотивировка выезда богатыря из дома на осмотр владений включает в себя краткие описания примерки одежды и ее характеристики; а также характеристику необыкновенных способностей богатыря. Нужно отметить, что в “общее место”, характеризую-

щее мотивировку выезда богатыря из дома, входят типические места, относящиеся непосредственно к зачину: **1.3.** владения богатыря (богатырки) и его (ее) скот, **1.5.** народ (подданные, данники).

Рассмотрим типическое место, связанное с мотивировкой **выезда богатыря из дома на охоту**. В эпосе саяно-алтайских тюрков широкое распространение получил мотив изображения промысла охотника. Этот мотив встречается в самых разных героических сказаниях. В первобытном обществе охота была основным занятием, требующим силы и выносливости. В эпосе богатырь-охотник предстает удачливым, смелым, ловким. Данный мотив генетически восходит к «охотничьему» эпосу. Как правило, отправляясь на охоту, богатырь испытывал много трудностей или даже погибал. В героических сказаниях хакасов картина охоты высоко опозитивирована. В первую очередь гиперболизируется богатырский лук, который никто, кроме самого героя, не в состоянии поднять с земли. По мнению исследователя шорского фольклора А.И. Чудоякова, «данный мотив мог возникнуть спустя много времени после открытия лука со стрелами, в период раннего скотоводства»¹³. Объектом поэтизации становятся не лук со стрелами, а меткость стрелка. Рассматриваемое «общее место» показывает, что герою придаются черты хана-охотника, справедливо делящего добычу среди своих подданных, что соответствует представлениям первобытнообщинного строя. В некоторых хакасских сказаниях охотники убивают только жирных животных, тощих отпускают. А в этом сказании говорится, что охотник добывал быстрокрылых птиц и быстроногого зверя.

В эпосе место, где охотятся богатыри, представлено традиционно: *Ах талайны хастада, / ах тайғаны чағали, / аңнап, хустан чөрібіскен. / Тағ чағали аңнап, / талай хастада хустанча* – ‘По побережью белого моря, / по краю седой тайги, / на охоту направился. / У подножий гор зверей бьет, / у подножья моря птиц позванивает’¹⁴.

Эту же эпическую формулу можно встретить и у других сказителей. Варьирование ЭФ идет в основном за счет использования эпитетов, синонимов, например, *тайға* ‘тайга’ бывает *ах* ‘седая’ или ‘белая’, *хара* ‘черная’, *күрең* ‘коричневая’, *көк* ‘зеленая’. Можно предположить, что употребление именно этих эпитетов точно характеризует определенное время года, например, если тайга зеленая – лето, седая – зима, черная, коричневая – поздняя осень, ранняя весна. Употребляются послелого с разной семантикой: управляющие – *арали* ‘вдоль’, *чағали* ‘по краю’; изафетные – *хастада* ‘по берегу’.

ЭФ варьируются контекстуальными синонимами-глаголами, выраженными простой формой: *аңнап* ‘охотиться на зверя’, *хустанча* ‘охотиться на птиц’, *чөрібіскен* ‘ушел’, и при помощи аналитических конструкций *аңнап тур* ‘охотиться на зверя’, *хустан тур* ‘охотиться на птиц’, *аңнап-хустан пар килим* ‘поохотиться’, *аңнап хустан чөрібін* ‘охотиться кожу’.

Ловкость богатыря передается тоже традиционной эпической формулой: *Халыхтап ойлачаң харсахтың аңны / халых алдырбин атыпча; / хархылап учухчаң ханаттың хусты / ханат саптырбин атыпча* – ‘Быстроногого зверя / не дав ему и прыжка сделать, бьет; / быстрокрылую птицу, / не дав ей и крылом взмахнуть, бьет’¹⁵.

Варьирование этой ЭФ наблюдается в следующем: у сказителей М.К. Доброва, И.С. Абжилаева речь идет конкретно о соболе, у других сказано обобщенно ‘быстроногий зверь’. В третьей строке у М.К. Доброва, И.С. Абжилаева – ‘крылатая птица’, в других вариантах – ‘кричащая птица’.

Типичным описанием является сам процесс охоты, реже побуждение пойти на охоту за добычей или желание богатыря испробовать мясо дичи. Так, в сказании «Ах Хан на бело-буланом коне», записанном О.В. Субраковой от сказителя А.С. Бурнакова, принадлежавшего к сагайско-шорской школе, анализируемое «общее место» включает в себя и подготовку богатырем охотничьего снаряжения, и желание жены богатыря отведать мяса дичи, саму картину охоты и ее результаты.

Типическое место, взятое из сказания «Ах Хан на бело-буланом коне», существенно отличается от других семантически схожих «общих мест». Сказитель А.С. Бурнаков расширил типическое место за счет включения диалога, парных слов, дополнительных строк, эпических формул. Интересно отметить, что описание самого процесса охоты занимает лишь шесть стихотворных строк, тем самым сказителю важно было поэтически обрисовать изготовление орудия промысла и материал, из которого он сделан. Примеры: *хабырғадаң охча итті* – ‘из ребра лук сделал’, *табылғаттаң соған итті* – ‘из таволги стрелу сделал’, *ипчізінің сазынаң кіріс хаты, хара чазағ пазып одыр* – ‘из волоса жены тетиву и черный узор расписал’. Данный пример содержит следующие парные слова: *ханча-ханча* ‘часто-часто’, *анча-мынча* ‘долго-предолго’. У сказителя А.С. Бурнакова эпическая формула, характеризующая место охоты, сокращенная: *Ах талайды хастап одыр, / ах тасхылды наарлада пазып одыр* – ‘По берегу белой реки идет, / по подножию белого тасхыла идет’¹⁶ (пер. наш. – Н.Ч.).

Широко распространено в хакасском эпосе такое стилистическое средство, как иносказание – метафорическое замещение прямого термина образным описанием явлений, благодаря чему художественность и выразительность изображения значительно возрастает и выявляется своеобразие эпического стиля. В данном примере иносказание выступает в форме парного словосочетания: *Аары парчинда алтон пасха / аймах хус атадыр, / неер айланза, / читон пасха хус атадыр* – ‘Туда пойдет – шестьдесят / разных птиц стреляет, / сюда пойдет – семьдесят разных птиц стреляет’¹⁷ (пер. наш. – Н.Ч.). Здесь слова *аары* ‘туда’, *неер* ‘сюда’ в своем сочетании означают большое пространство, а *алтон* ‘шестьдесят’ и *читон* ‘семьдесят’ тер-

ют свое конкретное содержание и в контексте приобретают значение ‘много’. Такое замещение значения слов добавило художественной красочности и усилило эмоциональное его восприятие.

Данное «общее место» дополняется эпической формулой, передающей тяжесть груза и усталость богатыря, что встретилось только у А.С. Бурнакова: *Позының күзі нинче сыдаанча / атып алып, артынын алып одыр. / Арыг күзі албаан ханча-ханча чирде / тынанып киліп одырадыр* – ‘Насколько хватило сил / настреляв, навьючив на себя, идет. / Сильно уставая, часто-часто / отдыхая, идет’¹⁸ (пер. наш. – Н.Ч.).

Приведем еще пример «общего места» из сказания «Палачах Алтын на бело-буланом коне», записанном в марте 1958 г. Т.М. Албычаковой в исполнении Д.А. Сазанакова, принадлежавшего к сагайско-шорской школе. Анализ показал, что общим с предыдущим примером является то, что в это типическое место также включен диалог. Отличие проявляется в новой ЭФ, характеризующей желание юного богатыря сходиться на охоту: «*Охча-соған ит пирген ползаңар / иб аралли ойлап чөрін / хусахахтар атып чөрер-чипін*» – «Если б сделали вы мне лук-стрелу, / бегая вокруг дома, / птичек стрелял бы»¹⁹ (пер. наш. – Н.Ч.). Это типическое место интересно тем, что здесь изготовление лука и стрел отличается от предыдущего «общего места»: лук изготавливается из твердого дерева, но не называется, какого именно, стрелы, как и в предыдущем сказании, сделаны из таволги. Нужно отметить еще одну важную особенность в содержании *алыптых нымахов*: орудие промысла изготавливает не сам богатырь, а сестра. Здесь, согласно эпической традиции, идет постепенное взросление богатыря.

Сказитель Д.А. Сазанак чаще применяет эпитеты: так характеризуются *хус* ‘птицы’ и *аң* ‘звери’ как *улуг* ‘большие’, *ағас* ‘дерево’ – *хатыг* ‘твердое’, широко используются им также синтаксические повторы и синонимия: *учураза* ‘если встретится’ – *тоғасса* ‘если попадается’; *атып көрер көңім пар* ‘пострелять желание есть у меня’ – *өдір көрер көңім пар* ‘поохотиться желание есть у меня’.

В сказаниях «Хара Хан на темно-гнедом коне» и «Богатырь Хара Хан на вороном коне с шерстью длиною в пядь» охота тоже не описывается, речь идет лишь о намерениях богатыря пойти на охоту. В эпосе это передано такой эпической формулой: *Хара Хан ам чоохтапча: / хырых чылға читіре пол салдым, / хара тайғамға чөрбин. / Ам нарып, аңнап-хустап пар килім* – ‘Хара Хан теперь говорит: / – уже сорок лет прошло, / как в черную тайгу не ходил. / Пойду, схожу на охоту’²⁰ (пер. наш. – Н.Ч.).

Можно отметить, что в изображении охоты преувелирует такой художественный прием, как гипербола. В эпосе место охоты представлено традиционным формульным описанием: *ах талайны хастада, ах тайғаны чағали* – ‘по побережью белого моря, по

краю седой тайги’. Использование типического места, характеризующего процесс самой охоты и реже – желание пойти на охоту только ради дичи. У сказителей А.С. Бурнакова, Д.А. Сазанакова есть описания подготовки охотничьего снаряжения. У А.С. Бурнакова добавилась новая эпическая формула, передающая тяжесть груза и усталость богатыря.

Таким образом, типическое место, характеризующее мотивировку выезда богатыря из дома на осмотр владений и на охоту, несет большую эмоциональную и смысловую нагрузку, выделяясь обобщенностью и стилистической выразительностью. Вариативность и частотность – обязательное условие для «общего места». Но, несмотря на все эти различия, структура типического места сохраняется и оно узнаваемо в силу традиционности эпических формул, устойчивых слов и словосочетаний.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кузьмина Е.Н. Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири (алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов, шорцев, якутов). – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. – 1383 с.

² Ухов П.Д. Атрибуции русских былин. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. – С. 10.

³ Кузьмина Е.Н. Указатель типических мест... – С. 5.

⁴ Алтын Чүс. Записано Т.Г. Тачевой от М.К. Доброва в 1941; Р.ф. 34. Пер. Д.И. Чанкова.

⁵ Ай-Хуучин / Хакасский героический эпос «Ай-Хуучин». Вступ. ст., зап. и подгот. текста, пер., прим. и комм., приложения В.Е. Майногашевой. – Новосибирск: Наука, 1997. – С. 88.

⁶ Палазы чох Ах Хан. Запись от сказителя С.В. Абумова 20–22 декабря 1972; Р.ф. 682.

⁷ Куприянова З.Н. Эпос ненцев // Специфика фольклорных жанров. – М.: Наука, 1973. – С. 172–199.

⁸ Хамагында ат чарыхтыг ах сабдар аттыг Хан Мирген. Записано В.Е. Майногашевой от Н.А. Абдина 20–23 декабря 1972; Р.ф. № 681.

⁹ Майногашева В.Е. Хакасский героический эпос «Алтын Арыг» // Алтын Арыг. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1988. – С. 490–534.

¹⁰ Хакасский героический эпос «Алтын Арыг» / Запись и подгот. текста, пер., вступ. ст., примеч. и коммент., прил. В.Е. Майногашевой. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1988. – 592 с.

¹¹ Унгвицкая М.А., Майногашева В.Е. Хакасское народное поэтическое творчество. – Абакан, 1972. – С. 121.

¹² Кумус ханаттыг кор пора аттыг Кун Тоніс. Записано Д.И. Чанковым от С.П. Кадышева в январе 1948 г.; Р.ф. № 17.

¹³ Чудояков А.И. Этюды шорского эпоса. – Кемерово, 1995. – С. 49.

¹⁴ Алтын Чүс. – С. 32.

¹⁵ Там же. – С. 5.

¹⁶ Ах ой аттыг Ах Хан апчак. Записано О.В. Субраковой от сказителя А.С. Бурнакова; Р.ф. 534. – С. 25.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Ах ой аттыг палачах Алтын. Записано Т.М. Албычаковой от сказителя Д.А. Сазанакова 6 марта 1958; Р.ф. 66. – С. 3.

²⁰ Харыс тектіг хара аттыг Алып Хара Хан. Записано Т.Г. Тачевой от Кадышева С.П. 13–14 июня 1961 г.; Р.ф. № 504. – С. 2.

Ж.М. ЮША

ПОЭТИКА ТУВИНСКОГО ОБРЯДОВОГО ФОЛЬКЛОРА*

Произведения тувинской обрядовой поэзии обладают красочным народно-поэтическим языком и изобилуют разнообразными художественно-образительными средствами. Здесь каждое слово отшлифовано, семантически насыщено, функционально упорядочено и выразительно.

Именно с помощью широкого применения поэтических тропов достигаются образность, лаконичность и красочность фольклорно-обрядовых произведений. С.Г. Лазутин считает, что «для различных жанров фольклора наиболее характерны те или иные образительно-выразительные средства, тропы»¹. Это наблюдение можно отнести и к жанрам тувинского обрядового фольклора, с одной стороны, пользующегося типологически сходными языковыми и стилистическими приемами, а с другой – использующего их для разных функциональных целей.

Цель статьи – рассмотреть лексико-стилистические особенности и художественно-образительные средства тувинской обрядовой поэзии.

Лексико-стилистические особенности. Все жанры обрядового фольклора – *чалбарыг* (закливание), *йөрээл* (благопожелание) и *мактал* (восхваление) в структурном плане представляют собой монологические обращения, имеют конкретного адресата, обладают устойчивой художественной формой. Однако все вышеназванные жанры существенно различаются по обрядовой функции, композиционной структуре и смысловому содержанию.

В большинстве случаев заклинания начинаются с обращения к духу-хозяину и восхваления его достоинств. Это связано с существовавшим народным поверьем, что перед просьбой обязательно необходимо «усладить слух» божества, красочно представить его достоинства. Затем следует описание жертвоприношения, сделанного духу-хозяину. Только после такого «умилостивительного» вступления человек, произносящий заклинание, излагал свою просьбу. В некоторых случаях, хотя словесный рассказ о жертвенных дарах отсутствует, само же обрядовое действие обязательно исполняется. Структурно заклинания могут состоять из трех, двух или одного блока, но постоянным компонентом является изложение просьбы.

Благопожелания и восхваления состоят только из одной части. Для благопожеланий-*йөрээлов* характерно выражение добрых пожеланий конкретному чело-

веку, проникнутых верой в его счастливое будущее. Исследователь Х. Сампилдэндэв указывает, что «монгольские еролы состоят из зачина, кульминационной части и концовки»². Такая композиционная структура для тувинских благопожеланий, как и для восхвалений, не характерна.

Каждый из обрядовых жанров характеризуется лексико-интонационными особенностями. Восхваления призваны привлечь внимание зрителей на лучшие качества прославляемого в данный момент. Поэтому они состоят только из хвалебных слов и перечня достоинств.

Основная канва, каноническая структура текстов во всех обрядовых жанрах сохраняется. Однако в них отчетливо проявляется и вариативность – тексты могут быть короткими или длинными, в зависимости от мастерства исполнителя.

Закливание имеет ярко выраженный просительный тон, так как человек устанавливает контакт с духом-хозяином и обращается к нему с определенной просьбой. Уничжительные самохарактеристики, к примеру, *самдар чолдак хептиг мен* ‘я в старой равной одежде’; *аштадым, суксадым* ‘изголодавшийся, жаждущий’; *яды-мөчү улус бис* ‘мы бедные-нищие люди’ в текстах заклинаний сосуществуют с архаичной лексикой высокого стиля (*өршээнер* – ‘смилуйтесь’; *хайырлаңар* – ‘помилуйте’) и использованием в монологе глагольной формы 2-го лица множественного числа (*силер* – вы), подчеркивающей уважительное отношение к духу:

Аштаан ботту тоттуруңар,	Меня, голодного, насыщайте,
Аьдым-хөлүм могатпанар,	Мою лошадь не утомляйте,
Алдын тандым,	Моя золотая тайга,
Авыранар, өршээнер! ³	Помогите, помилуйте!

В своих просьбах люди могли использовать и без уничительных самохарактеристик только глагольные формы 2-го лица множественного числа. Например, охотник просил духа-хозяина тайги помочь ему следующим образом:

Артычаам долдуруп	Мою суму наполняя,
өршээнер, тандым!	смилуйтесь, моя тайга!
Диленген дизиим долдуруп	Мне просящему, подол
өршээнер, тандым! ⁴	наполняя, смилуйтесь, моя
	тайга

В обрядовой поэзии других сибирских народов, когда человек обращается к одному духу-хозяину, подобные синтаксические обороты не встречаются.

* Статья выполнена при финансовой поддержке в рамках государственного контракта ЦНТП 2006 – РИ –112.0/001/357.

На наш взгляд, применение высокого стиля в зачинах тувинцев обусловлено мифологическими воззрениями народа: уважительным отношением к духу и самой ситуацией прошения.

Благопожелания, как и другие жанры обрядового фольклора, также отражают веру древнего человека в магию слова. При этом он чувствовал себя полноправным хозяином своего слова, способным с его помощью направить ход событий будущей жизни того, к кому оно обращено.

Словарный состав тувинского языка, как и в любом другом языке, находится в непрерывном изменении и развитии. Лексика всех произведений обрядовой поэзии характеризуется употреблением архаичных слов, которые вышли из активного употребления. Архаизмы позволяют нам проследить определенные этапы исторического развития этноса, увидеть следы пройденных веков. Так, в следующем благопожелании видны отзвуки господства маньчжурской династии в Туве:

Эштеринге белектерлиг, Эженинге албаннуг, Окпан-чикпен оолдуг, Оранчаан чурттуг болзун! ⁵	Друзьям с подарками, Императору с податью, Веселого-удалого сына, Землю пусть имеют!
---	---

Или:

Эрээн киштин Эрнинден дискеш, Эжен, бээнге албан өргүүр болзун! ⁶	Разного соболя за губы нанизывая, Императору дань пусть преподносится!
---	---

В приведенных примерах употребляются архаичные слова: *эжен* – «китайский император»; *албан* – «подать, дань», которую ему платили.

Заклинания отражают и условия социальной жизни той же эпохи, когда охотник, обложенный непосильной данью, просит у духа добычу:

Албан-өрээ туттургаш, Амыралдап диледим.	Дань-долг связали меня, [Поэтому], надеясь, прошу тебя.
Богда-хээге соктургаш, Могоп-шүүдеп диледим ⁷ .	Избитый императором, Усталый-обеспокоенный прошу тебя.

В канонических благопожеланиях широко используются архаичные названия предметов гардероба, украшений и посуды.

Свадебная накидка невесты:

<u>Баштаңгызы</u> манник болзун	<u>Накидка</u> шелковой пусть будет.
------------------------------------	---

Накосное украшение:

<u>Чавагалыг</u> бол.	Имей <u>накосное украшение</u> .
-----------------------	----------------------------------

Известно, что с древних времен у тюркских и монгольских народов летоисчисление производили по двенадцатилетнему животному циклу лунного календаря. Так, в благопожеланиях, посвященных *Шагаа* (Новому году), встречаются старые названия годов

лунного календаря: *хой чылы* – год Овцы, *улу чылы* – год Дракона, *мечи чылы* – год Обезьяны и т.д.

В восхвалениях борцов присутствуют имена из животного мира, не характерные для тувинской фауны, такие как *Чаан* – «Слон», *Арзылаң* – «Лев». Видимо, они заимствованы из индо-тибетской мифологии. Их применение в восхвалениях свидетельствует о стремлении людей показать своих героев ловкими и сильными, подобно этим животным и птицам.

Следует заметить, что употребление парных слов является излюбленным приемом в произведении обрядовой поэзии. Как правило, это устойчивые количественные и качественные характеристики, придающие образность произведениям обрядовой поэзии и значимость совершаемому ритуалу. Они встречаются в форме существительных (*анай-хураган* – «козлята-ягнята»; *амыр-дыш* – «покой-спокойствие»), прилагательных (*уран-шевер* – «искусный-умелый», *омак-хөлүг* – «веселый-удалой») и глаголов (*үнер-кирер* – «выходить-заходить», *ужар-турар* – «падать-вставать»). Как видим, их компоненты могут быть синонимичными и антонимичными. Типологически парные сочетания относятся к формам словоупотребления, свойственным именно народно-поэтической традиции.

В парно-сочетающихся словах в большинстве случаев оба компонента могут употребляться самостоятельно (*идик-хеп* – «обувь-одежда»; *эзер-чүген* – «седло-узда», *уйгу-дыш* – «сон-спокойствие»; *ун үш-дүжүт* – «растение-урожай»; *оюн-каткы* – «игра-смех»; *анай-хураган* – «козлята-ягнята»). Значительно реже один из компонентов парного сочетания как самостоятельная семантическая единица речи использоваться не может: *ажы-төл* – «дети», *ачы-дуза* – «помощь», *өг-бүле* – семья, *аас-кежик* – «счастье» и др. По-видимому, смысл этих слов, значимый для парной конструкции, со временем был утрачен.

В исследуемых нами поэтических текстах встречаются и образно-синонимические повторы. По мнению Е.М. Мелетинского, «повтор не только «поддерживает» определенную фольклорную эстетику, но также является важнейшим механизмом устного творчества»⁸. Повторы в тувинской народной поэзии несут двойную функцию. Во-первых, – выступают в качестве художественно-образительного приема; во-вторых, являются средством, облегчающим запоминание и воспроизведение устного текста. Так, в свадебном благопожелании невесте желают:

Тел-ыяштың будуу ышкаш Өнер болзун.	Как ветви священного дерева Пусть будут многочисленными.
Хам-ыяштың будуу ышкаш Шыргай болзун ⁹ .	Как ветви шаманского дерева Пусть будут густыми.

В фольклоре разных народов встречается прием **повтора слов в начале или в конце стихотворной строки**. Как отмечают исследователи, наибольшее распространение он нашел в эпосе тюркоязычных и монголоязычных народов. Для тувинской обрядовой поэзии характерен также повтор слова «болзун» –

«пусть будет», «пусть сбудется» в конце стихотворной строки. Они активно применяются в *йөрээлах*. Главной особенностью этого приема является применение глагольной формы «болзун» в желательной-повелительной форме в конце каждой стихотворной строчки, поскольку в тувинском языке предложение заканчивается глаголом. Например:

Аъттанганы чыраа болзун,	У верхового – ход иноходью пусть будет,
Азынганы алдын болзун!	Носимое – золотым пусть будет!
Эдилээни мүүгун болзун,	Пользуемое – серебряным пусть будет,
Эзертээни чыраа болзун! ¹⁰	У оседланного – ход иноходью пусть будет!

Применение слова «болзун» – «пусть будет», «пусть сбудется» также является поэтическим приемом, особо подчеркивающим, «внушающим» определенную мысль, направленную на свершение доброго пожелания, усиливающим магическое воздействие слов. К примеру, в бурятских благопожеланиях-*юроолах* такой формой сказуемого выступает слово «болтогой!» – «пусть сбудется!». С.С. Бардаханова, исследуя бурятские благопожелания, считает их «закрепками», закрепляющих высказанное *юролчином* благословение¹¹. По поводу таких же повторов в конце стихотворной строки Р.А. Султангареева пишет: «Активно применяемые слова – «пусть будет», «будь» – соединяют желаемое и действительное, обеспечивают исполнение желаний уже сказанным словом»¹².

Каждый обрядовый поэтический текст составляет сложное синтаксическое целое, объединенное одной общей темой, соответствующей функциональной направленности жанров. Поскольку они бытуют в стихотворной форме, то и употребление глаголов в каждом жанре отличается некоторым своеобразием. Рассмотрим особенности употребления грамматических глагольных форм.

В заклинаниях, главным образом, употребляют простые глаголы, имеющие семантику «прошения и дароподношения»: *чалбарыыр* «просить милости», *чажар* «окроплять», *тейлээр* «молиться», *өргүүр* «преподносить», *хайырлаар* «миловать, дарить». Они в текстах указывают на преклонение человека перед сверхъестественными силами, его просьбу о чем-либо, описывают даруемую «жертву» приносимую духо-хозяину данной местности. В благопожеланиях в основном преобладают составные именные сказуемые: «имя прилагательное + императивная форма глагола (болзун- пусть имеет, пусть будет) в третьем лице единственного и множественного числа» (*малдыг болзун* – «имеющим скот пусть будут»; *өнер болзун* – «многочисленными пусть будут»; *өөрлүг чорзун* – «имеющим и друзей пусть будут»). Содержание составных именных сказуемых, выражающих пожелание, можно условно разделить на разные тематические группы:

1) «хозяйственная утварь» (*бышкылыг болзун* «с мешалкой пусть будут»; *көгээрлиг болзун* «с кожаной

фляжкой пусть будут»; *эттиг болзун* «с имуществом пусть будет»; *өглүг болзун* «имеющим юрту пусть будут»);

2) «домашний скот» (*коданныг болзун* «с отарой пусть будут»; *челелиг болзун* «с привязью для молодняка пусть будут»; *аъттыг болзун* «имеющим лошадей пусть будут»);

3) «богатство и многодетность» (*ажы-төлдүг болзун* «имеющим детей пусть будут»; *дөргүл-төрелдиг чорзун* «имеющим родственников пусть будут»; *кыстыг болзун* «имеющим дочку пусть будут»; *оолдуг болзун* «имеющим сына пусть будут»; *кавайлыг болзун* «имеющим колыбель пусть будут»);

4) «еда-пища» (*элбек болзун* «обильной пусть будет»; *чаагай болзун* «вкусной пусть будет»; *эм-дом болзун* «целебной пусть будет»; *сыңмас болзун* «пусть не помещается»; *үзүм-чигир болзун* «сладостной пусть будет»; *амданныг болзун* «лакомой пусть будет»);

5) «физические качества человека» (*дыгыжы болзун* «с острым слухом пусть будет»; *көскү болзун* «зорким пусть будет»; *узун болзун* «высоким пусть будет»).

Именно такая тематика пожеланий характерно для тувинских *йөрээлов*. Во всем этом, по мнению *йөрээлчи*, заключается счастье-благодать человека.

Для *макталов* характерны экспрессивно-эмоциональные глаголы, усиливающие внимание зрителей: *Дөнен-Калдар эртин келди!* «Донен-Калдар прискакал первым!»; *Мөгем содак-шудаа сыңышпайн тур!* «Мой борец в одежду борца просто не помещается!»; *Чүгүрүк аътты көрүңер!* «На скакуна посмотрите!», а также повелительные глаголы 2-го лица множественного числа: *Мөгениң онаан үндүрүңер!* «На поединок борца выпускайте!»; *Улуг Чаанны үндүрүңер!* «Великого Слона выпускайте!»

Художественно-изобразительные средства. Обрядовой поэзии тувинцев, вследствие особой ее словесной организации, подчиненной законам стихосложения, присущи разнообразные тропы, функции которых в поэтическом тексте многогранны. Остановимся на характеристике наиболее показательных поэтических тропов.

Сравнение. Особую роль в *йөрээлах* и *макталах* играет сравнение. Этот прием в их поэтике является доминирующим и довольно устойчивым. Сравнение усиливает эмоциональную окраску стиха, подчеркивает главную его мысль. Как отмечал Б.В. Томашевский, «в сравнениях слова употребляются в их прямом значении, и внимание обращается на сопоставление двух совершенно отчетливых понятий. Сравнение может быть осмыслено до конца и поэтому выражается законченным предложением, отмечающим отдельный этап мысли»¹³.

Формообразующую роль в этом поэтическом приеме играют союзы *дег* – как, *ышкаш* – словно, *болган* – подобно. Объект сравнения сопоставляется с конкретными явлениями окружающего мира, наиболее близкими и понятными слушателям. Сравнение с природой и ее созданиями является одной из древних традиций, которая присуща разным народам. Приведем пример благопожелания, посвященного невесте:

Торлаа дег өөрлүг болзун, Как [выводок] куропатки,
Тогдук дег каас болзун!¹⁴ Пусть имеет много друзей,
Как дрофа, пусть будет
нарядной!

Или:

Хая дег эттиг болзун, Подобно [огромной] скале,
Хараган дег малдыг имущества пусть имеет,
болзун!¹⁵ Подобно [густому] караганнику,
скота пусть имеет!

В последнем примере сравнение с караганником передает особенности степного ландшафта, характерного для Тувы, где в изобилии встречается этот кустарник.

В качестве сравнения используются даже сказочно-мифические названия горы и цветка, характерных для сказок и эпоса. Например:

Сумбер-Уула ышкаш мөге Как Сумбер-Уула*, сильным
болзун! Пусть будет!
Сумбус чечээ ышкаш каас Как цветок Сумбус, нарядной
болзун!¹⁶ Пусть будет!

При восхвалении борцов, их уподобляют животным и птицам, которые в народном понимании олицетворяют силу и ловкость:

Хартыгадан кашпагай, Быстрее сокола,
Дээлдигенден тевингир...¹⁷ Проворнее ястреба...

В данном примере сравнение выражено сравнительным падежом существительных с аффиксами – *дан-*, – *ден*.

Образный ряд сравнений с лексическими повторами может ритмически передать ощущение стремительного бега коня:

Хартыга куш дег дүрген Быстрый, как ястреб летающий,
чоруур,
Хат-салгын дег дүрген Быстрый, как ветер несущийся,
чүгүрүк.
Эзир куш дег дүрген Быстрый, как орел налетающий,
чоруктуг,
Ээр казырга дег дүрген Быстрый, как вихрь несущийся.
чүгүрүк¹⁸.

Как видно из рассмотренного материала, основной функцией сравнений в жанрах благопожеланий и восхвалений является создание для легкости восприятия слушателями чувственных образов – зрительных и слуховых. Кроме этого, сравнения также могут указывать на количество, размер и форму. Эти простые сравнения в основном строятся на союзных словах *дег* – как, *ышкаш* – словно, *болган* – подобно.

В заклинаниях, в отличие от благопожеланий и восхвалений, сравнения почти не встречаются. В народном понимании, по-видимому, считалось, что человеку сравнивать могущественных духов с кем-либо или с чем-либо грозит опасностью.

* Мифическая сказочная гора.

Анализ устно-поэтических текстов благопожеланий и восхвалений показывает, что сравнения в их стилистической структуре стали практически устойчивыми формульными выражениями.

Эпитет. Самым характерным поэтико-стилевым признаком для всех жанров обрядового фольклора является употребление постоянных эпитетов: золотой – *алдын*, серебряный – *мөңгүн*, благодатный – *авыралдыг*, благородный – *ачылыг* и т.д.

Например, в заклинании при окроплении молоком произносится:

Ачылыг, хайыралыг   Благодатная, милостивая
Алдын-кызыл тандым!¹⁹   Золото-красная моя тайга!

Или, например, заклинание духу священного дерева – *тел-ыяш*:

Каптагайнын каас-коязы,   Самое нарядное во всей
Кайгамчыктыг бай-ла ыяш²⁰.   Вселенной,
Удивительно богатое дерево.

Как видим, в жанрах обрядовой поэзии применение эпитета усиленно культивируется. Здесь почти каждое существительное сопровождается эпитетом, имеющим оценочное значение. Так, молодым супругам на свадьбе желают иметь красивую дочь, сильно-го сына:

Чараш, кежээ кыстыг   Красивую трудолюбивую
болзун!   дочь пусть имеют!
Эрес, мөге оолдуг болзун!²¹.   Удалого, сильного сына
Пусть имеют!

С помощью метафорических эпитетов дают положительную характеристику коню:

Тулган дыбыжы кулактарлыг,   С чуткими ушами,
Каң-болат дуоюлуг...²².   Со звонкими стальными
копытами...

Если в героическом эпосе тувинцев эпитеты служат характеристикой достоинств главного героя (*эгинниг кижиги тутчуп шыдавас* – «плечистый человек не сможет одолеть [его]»), то в свадебных благопожеланиях жениху и невесте, а также ребенку в честь его рождения или при первой стрижке у него волос с помощью этого же эпитета адресату желают иметь подобные качества.

Эгинниг кижиги тутчуп   Плечистый человек пусть
шыдавас болзун,   одолеть не сможет,
Аастыг кижиге алдырбас   Языкастомо человеку пусть
болзун!²³   не уступит.

Удивительно разнообразны в *макталах* масти коней, что связано с развитым коневодством у тувинцев. Характерно выделение тончайших оттенков: *кара-хүрең* ‘темно-коричневый’, *доруг-хүрең* ‘гнедо-коричневый’, *калчан-шилги* ‘белолобый красновато-рыжий’, *күчен-хүрең* ‘мощный-каурый’ и т.д. Например, в конце восхвалений, посвященных коню, кроме клички может упоминаться его масть.

Кайгамчыктыг чүгүрүк   Удивительно быстроногий
Кара-доруг аьдым!²⁴   Мой темно-гнедой конь!

В тувинской обрядовой поэзии разнообразные цветковые эпитеты (*ак* 'белый' – в значении 'священный, чистый', *алдын* 'золотой' – в значении 'богатый', *кызыл* 'красный' – в значении 'красивый, прекрасный' и т.д.) передают богатую цветовую гамму природных реалий и являются метафорическими. Некоторые цветковые эпитеты переходят в разряд устойчивых формул, передающих красоту природы, окружающего мира. Можно сказать, что цветковые эпитеты также отражают эстетические народные представления о красоте. Числовые эпитеты в благопожеланиях чаще всего показывают множественность скота, детей.

Гипербола. Прием гиперболизации наиболее характерен для восхвалений. Это связано с функциональной задачей самого жанра *мактала*: красочно описать лучшие из достоинств борцов и скакунов. Поэтому здесь все подано крупным планом, гиперболизировано. Стать борца, его действия, а также скакун предстают перед зрителями в сказочно-богатырском виде. Гиперболы в этом жанре сходны с некоторыми описаниями богатыря и его коня в эпосе монголо-тюркоязычных народов.

Коню, например, как и в эпосе, дают такую характеристику:

Булуттуг дээрник   По облачному небу,
адаа-биле,
Будуктуг ыяштыңкыры-биле   Выше ветвистых деревьев
маннаар²⁵.   скачет.

Секундант (*салыкчы*) призывает своего борца на поле, так же преувеличенно описывая его силу. Его борец настолько могущественен, что:

Көктүг черни хөлбөңедир,   Зеленую землю колебля,
Көк дээрни хөлбейтир,   Синее небо колыша,
Үнүп келди!²⁶   Выходит!

Образная характеристика гиперболической мощи борца передается посредством сравнения его богатырского телосложения с объектами особого величия:

Турган боду арзылаң боттуг.   Как лев, сам стоит.
Соондан көөрге,   Сзади посмотришь –
Соок кара далай дег²⁷.   Как холодное черное море.

В восхвалениях борцу мгновенность его реакции в борьбе с соперником передается такими формульными выражениями:

Карак чивеш аразында   Не успеешь глазом моргнуть,
Катай кагар кадыг мөге!   Делает подсечку стойкий
борец!
Эргек дырбаш аразында   Не успеешь пальцем
пошевелить,
Эгин бажын часпас мөге!²⁸   За плечи хватает,
не промахиваясь, борец!

Исключительная быстрота бега скакуна рисуется так:

Дүктүг даванныга четтир-   Шерстоногим [зверям] его
бес,   не догнать,
Чүглүг кудуруктутга   Хвостатым пернатым не
баштатпас...²⁹   быть впереди его.

Как видим из приведенных примеров, в *макталах* с помощью употребления гипербол слушателям дается представление о неслыханной силе и ловкости борца, коня.

Гиперболические формулы встречаются и в благопожеланиях:

Азыраан малы –   Выращенный скот –
Аал сынмас болзун!   Пусть не вмещается во дворе!
Эдилээн эди –   Нажитого добра –
Эгин ажыг болзун!³⁰   Выше плеч пусть будет!

В некоторых случаях в охотничьих заклинаниях наблюдается применение приема преуменьшения – **литоты**.

Например, обращаясь к духу, охотник уничижительными словами описывает себя так:

Самдар чолдак хептиг,   В рваной короткой одежде,
Чалчай алгы саадактыг,   С истертым кожаным
колчаном,
Чымык, былда боолуг,   С тихим запальным ружьем,
Чалбак кара таалынныг,   С плоской черной сумой,
Кара дазыл аяктыг,   С черной чашкой из корня
березы,
хадын урузу калгактыг,   С черпаком из березовой чаги,
Дадаан-додаан аңчы мен³¹.   Я, неказистый-неприглядный,
охотник.

Прибедняясь и жалуясь, прося хотя бы малой добычи, охотник хочет этим расположить к себе духов, разжалобить их.

Итак, гиперболы в *макталах* служат для идеализации восхваляющего объекта. С их помощью выявляются наиболее характерные, отличительные черты славящего объекта. О системе художественной изобразительности народной поэзии у бурят, в частности о тропах, С.Ш. Чагдуров писал: «Там, где есть идеал, психологически неизбежны преувеличения»³². В тувинской обрядовой поэзии это можно отнести к восхвалениям.

Метафора. В народной поэзии, по мнению многих исследователей, считается, что метафора является одним из наиболее продуктивных стилистических приемов. Однако в нашем материале зафиксированы только метафоры-олицетворения. Они употребляются в заклинаниях, так как древний человек с его мировосприятием «оживотворял» весь окружающий мир, приписывая духам-хозяевам человеческие качества. Основную функцию заклинаний выполняют метафорические глаголы. Например, к духу-хозяину целебного источника – *аржаана* – обращаются с такой просьбой:

Човуланым чоттундуруп   Сотри мое мученье,
бер,   бер,
Аарыым арылдырып бер...³³   Очисти мою болезнь...

Здесь глаголы повелительного наклонения (*чот-тундур* – сотри; *арылдыр* – очисти) имеют метафорический смысл. Духу-хозяину *аржаана* приписываются действия, присущие живому человеку. «Такое сближение явлений природы с живыми поступками человека называется антропоморфизмом»³⁴.

Охотник, обращаясь к духу-хозяину тайги, также просит его, как живого человека:

Хая көрүнмө, кадыр тандым.	Не отворачивайся, горная моя тайга.
Бээр көрнүп көр, бедик тандым ³⁵ .	Посмотри сюда, высокая моя тайга.

Смысл просьбы выражен в иносказательно-метафорической форме: не оставляй в беде, будь милостивой и щедрой.

Из приведенных примеров очевидно, что метафора в поэтическом тексте заклинания является не только изобразительным приемом, она помогает наиболее убедительно выразить просьбу человека.

Метафора как художественный троп утвердилась в поэзии, в том числе и народной, в более позднее время, когда человек научился воспринимать окружающий мир не только эмоционально-чувственно, но и логически. В своей работе Л.Н. Романова³⁶ также считает, что в устной народной поэзии якутов и в зарождавшейся письменной якутской литературе метафоры крайне редки.

Иносказание (аллегория). Для тувинской обрядовой поэзии характерно использование и такого излюбленного средства фольклорной изобразительности, как иносказание.

Они употребляются как «опосредованное, образное описание реалий и явлений взамен их прямого (терминологического) названия, - стилиевой прием, популярный в фольклорной поэзии многих народов»³⁷. В охотничьих заклинаниях широко представлены иносказания для описательной характеристики зверей, их внешнего облика и повадок, так как на называние зверей существовал запрет, чтобы не мешать охоте на них. Вот как в форме образного табуированного иносказания просят у духа тайги послать марала (*сыын*):

Сорар чаглындан, Чодур мыйыстындан ³⁸ .	Имеющего жирное мясо, Имеющего ветвистые (рога).
---	---

Зверей, находящихся в самых труднодоступных и непроходимых местах, не называя их, не перечисляя, охотник просит спустить на видное место или показать ему:

Бедиктээзин Оргаа дужүрүнер. Шыргайдаазын Акка өткүдүнер ³⁹ .	Высоко находящихся На равнину спустите. В дебрях находящихся Вблизи покажите.
---	--

Не пользуясь терминологическими названиями зверей, охотник дает понять, что ему нужны именно такие:

Чара кагар сөөктүгден, Саргарар чаглындан, Авыра! ⁴⁰	Имеющего [трубчатую] кость, чтобы надвое расколоть, Имеющего желтый жир, [пошли], Окажи милость!
---	--

В нижеследующем примере как художественные средства используются и гипербола, и иносказание:

Дөргө сынмас Төштүгден хайырланар! ⁴¹	На почетном месте не помещающегося С грудинкой [зверя], дарите!
---	---

В заклинании прослеживается уважительное отношение к убитому зверю, так как его помещают на самое почетное место, находящееся напротив входной двери в юрте. Преувеличение проявляется в том, что у духа-хозяина тайги просят такого большого зверя, который не может вместиться на почетном месте, занимающего большую территорию юрты.

В редких случаях в охотничьих заклинаниях наблюдается и прямое называние зверей:

Дилгиниң кызылындан, Бөрүнүң көгүнден, Киштиң каразындан Хайырланаар, үршээ! ⁴²	Из лисиц – рыжую, Из волков – синего, Из соболей – черного Дарите, милуя!
---	--

В благопожеланиях иносказания являются наиболее художественно разработанным и емким изобразительным приемом, в котором ярко проявляется народно-поэтическая фантазия. Так, в *йөөэлах*, посвященных невесте, желают ей быть многодетной матерью и иметь большое поголовье скота:

Алангы эдээн Ажы-толу чаза базар болзун! Сонгу эдээн анай-хураганы чаза базар болзун! ⁴³	Переднюю полу Пусть дети топчут! Заднюю полу Пусть скот топчет!
---	--

Встречаются и такие пожелания-иносказания:

Чүгөн сынмас аъттыг болзун! Чүвүр сынмас оолдуг болзун! ⁴⁴	Пусть лошадь не вменяется в узду! Пусть сын не вменяется в штаны.
--	--

В первом примере *йөрээлчи* образно говорит о многодетности и богатстве, во втором – не без юмора желает молодоженам иметь выносливую лошадь и сына богатырского телосложения.

Таким образом, рассмотрение поэтики произведений обрядового фольклора позволяет сделать вывод, что язык анализируемых жанров богат и разнообразен по лексическому составу и по использованию различных средств художественной изобразительности. Каждый обрядовый жанр, имея свою прагматическую направленность, достаточно избирателен в поэтических средствах. Активно используются лексико-стилистические и художественные приемы в устно-поэтических произведениях тувинского обря-

догового фольклора служат, прежде всего, средством передачи доминирующей функции жанра и его нравственного содержания, а также обусловлены уровнем национального мирозерцания и поэтического мышления народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Лазутин С.Г. Поэтика русского фольклора. – М., 1989. – С. 86.
- ² Сампилдэндэв Х. Обрядовая поэзия монголов: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Улан-Удэ, 1993. – С. 17.
- ³ РФ ТИГИ. Т. 39. Д. 168.
- ⁴ Там же. Т. 57. Д. 252.
- ⁵ Там же. Т. 57. Д. 250.
- ⁶ Там же. Т. 236. Д. 964.
- ⁷ Там же. Т. 17. Д. 68.
- ⁸ Мелетинский Е.М. Избранные статьи. Воспоминания. – М., 1998. – С. 19.
- ⁹ РФ ТИГИ. Т. 184. Д. 729.
- ¹⁰ Там же. Т. 293. Д. 2125.
- ¹¹ Бардаханова С.С. Малые жанры бурятского фольклора (пословицы, загадки, благопожелания). – Улан-Удэ, 1982. – С. 183.
- ¹² Султангареева Р.А. Семейно-бытовой обрядовый фольклор башкирского народа. – Уфа, 1998. – С. 92.
- ¹³ Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. – М., 2002. – С. 78.
- ¹⁴ РФ ТИГИ. Т. 57. Д. 250.
- ¹⁵ Там же. Т. 235. Д. 959.
- ¹⁶ Там же. Т. 235. Д. 959.
- ¹⁷ Там же. Т. 247. Д. 1004.
- ¹⁸ Там же. Т. 235. Д. 959.

- ¹⁹ Там же. Т. 14. Д. 62.
- ²⁰ Алгыш-йорээлдер (Тувинские благопожелания). – Кызыл, 1990. – С. 45.
- ²¹ РФ ТИГИ. Т. 184. Д. 729.
- ²² Там же. Т. 235. Д. 959.
- ²³ Там же. Т. 184. Д. 729.
- ²⁴ Там же. Т. 178. Д. 703.
- ²⁵ Там же. Т. 265. Д. 1092.
- ²⁶ Там же. Т. 265. Д. 1092.
- ²⁷ Там же. Т. 17. Д. 315.
- ²⁸ Там же. Т. 75. Д. 315.
- ²⁹ Там же. Т. 235. Д. 959.
- ³⁰ Там же. Т. 170. Д. 669.
- ³¹ Там же. Пл. 687.
- ³² Чагдуров С.Ш. Прародина монголов. – Улан-Удэ, 1999. – С. 58.
- ³³ РФ ТИГИ. Т. 191. Д. 763.
- ³⁴ Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. – М., 2002. – С. 54.
- ³⁵ РФ ТИГИ. Т. 234. Д. 949.
- ³⁶ Романова Л.Н. Изобразительные средства якутской поэзии 1920–1930-х гг.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Якутск, 1997. – С. 11.
- ³⁷ Кудияров А.В. Художественно-стилевые традиции эпоса монголоязычных и тюркоязычных народов Сибири. – М., 2002. – С. 44.
- ³⁸ РФ ТИГИ. Т. 234. Д. 949.
- ³⁹ Там же. Т. 266. Д. 1095.
- ⁴⁰ Там же. Т. 266. Д. 1095.
- ⁴¹ Там же. Т. 266. Д. 1095.
- ⁴² Там же. Т. 248. Д. 1008.
- ⁴³ Там же. Т. 57. Д. 250.
- ⁴⁴ Там же. Т. 184. Д. 729.

Институт филологии СО РАН,
Новосибирск

В.В. МИНДИБЕКОВА

ТЕКСТУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ХАКАССКИХ МИФОВ*

Происхождение мифов – одна из сложных и малоизученных проблем в хакасской фольклористике. Как произведения словесного искусства они связаны с исторической реальностью, мировоззрением людей. Для исследователей мифы являются первоисточниками для выявления тех или иных этнокультурных фактов.

В нашей статье мифологический текст рассматривается как словесное повествование, а мифология – как совокупность мифов (повествований), принадлежащих одной культурно-исторической традиции.

Мифы являются наиболее древним, а поэтому мало сохранившимся жанром. Форма изложения, композиция и стиль мифа подтверждают его архаическую природу. В мифе нерасчленимо сосуществуют элементы бессознательно-поэтического, зачатки религиозных представлений и ритуалов. Жанровой природе мифа свойственны элементы поэтического и дидактического

го начал. Об этом писали М.И. Стеблин-Каменский, А.Ф. Лосев, Е.М. Мелетинский и другие ученые. Рассказывать мифы – значит нести слушателям древнее восприятие окружающей действительности, излагать правила и запреты, возникавшие в условиях первобытнообщинного строя: не болтать во время еды лишнего, не хвалиться охотничьей добычей и т.д. Эти мифы были призваны укрепить в сознании охотничьих племен принцип охотничьей добычи как общего достояния. В этом заключается их дидактическая роль.

Эволюция мифов шла от простого к сложному. На самых ранних стадиях своего развития мифы оформлялись в виде небольших рассказов, простых по содержанию. Эти тексты выглядят как сообщения об имевших место событиях и фактах. Тем не менее в них не просто утверждается тот или иной факт, но и содержится связанное и последовательное изложение событий, в которых можно выявить зачатки сюжета. В то время в народном творчестве еще не сложились средства создания объемных, развитых сюжетов.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 05-04-04172а.

Сюжеты мифов не изобилуют художественными деталями.

По мере развития художественных средств усложняется структура мифа. Они превращаются в развернутые повествования, переплетаются мотивами и образуют циклы. В них все больше и больше включаются жизненные реалии, нашедшие свое воплощение в своеобразной форме. Структура мифа продолжает развиваться дальше, в силу обогащения жизненного и поэтического опыта их создателей. Мифы приобретают художественную форму, в них четко прослеживается сюжетно-композиционное построение. Тексты мифов отличаются краткостью изложения, простотой сюжета, небольшим объемом и установкой на достоверность.

Миф характеризуется такими текстуальными особенностями, как связный рассказ-сюжет; текст, объясняющий ритуал; текст, объясняющий предмет.

1. Связный рассказ-сюжет. К этой группе можем отнести мифологические тексты, фиксирующие древние представления, дающие характеристику и раскрывающие природу мифологического существа. В таких мифах объясняется устройство Вселенной, подтверждаются законы тайги, регламентируется поведение человека в тех или иных жизненных ситуациях и т.д. Весь космос и каждый его элемент для древнего человека был таким же живым, как и он сам: и небесное светило, и река, и дерево. Люди переносили на природные объекты или собственные свойства (антропоморфизм), или же свойства животных (зооморфизм), что породило причудливую мифологическую фантастику. Кроме своих качеств, люди персонифицировали и родоплеменные отношения. Как следствие, происходило одушевление природы, олицетворение вещей и явлений, широкое метафорическое сопоставление природы и общества. Поэтому в мифах между божествами, духами и героями возникают семейно-родовые связи.

2. Текст – ритуал. Этнографическим субстратом мифологии послужило обожествление элементов природы: воды, огня, воздуха, земли, которые понимаются в качестве первоэлементов всего сущего, в том числе и человека. В основе становления мифов лежат анимистические верования. Их формирование происходит и под влиянием представлений о взаимопроницаемости двух миров, «того», параллельного, откуда являлись духи-хозяева, и «этого», населенного людьми. Справедливо утверждение А.И. Уланова: «Все мифы образны не потому, что творцы их старались создать величественные произведения, а в силу восприятия, представлений древних людей, у которых мышление было образно-логическим, не расчлененным, синкретичным. Все вещи в мифах олицетворены, одушевлены, так как иначе человек тогда не мыслит. Мифы позволяют нам судить о познании, о духовной культуре наших предков»¹.

Мифы несут информацию о различного рода мировоззренческих представлениях, посредством которых регламентируется поведение человека. Вся сложная система поведения древнего человека строится на

отдельных табу, рекомендациях, которые ему предписывают мифологические произведения. Эти повествования обладают религиозно-магическим характером. Они могут входить в состав обрядов или сопровождать их. Как обряды, так и мифы имеют своей целью воздействие на природу. Мифы о животных, например, должны принести удачу на охоте и ловле, другие – воздействовать на погоду, лечить человека от болезней. Они же представляют собой определенную систему рациональных и иррациональных знаний о мире, происхождения Вселенной или отдельных ее объектов – рек, гор, а также о природе всего живого.

3. Этиологический текст. Построение текста с нацеленностью на ответ составляет специфику мифологического повествования, перед которым стоит задача донести определенную информацию. Этиологизм формализуется в виде определенной мифической концовки, резюмирующей сюжеты. Например: «Эти звезды никогда не исчезают, и хакасы их всегда сравнивают с охотниками»². Самые элементарные из них представляют собой наивное объяснение отдельных признаков животных: ласточка быстро летает, поэтому ее посылают как гонца; у бурндука пестрая спина оттого, что медведь, рассердившись на бурндука, по его спине ногтями провел.

В мифах проявляется сильная тенденция к объяснению явлений окружающего мира. Этиологическая направленность является характерной особенностью мифа, они дают человеку какое-либо знание или объяснение. Но чаще термин «этиологические мифы» употребляется в более узком смысле, обозначая мифы, суть которых сводится к объяснению происхождения чего-то существующего. «Этиологические мифы (от греч. *aitia* «причина»), объяснительные мифы-повествования, в которых разъясняется в мифологической олицетворенной форме происхождение какого-либо явления природы или социальной жизни»³. В мифах содержались «ответы» на постоянно возникавшие вопросы: почему происходят те или иные явления природы и т.д. Следует отметить, что в широком смысле вообще все мифы в той или иной мере выполняют «этиологическую» функцию, чем и отличаются от сказок, где обычно связи с элементами окружающей среды нет.

Мифы имеют определенное функциональное назначение. В древности они играли важную роль: были основным средством передачи регламентаций, опыта, норм морали будущему поколению. В них выражается потребность человеческого разума понять, объяснить и тем самым подчинить себе в какой-то степени объективную реальность. Окружающая среда была основным источником, вдохновлявшим древних людей на создание мифов. Древний человек не выделял себя из окружающего мира. Он был неразрывно связан и с тем коллективом, в котором жил, и с окружающей природой. Такое единство человека с природой, с одной стороны, и слитность логического мышления с эмоциональной сферой – с другой, приводили к пониманию мира как живого.

По форме изложения мифы представляют собой повествование о событиях и фактах, которое ведется от лица рассказчика. Языку хакасских мифов присущи стилевые черты устно-разговорной речи. Иными словами, язык мифов «живой». В нем нашла отражение бытовая разговорная речь в момент повествования и фиксации мифа. В то же время это поэтический язык.

Анализ лексико-стилистических особенностей хакасских мифов свидетельствует о том, что при всей недостаточной развитости поэтики этого архаичного жанра в нем можно выявить композиционные элементы, изобразительные приемы, которые позволяют расширить представление о художественной природе мифа. Они не богаты художественно-изобразительными средствами и традиционными формулами, как поэтика героического эпоса или сказки. Однако в мифах каждое слово имеет большое значение и несет на себе огромную семантическую нагрузку. Е.М. Мелетинский писал: «Применительно к мифу нельзя говорить о собственно художественных приемах, средствах выразительности, стиле и тому подобных объектах по-

этики, поскольку мифотворчество содержит лишь бессознательно-поэтическое начало»⁴. Это утверждение можно применить и к хакасскому материалу, в котором изобразительно-выразительные приемы выполняют не поэтическую, а скорее смысловую и характерологическую нагрузку.

Таким образом, на ранней стадии мифы характеризуются краткостью изложения, простотой содержания, на следующем этапе своего развития мифы становятся более развернутыми, обогащаются изобразительными средствами, вычлениваются структурные элементы, составляющие структуру мифа.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Уланов А.И. Древний фольклор бурят. – Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1974. – С. 11.

² Мифы и легенды хакасов / Сост. П.А. Трояков. – Абакан: Хак. кн. изд-во, 1995. – С. 11.

³ Мифы народов мира. – М.: Советская энциклопедия, 1988. – Т. 2. – С. 672.

⁴ Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. – М.: Наука, 1976. – С. 7.

*Институт филологии СО РАН,
Новосибирск*

Ю.В. ЛИМОРЕНКО

СПЕЦИФИКА ЗАДАЧ ПЕРЕВОДЧИКА ФОЛЬКЛОРНОГО ТЕКСТА *

Перевод (особенно в двуязычном издании) играет важнейшую роль в восприятии фольклорного произведения. Работа переводчиков и комментаторов фольклорного текста огромна; поэтому важно четко обозначить задачи, которые способен эффективно решить перевод, и сформулировать методику работы над ним в соответствии с целью готовящегося издания. В этой статье мы постараемся определить задачи научно-художественного (фольклористического) перевода, а также дать общую характеристику работ, посвященных вопросам перевода фольклорных произведений.

Работая над переводом фольклорного памятника, переводчик сталкивается с множеством проблем. Их можно условно разделить на несколько групп:

1) **проблемы, связанные с особенностями языка.** К ним относятся различие синтаксического строя языков оригинала и перевода, грамматические особенности построения текста – солецизмы, эллипсис и другие подобные приемы;

2) **проблемы, касающиеся специфики художественно-изобразительных средств фольклора.** В эту группу входят типические места в эпосе и устойчивые формулы в сказке; вариация; параллелизм строк в стихотворных текстах; архаические слова, вышедшие из

употребления в современном языке оригинала; лексическая многозначность слов, оставляющая известный простор для интерпретации текста; идиоматические выражения; особая фольклорная образность, для которой нет однозначного соответствия в языке перевода;

3) **проблемы, связанные с организацией стихотворного текста** (для стихотворных жанров). К ним относятся все виды «рифмы» (анафора, эпифора, внутренняя и межстрочная аллитерация, ассонанс) и ритмический строй стиха.

Основная задача переводчика – передать как можно больше черт и приемов, характеризующих национальные, традиционные особенности и художественное своеобразие фольклорного произведения. Но далеко не все из вышеназванных проблем могут быть успешно решены в рамках концепции эквивалентного фольклористического перевода. От передачи определенных особенностей формы и стиля приходится сознательно отказываться.

В первую очередь это **особенности, связанные с грамматическим и синтаксическим строем языка оригинала.** При передаче текста на другой язык, отличный и генетически, и типологически, грамматика и синтаксис текста изменяются полностью и эквивалентность передачи текста может быть достигнута на уровне не ниже предложения; такой вывод делают теоретики литературного перевода Г. Егер, Дж. Кэтфорд, Ю.А. Най-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке в рамках государственного контракта ЦНТП № 2006 – РИ –112.0/001/357.

да, В.Г. Комиссаров и др.¹ Поэтому, встречаясь с грамматической спецификой в оригинальном тексте, подобрать для ее передачи однозначно соответствующий элемент в языке перевода не представляется возможным.

Характерные проблемы возникают и вследствие различий синтаксиса. Хотя для отражения специфики синтаксического строя языка оригинала иногда и можно найти определенные приемы в русском языке с его относительно свободным порядком слов, ставить такую задачу перед переводчиком, выполняющим научный перевод, нецелесообразно: конечной целью перевода является получение текста, в котором соблюдены требования грамотности на языке перевода, а в случае попытки передачи иноязычных синтаксических конструкций эти правила могут быть нарушены². Вот какие способы решения подобных проблем предлагает В.Е. Майногашева как переводчик хакасского эпоса: «Для структуры предложений эпоса хакасов характерно широкое использование деепричастий и деепричастных оборотов. Перевод их на русский язык весьма затруднил бы восприятие, сделал бы стих тяжеловесным. Поэтому переводчику приходилось членить такие предложения на отдельные, более простые»³. Аналогичный метод работы с грамматикой и синтаксисом оригинала рекомендуют А.С. Мирбадалева и Н.В. Кидайш-Покровская: «Руководствуясь необходимостью соблюдения норм русского языка, переводчики учитывали невозможность сохранять в переводе синтаксические и морфологические особенности языка подлинника (эта цель и не преследовалась)»⁴. Такой подход, достаточно распространенный на практике, принимается, однако, не всеми; иногда делаются попытки отразить своеобразие языка оригинала средствами языка перевода: «... переводчик стремился всюду, где можно, сохранить верность оригиналу, в связи с чем читатель столкнется здесь с целым рядом различий... а также с некоторыми орфографическими и синтаксическими аномалиями»⁵.

Приходится отказываться и от попыток эквивалентной передачи **средств организации стихотворного текста**: всех видов «рифмы» и аллитераций. Попытки передачи подобных особенностей национального стиха требуют отказа от точного сохранения смысла каждой строки, что допустимо в художественном переводе, создающемся по законам стихосложного языка перевода, но недопустимо в фольклористическом переводе⁶. О целесообразности подобного подхода пишет В.Е. Майногашева: «В предельно точном смысловом переводе не удавалось сохранить рифму и размер стиха, а лишь по возможности приближенно передать интонационное звучание»⁷. Сходное решение поддерживают и другие фольклористы-переводчики. Так, С.С. Суразаков отмечает: «Переводчик старался сохранить в переводе параллелизм, но ритмический строй, рифму и особенно богатейшую аллитерацию и ассонанс в полной мере сохранить, конечно, не удалось»⁸. Такой же вывод делают А.С. Мирбадалева и Н.В. Кидайш-Покровская: «При переводе не ставилось целью сохранить размер и рифму, ибо нередко это могло

бы привести к неточной передаче смысла»⁹. В своей диссертации А.С. Мирбадалева высказывается еще более определенно: задача переводчика – «поиски идентичных смысловых параллелей в русском языке, а не лексико-синтаксических соответствий»¹⁰. Иногда же точность передачи содержания для переводчика настолько важнее передачи формы текста, что перевод вообще делается в прозе: «Перевод... сделан прозой со стихотворного текста... с максимальным приближением к оригиналу. Поэтому он прежде всего должен быть оценен по непосредственности отражения в нем оригинала»¹¹.

Что касается группы **художественно-образительных средств фольклорного текста**, то различные элементы поэтики представляют разную степень сложности при передаче на язык перевода. Для эквивалентного перевода эпитетов (особенно постоянных), специфических идиом и сравнений, многозначных слов, образных выражений, архаичных слов трудно предложить единые принципы передачи. Способ перевода таких элементов текста во многом зависит от специфики конкретного фольклорного памятника. Методика работы над переводом подобных элементов сформулирована в частных случаях. Так, архаические слова и выражения, не употребляющиеся в современном языке, могут быть переведены с привлечением родственных языков¹². Эпитеты, одинаковые в тексте оригинала, передаются в переводе по-разному в зависимости от того, что или кого они определяют¹³.

К этому же списку проблем относится многозначность слова в разных контекстах. «Полисемантичность многих слов обуславливала разное понимание отдельных строк. В таких случаях перевод определялся общим смыслом поэтического отрывка»¹⁴. Ж.К. Лебедева предлагает еще более широкий взгляд на эту проблему: «...для выявления значения слова недостаточно анализа узкого контекста предложения, поскольку, кажущееся простым, это значение на общем фоне эпического произведения может нести нагрузку обобщения. В связи с этим при анализе художественных средств мы пытаемся исходить не только из взаимосвязей и взаимозависимостей языковых единиц, не только из контекста (контекст законченного предложения порой бывает недостаточным), но и из всей смысловой единицы – мотива, сюжета»¹⁵. Метафоры и другие образные выражения, построенные по неизвестной иноязычному читателю аналогии, передаются более привычными ему средствами¹⁶.

Однако во всех этих случаях перевод не сможет функционировать как самостоятельный текст без комментариев к каждому текстовому элементу, вызвавшему трудности у переводчика¹⁷. Поэтому упомянутые выше проблемы решаются в большей степени средствами комментирования, чем собственно перевода. Для возможно более точной соотнесенности оригинала и перевода комментарий имеет первостепенное значение; сопроводив текст комментариями, переводчик избавляется от необходимости выбирать единственное решение вставшей перед ним проблемы, так как может показать в комментарии другие возможности ее

решения, тем самым предоставив читателю всю полноту информации о художественной и смысловой специфике фольклорного произведения.

Говоря об изобразительных средствах народной поэтики как об объекте переводческой работы, следует заметить, что большинство этих средств сами по себе не представляют методологической проблемы для переводчика. Так, для точного последовательного перевода постоянного эпитета требуется знание традиционной поэтики, позволяющее для конкретного эпитета найти один конкретный эквивалент (и при необходимости пояснить его выбор в комментариях к переводу). С точки зрения проблем перевода интерес представляют такие художественно-выразительные средства, которые состоят из тропов, как из элементов, или организуются благодаря специфическим синтаксическим приемам. Например, перевод развернутого сравнения, основанного на параллелизме строк, базируется на применении методики передачи параллелизма, так как параллелизм в данном случае оказывается организующим элементом сравнения.

Таких поэтических приемов, в которых можно предложить методику передачи на язык перевода, мы выделяем три: это эпическая формула (и типическое место как результат развертывания формулы или соединения нескольких формул), вариация (в первую очередь как основа построения эпических формул) и параллелизм строк (или внутри строки) как принцип построения развернутых сравнений, а также композиционно привязанных типических мест, таких как зачины, концовки и некоторые другие.

Для эквивалентного перевода таких характерных черт фольклорной поэтики, как типические места эпоса, вариации, параллелизм строк, могут быть предложены единые методики. Подходы к переводу эпических формул, типических мест эпоса, а также вариаций и параллелизма в эпических и обрядовых (поэтических) текстах на основе томов серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» были предложены в ряде предыдущих наших публикаций¹⁸. Изучив встреченные на практике варианты передачи этих элементов текста на русский язык в опубликованных или подготовленных к печати текстах, мы попытались предложить единые принципы их перевода.

Нужно заметить, что упомянутые поэтические элементы еще не становились объектом специального исследования с точки зрения методики их перевода. В исследованиях, затрагивающих вопросы перевода фольклорных текстов, внимание авторов привлекают такие изобразительные средства, как постоянные эпитеты, сравнения, идиоматика, иносказания, передача значимых имен и названий. Однако и по этим вопросам в отечественной и зарубежной фольклористике пока не существует обширной литературы. Непосредственно вопросам теории и практики перевода произведений устной народной поэзии посвящено немного работ.

Диссертационное исследование Ш.А. Алекперовой «Проблема передачи национального своеобразия

азербайджанского эпоса “Кёроглу” на русском языке»¹⁹ посвящено выявлению всех проблем, встающих перед переводчиком эпического текста. Автор строит свои рассуждения на основе сравнения двух разновременных переводов одного варианта сказания «Кёроглу», что позволяет проследить, как одни и те же проблемы разрешались разными переводчиками. Автор видит основную задачу переводчика в «воссоздании национального своеобразия оригинала в художественном (курсив наш. – Ю.Л.) переводе»²⁰. Поэтому некоторые проблемы, выделенные Ш.А. Алекперовой, в рамках принципов серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока»²¹ выведены из сферы задач переводчика. Это, например, передача размера и всех видов рифмовки эпического стиха (принципиальная, быть может, для художественного издания, но неприемлемая для данной Серии); передача значимых имен и топонимов (по мнению Ш.А. Алекперовой, следует такие имена и топонимы давать в переводе всюду, кроме случаев, когда топоним используется реально и соответствует реальному месту). В томах серии проблема передачи значимых имен и топонимов решается путем составления словаря имен и названий как части научного аппарата тома. В некоторой степени задача пояснения смысла имен и названий ложится на комментарии к переводу.

Особое внимание автор уделяет передаче художественных средств, характерных для поэтики эпоса: сравнений, эпитетов, метафор; если игнорировать подобную задачу, издание перевода произведений народной словесности становится бессмысленным. Но, по наблюдениям исследовательницы, успехи в решении этой проблемы не безусловны; в рассмотренных ею переводах встречаются как очень удачные, так и крайне некачественные варианты перевода поэтических черт эпоса. Нуждается в адекватной передаче и фразеология эпоса. Автор намечает несколько методических подходов к этой работе: 1) поиск в языке перевода фразеологических единиц, построенных по той же схеме с использованием тех же лексических элементов, что и в языке оригинала; 2) калькирование; 3) создание на языке перевода нового фразеологизма со структурой оригинала (т.е. перевод в узком смысле); такая операция чаще всего удается при передаче пословиц; 4) описательный способ передачи фразеологической единицы – этот способ рассматривается как полумера в случаях, когда предыдущие по каким-либо причинам неприменимы.

Одной из сложных проблем перевода является передача реалий. Для литературного перевода давно разработаны принципы и методики перевода национально-специфической лексики²². Из всех известных подходов Ш.А. Алекперова считает наиболее применимыми при работе с фольклорным текстом следующие: 1) транслитерация – таким образом подчеркивается иноязычный характер слова, реалия привлекает к себе внимание; 2) частичная передача, когда из всех компонентов значения выбирается наиболее обобщающий, напр.: «ковровая ткань ручной работы» = «ковер»;

3) описательный способ (наименее предпочтительный, но применимый практически в любом случае).

Переводу эпического фольклорного текста посвящен большой раздел в труде З.С. Казагачевой «Алтайские героические сказания “Очи-Бала”, “Кан-Алтын” (Аспекты текстологии и перевода)»²³. Раздел назван «Перевод как составная часть научного издания эпических текстов». Автор монографии предлагает подходы к фольклористическому переводу, основываясь на опыте работы над переводом и комментированием двух алтайских сказаний, изданных в серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока»²⁴. Приступая к работе над томом, З.С. Казагачева пристально изучила опыт прежних изданий алтайского фольклора с русским переводом, проанализировала использованные переводчиками принципы с точки зрения их применимости в академическом издании. Несмотря на удачность предшествовавших переводов, в них допущены серьезные расхождения с оригиналом: несовпадение членения оригинала и перевода на строки; ритмизация и рифмовка перевода, заставляющая приносить в жертву форме часть содержания; неверное или неполное толкование идиом и фразеологизмов, искажающее смысл алтайского текста; излишняя русификация перевода – включение в него в качестве эквивалентов алтайской фольклорной лексики элементов языка русского фольклора, и т.п. С точки зрения автора, такие неточности неприемлемы в научном академическом издании.

З.С. Казагачева называет наиболее важные для адекватного перевода аспекты эпического текста:

1) несовпадение словарного значения слова и значения, которое оно может получить в эпическом контексте. Эта проблема решалась в процессе изучения всех составляющих контекста. Так иногда появлялись слова и обороты, воспринимающиеся как признаки эпического стиля, но не общеупотребительные для русского языка: *андан-куштан* – «зверовать-птицевать» (Очи-Бала, стк. 165); *Жал-жеерен айгырлар* – «огненно-рыжие жеребцы» (Кан-Алтын, стк. 513);

2) необходимость прояснения в переводе смысла фразеологизмов и устойчивых для алтайской эпики конструкций, особенности передачи афористических оборотов, буквальный перевод которых ничего не дал бы русскоязычному читателю. Для них требуется перевод-толкование; частично эта функция ложится на комментарии к переводу, но и в тексте пословица должна выглядеть как пословица;

3) необходимость дать представление об особенностях строения алтайского стиха. З.С. Казагачева как переводчик не ставила себе задачи создать рифмованный текст перевода, так как принципы тюркской и русской рифмовки кардинально различны; передать принцип построения строфы удавалось лишь частично, путем сохранения повторов в начале или в конце строк;

4) необходимость передачи таких специфических черт эпического стиля, как имя и постоянные эпитеты богатырского коня. Способы, какими выражаются в тексте оригинала происхождение коня, его масть,

особенности облика и характеристика бега, трудны для передачи на русский язык в силу того, что язык оригинала (в данном случае – алтайский) много богаче русского специальными терминами, связанными с лошадьми – их мастями, аллюрами, внешними признаками. Кроме того, богатырский конь – не простое животное, он нередко обладает волшебными свойствами, а они тесно связаны с мифологическими представлениями. Задача переводчика здесь – сделать доступным для читателя этот важный пласт содержания эпоса, не перегружая текст развернутыми пояснениями;

5) трудности верного толкования и передачи постоянных эпитетов, характерных для поэтики эпоса. То, что в оригинале может быть выражено одним словом, в переводе легко превращается в целую строку, поскольку переводчик вынужден предлагать читателю более или менее развернутое толкование эпитета;

6) критерии отбора слов, оставляемых в тексте без перевода. Здесь переводчика подстерегает опасность излишней русификации текста, лишения его национального своеобразия вследствие замены реалий (конечно, не вполне полноценной) русскими словами. Естественно, такой подход к переводу требует составления словаря неперебываемых слов, где все они могут быть объяснены полнее и подробнее, чем непосредственно в тексте.

В монографии Л.А. Писаревой «Поэтика перевода и фольклор. Латышские дайны в русских переводах»²⁵ рассматриваются вопросы перевода фольклорного текста на примере не эпического, а лирического текста (дайна – древний жанр латышской лирики). Автор отмечает специфическую сложность подобной работы из-за своеобразия текстов: «При переводе встречающихся в фольклоре этнографических деталей, мифологических сюжетов, следует глубоко изучить и знать материал, положенный в основу текста. Иначе могут быть упущены важные понятия и признаки и *пропадает глубина содержания* (курсив наш. – Ю.Л.), достоверность образа. Например, встречая в тексте мифологические персонажи, следует всегда иметь в виду значение и место каждого из них в мифологической иерархии, важно не упустить атрибуты, сопровождающие божественных героев»²⁶. Как видим, Л.А. Писарева считает одной из важнейших задач перевода достоверную и точную передачу контекстного смысла произведения – следов мифологии, этнографических деталей, мифологических представлений о мире, черт древней образности, отраженных в тексте. Но тут же отмечает, что, стремясь сохранить в переводе поэтику оригинала и одновременно придать переводу характерную для оригинала форму, переводчик вынужден жертвовать или формой, или содержанием. Вывод автора таков: «...при переводе необходимо сохранение внутренней поэтики оригинала, что не всегда возможно при сохранении внешней стихотворной формы...»²⁷. Но чтобы не обеднить перевод, автор предлагает даже художественные издания фольклорных произведений снабжать комментариями.

В работе А.И. Алиевой «Русско-кавказская текстологическая триада: алфавит – запись – двойной перевод (из опыта русской кавказоведческой школы)»²⁸ изучен опыт публикации произведений кавказского фольклора с двойным переводом (дословным и «смысловым»). «При всей сложности для восприятия первый (буквальный перевод. – Ю.Л.) передает не только содержание оригинала, важнейшие его оттенки, но и строй предложения, специфическую образность адыгской речи, этнические детали, включает разнообразные термины и понятия, характеризующие социальную структуру адыгского общества, этнографические и бытовые реалии. Свободный (литературный. – Ю.Л.) перевод почти никогда не бывает простым упорядочением слов в соответствии с нормами русского языка. Прежде всего он ориентирован на то, чтобы облегчить его восприятие читателем»²⁹. Иначе говоря, у читателя появляется возможность сравнить перевод, передающий структуру и состав оригинальных тестов, и перевод, проясняющий их смысл. Буквальный («дословный») перевод здесь фактически выполняет функцию комментария, поясняя все, что может вызвать вопросы иноязычного читателя, – от строения фразы оригинального текста до этнографических подробностей и реалий.

Такой подход, хотя его вряд ли можно считать оптимальным с точки зрения удобства чтения, гораздо ближе подходит к принципам научно-художественного перевода, разработанным для серии. Фактически он представляет собой разные стадии работы переводчика – от подстрочника до итогового текста.

Подводя некоторые итоги, следует отметить, что проблема выработки принципов перевода фольклорного текста назрела, и в ее разрешении определены уже многие пути. Причем в большинстве существующих исследований по данной теме специально рассматривались принципы работы над художественным переводом, но возможные подходы к созданию фольклористического перевода обоснованы и проанализированы только в монографии З.С. Казагачевой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее о проблеме эквивалентности в переводе фольклора см.: Лиморенко Ю.В. Проблемы лингвистической эквивалентности перевода фольклорных текстов // Гуманитарные науки в Сибири. – 2004. – № 3. – С. 119–121.

² Гацак В.М. Проблема фольклористического перевода эпоса // Фольклор. Издание эпоса. – М.: «Наука», 1977. – С. 182–196.

³ Майногашева В.Е. Хакасский героический эпос «Алтын-Арыг» // Алтын-Арыг. Хакасский героический эпос (Серия «Эпос народов СССР»). – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1988. – С. 524–525.

⁴ Мирбадалева А.С., Кидайш-Покровская Н.В. О принципах перевода и комментирования текста // Манас. Киргизский героический эпос. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1984. – Книга 1. – С. 544 с.

⁵ Шкунаев С.В. Герои и хранители ирландских преданий // Предания и мифы средневековой Ирландии. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1991. – С. 5–30.

⁶ Гацак В.М. Указ. соч. – С. 184.

⁷ Майногашева В.Е. Указ. соч. – С. 534.

⁸ Суразаков С.С. От переводчика // Маадай-Кара. Алтайский героический эпос. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1973. – С. 63.

⁹ Мирбадалева А.С., Кидайш-Покровская Н.В. Указ. соч. – С. 510.

¹⁰ Мирбадалева А.С. Текстология тюркоязычного эпоса: теоретические и методические аспекты двуязычного научного издания «Манаса» и других эпических памятников: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1995. – С. 46.

¹¹ Кальянов В.И. Послесловие // Махабхарата. Виратапарва / Перевод с санскрита и комментарии В.И. Кальянова. – Л.: Ленинградское отд. изд-ва «Наука», 1967. – (Серия «Литературные памятники»). – С. 132.

¹² Майногашева В.Е. Указ. соч. – С. 533; Суразаков С.С. Указ. соч. – С. 63.

¹³ Майногашева В.Е. Указ. соч. – С. 533.

¹⁴ Мирбадалева А.С. Указ. соч. – С. 48.

¹⁵ Лебедева Ж.К. Архаический эпос эвенов. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1981. – С. 98–99.

¹⁶ Кидайш-Покровская Н.В. Перевод тюркоязычных памятников в Академической серии // Фольклор. Издание эпоса. – М.: Наука, 1977. – С. 128–166; Мирбадалева А.С., Кидайш-Покровская Н.В. Указ. соч. – С. 510.

¹⁷ Подробнее о принципах комментирования перевода см.: Лиморенко Ю.В. Виды комментария к переводу фольклорного текста // Гуманитарные науки в Сибири. – 2005. – № 4. – С. 40–44.

¹⁸ Лиморенко Ю.В. Типические места героического эпоса: проблемы перевода // Народная культура Сибири. Мат-лы XIII научного семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2004. – С. 103–107. Она же. Типические места и эпические формулы героического эпоса в аспекте перевода // Гуманитарные науки в Сибири. – 2005. – № 3. – С. 74–81. Она же. Вариация в фольклорном тексте: принципы перевода // Мат-лы XLIII междунар. науч. студенч. конф. «Студент и научно-технический прогресс». – Новосибирск: Изд-во Новосибирск. гос. ун-та, 2005. – С. 78–80.

¹⁹ Алекперова Ш.А. Проблема передачи национального своеобразия азербайджанского эпоса «Кёроглу» на русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Баку, 1982.

²⁰ Там же. – С. 4.

²¹ См.: Принципы и порядок подготовки томов серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». 2-е изд., перераб. и дополн. – Новосибирск, 2003.

²² См., напр.: Виноградов В.С. Введение в переводоведение. – М.: Изд-во ИОСО РАО, 2001. – 224 с.; Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. Реалии // Мастерство перевода, 1969. – Сб. 6. – М.: Советский писатель, 1970. – С. 432–456; и др.

²³ Казагачева З.С. Алтайские героические сказания «Очи-Бала», «Кан-Алтын» (Аспекты текстологии и перевода). – Горно-Алтайск, 2002. – С. 352 с.

²⁴ Алтайские героические сказания. Очи-Бала. Кан-Алтын. – Новосибирск: Наука, 1997. – 668 с. (Серия «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». – Т. 15).

²⁵ Писарева Л.А. Поэтика фольклора и перевод: Латышские даины в русских переводах. – М.: ЭКОН, 2002. – 102 с.

²⁶ Там же. – С. 42.

²⁷ Там же. – С. 87.

²⁸ Алиева А.И. Русско-кавказская текстологическая триада: алфавит – запись – двойной перевод (из опыта русской кавказоведческой школы) // Фольклор. Комплексная текстология. – М.: Наследие, 1998. – С. 132–153.

²⁹ Там же. – С. 150–151.

К.А. САГАЛАЕВ

ПРИНЦИПЫ СОЗДАНИЯ ВИДЕОПРИЛОЖЕНИЯ К ТОМАМ СЕРИИ «ПАМЯТНИКИ ФОЛЬКЛОРА НАРОДОВ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА»*

Одним из приоритетных направлений работы Института филологии СО РАН является издание академической многотомной серии, посвященной наиболее значительным образцам фольклора коренных народов Сибири и Дальнего Востока. Уникальность этого проекта в том, что для работы над ним привлечены специалисты из смежных с фольклористикой областей науки – этнографы, лингвисты, искусствоведы, этномузыковеды. Каждый том серии содержит текст на языке оригинала и его перевод на русский язык, подробную вступительную статью, научно-справочный аппарат, фотоиллюстрации и аудиоприложение – первоначально виниловую грампластинку, а в настоящее время – компакт-диск.

С 2000 г. возобновились комплексные экспедиции для сбора материала к томам серии, тогда же институтом была приобретена видеоаппаратура и появилась возможность включать в состав группы видеооператора с расчетом на создание наряду с аудио- также и видеоприложения. За это время состоялись экспедиции в Хакасию, Тыву, Читинскую область, Ханты-Мансийский автономный округ, Эвенкию, Камчатку, Красноярский край. Накоплен значительный видеоматериал, представляющий различные аспекты традиционной культуры сибирских аборигенов – от исполнения песен и сказок до шаманского обряда и ритуального употребления мухоморов.

Язык кинематографа, больше чем какой-либо другой, подходит для описания культурного явления *в целом*, включая и не менее важный контекст, в котором это явление существует. Применительно к фольклорному тексту это – и исполнительская манера сказителя, и его техника игры на музыкальном инструменте, и возможный в этой ситуации танец, и реакция зрителей на происходящее, и сама обстановка, в которой проходит запись. Очень важна реакция исполнителя на присутствие исследователя – исходя из нее, мы можем говорить о большей или меньшей степени достоверности записанного материала. Такую реакцию мы можем зафиксировать именно с помощью видеокамеры. Можно сослаться на мнение Ю.М. Лотмана, который, исследуя в своей работе «Семиотика кино и проблемы киноэстетики» природу взаимоотношений текста и контекста, говорит о неизбежном обеднении первого, если фактор последнего не берется в расчет¹. Таким образом, именно видеофиксация исполнения

фольклорного текста способна сохранить в качестве документа все необходимые для его понимания нюансы.

Академический характер серии требует строго придерживаться определенных принципов при подготовке томов. Эти принципы постоянно совершенствуются в соответствии с развитием серии и утверждаются на заседаниях Главной редколлегии и школы-семинара по подготовке томов серии. Последний раз они были переизданы в 2003 г. и включали в себя критерии отбора текстов, перевода их на русский язык, составления статей, примечаний и комментариев и создания компакт-диска с образцами звучания фольклорных произведений². Что касается видеоприложений к томам, то принципы их создания находятся на стадии обсуждения. Цель данной статьи – определить самые общие принципы создания видеоприложения, опираясь на которые, мы сможем решать возникающие вопросы. Отсутствие литературы по данному вопросу побудило нас обратиться прежде всего к собственному полевому опыту, а также ко второму изданию «Принципов...».

Процесс создания видеоприложения к томам серии можно условно разделить на следующие этапы:

1. Отбор материалов для фиксации. На этой стадии исследователь решает, **что** именно представляет ценность для визуальной фиксации.

2. Собственно фиксация материала в полевых условиях. Главная задача для оператора – добиться, чтобы отснятый материал был как можно более аутентичен. Техника съемки, позволяющая достичь искомой аутентичности, представляет собой отдельную проблему и должна служить предметом отдельного исследования. В данной статье мы затронем самые общие моменты.

Во-первых, необходимо помнить о том, что никакого заранее известного сценария съемки, естественно, быть не может, так как это противоречило бы импровизационным свойствам фольклора. Чаще всего неизвестно, сколько продлится то или иное произведение. Процесс съемки, как и исполнение, фольклорного текста, также представляет собой импровизацию, особенно если дело касается обрядового фольклора – в этом случае о сценарии вообще не может идти речь. Однако хотя бы приблизительное представление о сути обряда, его составных частях, возможных ситуациях, возникающих в ходе проведения ритуала, оператор (он же – исследователь) иметь должен. Иначе его неготовность быстро отреагировать на измене-

* Статья подготовлена при финансовом содействии РГНФ, проект № 06-04-00366а.

ние хода обряда приведет к невосполнимой потере информации, а это не замедлит сказаться на качестве видеоприложения и в итоге самого тома.

Далеко не всегда условия записи позволяют получить качественное изображение. Например, привязывание шкуры жертвенного оленя к священному дереву – завершение медвежьих игрищ казымских хантов – происходило практически в темноте, а шаманский обряд в Читинской области затянулся далеко за полночь, и многие интересные события остались «за кадром». Кстати, в последнем случае использование дополнительных источников света было невозможно, так как вызванный шаманом дух был бы «недоволен», и ход обряда оказался бы нарушен. Запрет касался также и фотовспышек, что еще раз подтверждает необходимость теоретической подготовки. В подобных случаях мы предлагаем съемку без света (или использование функции ночной съемки) как единственно возможную. Теряя в качестве изображения, мы, тем не менее, выигрываем в аутентичности записанного материала.

Большое значение при записи имеет естественная для исполнителя обстановка. Если есть возможность, лучше записывать информанта не дома на диване, а на открытом воздухе. Например, во время экспедиции к кетам в 2005 г. нам удалось записать ряд кетских песен прямо в тайге, и эта запись в итоге оказалась самой качественной со стороны как изображения, так и звука. Однако состояние здоровья исполнителей позволяет это сделать далеко не всегда: в другой экспедиции к кетам – в 2004 г. – наша группа встретила с лучшим на сегодняшнее время знатоком кетского языка, фольклора и традиционной культуры О.В. Тыгановой (Латиковой), которая в силу своего преклонного возраста могла передвигаться лишь по дому, да и то с трудом. Тем не менее считаем, что записанный от нее материал (возможно, не идеальный в техническом плане), является уникальным по своей информативности.

Один из сложных моментов в работе группы заключается в том, что ведутся видео- и аудиозаписи исполнения фольклорного произведения параллельно. Часто микрофон в руке одного исследователя попадает в кадр другому, а последний, передвигаясь в поисках нужного ракурса, может создавать шум, который негативно повлияет на качество аудиозаписи. В качестве одного из выходов можно предложить вариант, когда несколько «номеров» исполняются только для камеры – в этом случае необходимо представлять себе, что же именно из отснятого материала попадет в видеоприложение. В любом случае нужно по возможности избегать посторонних предметов в кадре, устанавливая его границы соответствующим образом.

Наиболее сложной в техническом отношении нам представляется съемка исполнения произведений обрядового фольклора. Помимо продолжительности некоторых обрядов и большого числа участников, эти произведения часто характеризуются разделением действия на несколько параллельных. Например, при кам-

лании шамана в юрте помощники шамана снаружи готовили барана к жертвоприношению, а на хантыйских медвежьих игрищах одновременно с доставкой медведя к месту проведения ритуала зал, предназначенный для игрищ, окуривали дымом чаги. Наш опыт полевой работы показал, что использование двух и более видеокамер позволяет в таких случаях зафиксировать все части обряда; и именно (как минимум) двухкамерную методику съемки мы считаем наиболее приемлемой, по крайней мере для фиксации традиционных обрядов.

3. Следующий этап – отбор видеоматериалов для видеоприложения. Соотношение полевых материалов, полученных в комплексных экспедициях специально для данного тома, и архивных (может быть, уступающих в качестве изображения и звука, но выигрывающих в аутентичности) – это проблема, которая должна решаться для каждого тома отдельно. Тома серии настолько разнообразны в жанровом и содержательном отношении, что единых стандартов быть не может, к каждому тому необходим дифференцированный подход – в зависимости от его наполненности.

По нашему мнению, критерии к созданию видеоприложения к серии должны находиться в русле критериев к созданию самих томов. В серии имеются определенные требования подхода к фольклорному материалу: «Исходным при отборе текстов является ценностный критерий – критерий значимости того или иного явления для традиционной этнической культуры³». Приняв видеоряд также за текст, мы вполне можем применить к нему данный критерий. Можно обратиться и к требованиям к отбору фономатериалов для аудиоприложения, по своей сути близкому к видеоприложению: «с одной стороны, нужно ориентироваться на наиболее репрезентативные в жанровом и стилевом отношении для данной этнической культуры записи, с другой – на наиболее качественные с технической точки зрения⁴». По нашему мнению, от исследователя в данном случае требуется найти некую «золотую середину» между техническим качеством и аутентичностью записанного материала, при этом приоритет, несомненно, должен быть за последней. Кроме того, нужно помнить и о том, что кино- и видеофонд гораздо беднее текстового – просто в силу позднего времени его появления, поэтому и критерии отбора видеоматериала все же будут иметь свою специфику.

Как нам представляется, главный вопрос, встающий перед исследователем при формировании видеоприложения, состоит в следующем: *насколько видеоприложение должно соответствовать корпусу текстов тома?* Прежде всего не стоит забывать, что речь идет не о создании самостоятельного этнографического или фольклорного фильма, а об одном из составляющих элементов тома. Иерархические отношения в этом случае должны быть строго выдержаны, а материал приложения должен в первую очередь иллюстрировать опубликованные в томе фольклорные тексты. Однако, на наш взгляд, возможны и некоторые «от-

ступления». Например, в одной из экспедиций нами было полностью заснято изготовление кетского варгана – «пымыля» (а он считается древнейшим в Сибири). Даже если это не имеет прямого отношения к текстам тома «Фольклор кетов», все равно возникает вопрос: если в томе опубликованы некие материалы, относящиеся к музыкальной культуре этноса, имеем ли мы право дать в видеоприложении сюжет, раскрывающий один из ключевых моментов этой музыкальной культуры? Кроме того, рассказы об игре на этом инструменте встречаются и в фольклорных текстах. Если этот видеосюжет и не имеет отношения к конкретному тексту, то к контексту тома он относится определенно. Это означает, что он впишется в систему тома, даже если это не фольклорный, а этнографический контекст.

На наш взгляд, основными критериями при отборе материала должны стать:

- 1) аутентичность зафиксированного материала;
- 2) соотношение его с корпусом текстов тома;
- 3) техническое качество съемки.

Условно можно сказать, что к взаимоотношениям трех вышеперечисленных критериев сводится вся проблема создания видеоприложения.

В качестве носителя для записи видеоприложения предлагается использовать DVD-диски. В пользу этого выбора говорит более высокое качество видеозаписи, которое мы можем получить в этом случае, а также возможность должным образом структурировать диск. Читатель (зритель) сможет в любой момент найти нужный трек или эпизод обряда, познакомиться с фотографиями и анкетами исполнителей и участников обряда. Предполагается создание удобного, многостраничного меню для мгновенного доступа к любой части содержимого диска. Поток данных не менее 4000 mbit/sec и звук с качеством не менее 256 kbit обеспечат качество видеоприложения, необходимое для того, чтобы соответствовать уровню тома в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лотман Ю.М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. – Таллинн, 1973.

² Принципы и порядок подготовки томов серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». – Новосибирск, 2003.

³ Там же. – С.3.

⁴ Там же. – С. 15.

Институт филологии СО РАН,
Новосибирск

С.И. ПЕТРОВА

АРХАИЧЕСКОЕ МИРОВОСПРИЯТИЕ НАРОДА САХА, ОТРАЖЕННОЕ В СЕМАНТИКЕ СВАДЕБНОГО КОСТЮМА НЕВЕСТЫ

Старинная свадебная одежда саха (якутов) имела свои особенности, связанные с многовековой традицией в создании ее форм, покроя, цвета и технологии обработки материалов. В этих особенностях отражались мировоззрение, религиозные верования и обрядовая практика народа. Появление в ней различных знаков и символов, имеющих магико-охранную функцию, объясняется, прежде всего, древними мифологическими представлениями народа.

Древние шапки с рожками, с перьевым султаном, шапки невесты *ураа*, *дыбака* и шапки с высокой тульей *чолтой* имели конусовидную форму, устремленную вверх. Конусовидные и шатрового типа полусферические шапки из ровдуги и меха восходят к древним видам головных уборов тюрко-монгольских кочевников. Форма шапки объяснялась, с одной стороны, стремлением создать тепловой эффект, а с другой – отражением этнического мировосприятия народа: у тюрко-монголоязычных народов устремленная вверх остроконечная верхушка шапки символизирует процветание, благополучие¹.

Архаическое мировосприятие и мироощущение народа отражено в свадебных шубах – *таналай сон* и

бууктаах сон. Интерес представляет женское праздничное обрядовое пальто-безрукавка *таналай*. Такое пальто еще назывались *кээдьи*, *кэдьинэ*, *кэдьикэ таналай*². А.П. Окладников отмечал наличие в покрое и декоре «шубы тангалай» южных степных элементов³. Об общем происхождении этой парадной шубы с короткими рукавами и южно-алтайской длиннополой безрукавки замужних женщин – *чегедека* делает вывод и А.И. Гоголев⁴. У тюрков известен сходный термин *дагала*, означающий верхнее платье, сшитое золотом. У бурят этот костюм называется *дэгэлэй*. Интересно и то, что эти два вида одежды *дэгэлэй* и *таналай* связаны с культом лебедя, стерха, орла, ястреба.

Основная часть декора этих двух свадебных шуб располагалась на передней и спинной частях. Расположенные таким образом узоры связаны с древними народными представлениями: бисерная вышивка на одежде была своего рода оберегом от недобрых сил, населяющих окружающий мир, она имела магический смысл. Весь комплекс декора верхней свадебной одежды предположительно нес космическую символику, в котором древние мастерицы отразили свои представления о Вселенной. В анатомии человека, по представ-

лениям якутов, как у многих народов мира, отражается универсальная концепция мира. В ней различимы основные зоны Вселенной: головная часть – верхняя (небесное царство «юэһээ дойду»), туловище – средняя (земля – «орто дойду»), ноги – нижняя (подземное царство «аллараа дойду»). Это можно проследить в декоре верхней одежды *таналай* и шубы *бууктаах сон* в комплекте с головным убором, рукавицами и обувью. В головном уборе Верхний мир отражается символом самого высшего божества Урун Айыы Тойон – серебряным кругом солнца и закодированными знаками. Средний мир, который считается лучшим местом на Вселенной, заселен людьми *айыы*, животными, птицами и многочисленными *иччи* (духи). В одежде он представлен орнаментальными композициями, зооморфными и растительными узорами и мотивами растительного вьюнка на набедреннике, рукавицах, отражающих животный и растительный мир средней земли.

По мировоззрению якутов, позвоночник человека – это основа, ствол (*сис*) его тела. Спина считается наиболее уязвимой частью тела, которая подвержена воздействиям потустороннего мира. Недаром якуты говорят, чувствуя что-то неладное: «Кэхсүм харага аһылынна» ('Глаза спины открылись'). И неслучайно на спинной части детской одежды и шубы невесты вешали оберегающее украшение *дьайаа*, а на этой части обрядовой одежды бисером вышивалась прямая линия – *тоногос ойуу, сис ойуу* (букв.: 'узор-позвоночник'). На одежде она называлась *сюрюн тардыыта, сюрюн ууруута*, что в переводе означает 'основная, главная опора'. Возможно, она и является функциональным образом оси мира, космической опорой в виде Мирового дерева и объединяет все три символические сферы мироздания в единое целое. Как известно, в якутской мифологии Вселенную (Аан Ийэ Дойду) держит Мировое дерево (Аал Луук Мас), Верхним концом упираясь в мир небожителей, а нижним – в подземное царство, оно становится коновязью высшего божества – Юрюнг Айыы Тойона. Древо *Аал Луук мас* издавна воспринималось в народном сознании как прославление жизненной силы природы, а в обычной жизни старое ветвистое дерево являлось символом жизни и залогом благополучия. Особая роль Мирового дерева для мифопоэтической эпохи определялась, в частности, и тем, что оно выступало как связующее звено между Вселенной (макрокосмом) и человеком (микрокосмом) и являлось местом их пересечения. В традиционной картине мира тюрков Южной Сибири дерево было важнейшим маркером рода, его воплощением⁵. Таким образом, образ Мирового дерева на спинке свадебной одежды *таналай*, выведенный орнаментальным узором, гарантирует целостность мира, определяет место человека во Вселенной и символизирует продолжение рода, а вышитые сложные растительные мотивы в свадебной обуви невесты отражают корни Мирового дерева и знаменуют устойчивость рода.

Название свадебной шубы *таналай* схоже с названием узора *таналай*. Этот узор – самый древний,

типичный вид вышивки. Он является, видимо, соединяющим звеном между миром земным и верхним миром высших божеств. То, что этот мотив орнамента полностью скопирован с выпуклых извилин на небной части полости рта рогатого скота отмечал М.М. Носов. В этой связи интерес представляет древний ритуальный танец *таналай юнкою*, который исполнялся в день осеннего забоя скота. Его цель – выполняя определенные танцевальные движения, подняться к верхним небожителям⁶. Примечательно и то, что легкое перистое облако якуты называют *таналай былут* (букв.: 'небо-облако') и считают его лестницей, ведущей к верхнему миру. Таким образом, название обрядовой одежды – безрукавки *таналай*, имеет сакральное значение, что можно трактовать как платье, соединяющее душу носящего с верхними божествами.

Заслуживает пристального внимания также передний орнаментальный мотив шубы «бууктаах сон». На грудной части как обязательный элемент-оберег обычно прикреплялись парные украшения – орнаментальный мотив четырех ростков, выходящих из одного центра и обращенных в разные стороны (крестообразный мотив) или подвески из ажурных серебряных цепочек и пластинок. Г.В. Ксенофонтов отмечает, что «равноконечный крест, по данным самобытного орнаментального искусства якутов и их бытовых суеверий, является символом солнечного света и летнего творческого тепла, а также графическим изображением древнего степного бога солнца саха». Он также утверждает, что «крест служит символом защиты и спасения». В связи с эпидемией оспы и кори, у якутов сохранилось понятие *кириэстэтэр* (налагать крест). Так называли случаи легкого заболевания, гарантирующие человека от повторных заболеваний. Дух болезни как бы налагал на человека знамение креста в знак того, что он в дальнейшем будет пощажён⁷. Духи, насылающие эпидемию оспы и кори, представлялись в образе русских женщин. Возможно, эпидемии этих болезней были связаны с русскими переселенцами. Поэтому считалось, что от них можно защититься знаком креста – символа христианства. Такой крестообразный мотив распространен у многих народов. Его можно рассматривать и как ромб с «процветшими» углами, известный в языческой символике как древнейший символ плодородия⁸. Таким образом, нагрудное украшение в виде креста, являясь оберегательным знаком в одежде, играет сигнификативную функцию.

На одной из шуб в коллекции Санкт-Петербургского музея этнографии автором обнаружено своеобразное нагрудное украшение. Сверху находится металлический круг с четырьмя выступами, возможно, являющимися теми же символами четырех сторон света – юга, севера, запада, востока. Внутри круга имеется четкий рисунок солнца с девятью лепестками. В нижней части выступа подвешено лирообразное металлическое украшение с ниспадающими подвесками. В этом украшении, возможно, отразились представления древних людей о вертикальном строении мира с девятью божествами (девять лепестков) Верхнего

мира во главе с верховным богом – *Урун Аар Тойон* (изображения солнца) и Древом жизни (лирообразное украшение), корнями уходящим в землю, отражающим Срединный мир с его обитателями. Такие символы на свадебной шубе невесты, несомненно, выполняли «оберегающие» и «благопожелательные» функции.

Охранительную функцию носит и особый декор нарядных рукавиц невесты, характер орнамента которых зависел от материала одежды, но сама конструктивная форма их остается неизменной. Интересный экземпляр хранится в МАЭ: рукавица сшита из красного сукна, ладонная поверхность из лосиной ровдуги; по краю рукавицы имеется оторочка из мелких лоскутков ткани желтого и черного цвета, выполненная традиционной технологией шитья. Тут же имеется обшлаг из темно-зеленого сукна. Сплошь вышиты традиционной вышивкой (тамбур в сочетании с крестообразным швом *таналай*) тыльная часть и нижняя часть ладони, выкроенная вместе с пальцем (МАЭ. Колл. № 1243-8).

В данном экземпляре интерес представляет изящно вышитый узор на его тыльной стороне. Он не похож на распространенный в якутском шитье лировидный мотив, скорее всего, является мотивом сердцевидного орнамента. По вертикальной оси орнамента расположены три мотива деревца, причем они не соединены, как обычно бывает в лировидном мотиве, одним стволом. Верхний мотив деревца имеет в верхушке семилистник. Рисунок верхушки среднего мотива, который вписан в сердцевину, отражает мотив пятилистника. Нижнее деревце, растущее верхушкой вниз, имеет трилистник. Очевидно, эти мотивы определяют трихономическое деление Вселенной: на небо (место обитание богов), средний мир, населенный людьми-айыы и подземный демонический мир, где находится большая часть *абаасы*. Таким образом, данная композиция орнамента рукавиц четко показывает вообразимый мир предков: космическое пространство в разных измерениях – вертикали соответствуют верхушки, стволы и корни деревьев, а горизонтальным направлениям – ветвистые линии, отходящие от сердцевины орнамента.

В декоре нарядной обуви невесты *сарыы тирэнсэ* также использовались изящные мотивы сложного растительного орнамента, в котором ярко выразился свойственный народу поэтический образ мира, отра-

жающий пышное цветение растений, трав. Но через вышивку в обуви передавали Нижний мир – мир демонов и злых духов. Обнаруженная в Жиганском краеведческом музее оторочка – *билэ*, где лировидный мотив орнамента показан ассиметричным вышитым рисунком, подтверждает эту версию, указывая на хаотичность и сложность Нижнего демонического мира.

Таким образом, семантика одежды невесты являлась воплощением идеи жизненной силы и плодородия, в ритуальной и в повседневной жизни она имела сакральное значение. В силуэте свадебной одежды наглядно выражена космографическая структура Вселенной, отражающая мифологические воззрения якутов о строении мира и миропорядка, характерные для многих народов мира. Основные элементы свадебной одежды – шапка, обувь, рукавицы, кроме своего утилитарного значения в быту, в мифоритуальной культуре носили и сакральное значение. Одежда якутской невесты с ее уникальными теплозащитными и обрядовыми особенностями, украшения обеспечивали ей комплексную защиту от самых суровых климатических условий и имели магико-охранную, апотропеическую и сигнификативную функции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ядамсурен У. Народный костюм МНР. Улан-Батор. 1997 (Из серии альбома).

² Петрова С.И. Традиционная одежда и мировоззрение наших предков. – Якутск: Кн. изд-во «Бичик», 1999. – С. 8–10.

³ Окладников А.П. Якутия до присоединения к русскому государству // История Якутской АССР. – М; Л., 1955. – Ч. 1. – С. 250.

⁴ Гоголев А.И. Археологические памятники Якутии позднего средневековья (XVII – XVIII вв.). – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990. – С. 47.

⁵ Сагалаев А.М., Октябрьская И.В. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 43.

⁶ Носов Н.Н. Одежда и ее украшения у якутов XVII–XVIII веков // Сб. науч. статей ЯКМ. – Якутск, 1955. – Вып. 1. – С. 110–112; Лукина А.Г. Традиционная танцевальная культура якутов. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. – С. 60.

⁷ Ксенофонтов Г.В. Шаманизм // Избр. тр. – Творческо-производственная фирма «Север-Юг», 1992. – С. 108–120.

⁸ Рыбаков Б.А. Происхождение и семантика ромбического орнамента. // Музей народного искусства художественные промыслы: Сб. тр. НИИХП., 1972. – Вып. 5. – С. 133.

РЕЦЕНЗИИ И СООБЩЕНИЯ

ОБЗОР НОВЫХ КНИГ* О ТВОРЧЕСТВЕ Л.М. ЛЕОНОВА

В 2004 г. исполнилось 10 лет со времени опубликования последнего романа Л.М. Леонова «Пирамида» – знакового произведения писателя, романа-итога, романа-«духовного завещания». Своеобразный юбилей совпал с выходом одновременно нескольких авторских и коллективных монографий, посвященных творчеству Л.Леонова в целом, а также роману «Пирамида».

В 2004 г. произошли сразу два знаменательных для леоноведения события: в Санкт-Петербурге издана коллективная монография «Роман Леонида Леонова “Пирамида”. Проблема мирооправдания» (2004), а в Новосибирске – сборник научных работ Института филологии СО РАН,¹ посвященный юбилею Л.П. Якимовой – известного ученого, автора монографии «Мотивная структура романа Л. Леонова “Пирамида”» (2003).

Отдел Пушкинского Дома первым откликнулся на появление «Пирамиды». Именно здесь, начиная с 1995 г., были организованы регулярные научные семинары о творчестве писателя, научные конференции, в том числе и юбилейная, посвященная 100-летию Л. Леонова. Немалая личная заслуга в этом нелегком деле принадлежит Н.А. Грозновой и В.П. Муромскому. Поэтому появление очередной книги о Леонове в Петербурге вполне закономерно. В состав петербургской коллективной монографии «Роман Леонида Леонова «Пирамида». Проблема мирооправдания» вошли статьи известных ученых: А.И. Павловского, В.И. Хрулева, А.Г. Лысова, Т.М. Вахитовой, В.Е. Кайгородовой, Л.П. Якимовой, А.А. Дырдина, А.М. Любомудрова, С.Л. Слободнюка, В.С. Федоро-

ва и других исследователей. Открывается книга высказываниями Л. Леонова о писательстве, русской литературе, магии творчества, записанными Н.А. Грозновой (публикация Т.М. Вахитовой). Многие заметки представляют ценный материал для исследователей, поскольку в них речь идет о специфике леоновского видения художественного творчества, замысла «Пирамиды», его отношения к классикам русской литературы. Несомненно, что эта «авторрефлексия» Леонова (хотя и переданная не с «дословной», а скорее «содержательной» точностью) позволяет глубже проникнуть в достаточно «закрытую» творческую лабораторию писателя. Два последующих раздела характеризуются разными исследовательскими позициями: в первом представлены работы, посвященные проблемам религиозно-философского осмысления «Пирамиды», веросознания и мифологии, теодицеи и мирооправдания. Во втором разделе рассматриваются различные аспекты поэтики последнего романа писателя: сюжетно-жанровые особенности, мотивные структуры, тематические комплексы, интертекстуальные связи.

Первый раздел состоит в основном из статей, уже печатавшихся в журнале «Русская литература» после выхода «Пирамиды». Последний, третий, раздел по своему уникален: в нем собраны воедино хроники Леоновских семинаров и конференций, проводившихся в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) РАН в 1995–2000 гг. Несмотря на то, что многие работы, а также хроники уже появлялись в печати на страницах журнала «Русская литература», собранные воедино, они дают объемную картину развития «послепирамидного» леоноведения.

Сборник «Духовное завещание Леонида Леонова. Роман “Пирамида” с разных точек зрения» (2005) также может претендовать на итоговость, и, кроме того, на солидную заявку дальнейших перспектив изучения творчества Л.М. Леонова. Сборник был подготовлен в рамках договора о международном научном сотрудничестве между ИФЛ СО РАН (Новосибирск), филологическим факультетом Вильнюсского универ-

*«Роман Леонида Леонова “Пирамида”. Проблема мирооправдания». – СПб: 2004; Русская литература XIX–XX вв.: поэтика мотива и аспекты литературного анализа. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2004. – 374 с.; «Духовное завещание Леонида Леонова. Роман “Пирамида” с разных точек зрения». – Ульяновск: Новосибирск; Вильнюс, 2005. – 315 с.; Хрулев В.И. «Художественное мышление Леонида Леонова». – Уфа: «Гилем», 2005; Лысов А.Г. «Березовый меридиан». Леонид Леонов и Сергей Есенин. – Ульяновск: УлГТУ, 2005. – 139 с.

ситета (Литва) и гуманитарным факультетом Ульяновского государственного технического университета. Статья А.Г. Лысова «После Леонова: десять лет», открывающая коллективную монографию «Духовное завещание Леонида Леонова. Роман “Пирамида” с разных точек зрения», привлекает внимание не только тональностью подведения итогов, но и попыткой понять и проникнуть в причины разнообразных, подчас диаметрально противоположных, интерпретаций «Пирамиды». Исследовательская позиция А.Г. Лысова определяется стремлением к объективности и максимальной адекватности толкования леоновских произведений. По мнению Лысова, необходимо понимать «... Леонова как ЛЕОНОВА, извлекая его реальную авторскую позицию из художественно-эстетического целого, в котором опосредованно бытуют вероисповедные, мировидческие основы его писательского “Я”»². В целом статья Лысова представляет собой подробную «карту» леоноведческих исследований, с его физическим (от Польши и Литвы, Петербурга и Ульяновска, Москвы и Мичуринска, до Уфы и Новосибирска) и духовным пространством, в котором бурлят потоки самых разных энергий.

В сборнике несколько разделов, объединяющих внутри себя сложившиеся концепции восприятия леоновского романа: первый раздел, «Апокалипсис наших дней», представлен статьями А.А. Дырдина, Л.П. Якимовой, С.Л. Слободнюка, В.В. Компанейца. В следующем за ним разделе сосредоточены статьи, в которых исследуются различные источники «Пирамиды»: библеистика, апокрифы, религиозная философия. Имена авторов хорошо известны в леоноведческом мире, и не только. Польский исследователь Ф. Листван пишет о «встречах Леонова с Библией», петербуржец В.С. Федоров очерчивает связи «Пирамиды» с традициями Достоевского, волгоградский ученый В.В. Воронин характеризует мироздание «Пирамиды» Леонова «в контексте неклассической логики», А.Г. Лысов метафорически уподобляет Святую Русь в романе «Пирамида» «ожившей иконе». Здесь же помещена как дань памяти статья покойного ныне А.И. Павловского «Роман Леонова “Пирамида” и Книга Еноха». Четвертый раздел посвящен художественному миру «Пирамиды» и по своей насыщенности известными именами (В.И. Хрулев, Т.М. Вахитова, В.Е. Кайгородова, А.И. Ванюков, И.В. Трофимов, А.И. Павловский) и названиями работ впечатляюще конкурирует с предшествующими разделами сборника. Не менее интересными получились третий раздел – «Дискуссионная трибуна» и пятый – «Духовная биография Л. Леонова (Материалы. Беседы. Воспоминания)». В последнем представлены материалы и воспоминания старшей дочери писателя Н.Л. Леоновой, а также тех исследователей, которые лично знали писателя, неоднократно встречались и беседовали с ним. Дискуссионность и даже некоторая провокационность отдельных позиций добавляют ульяновскому сборнику остроты и актуальности. Плюрализм мнений дает ощущение истинно

свободного размышления о непростом и многомерном мире романа «Пирамида». Именно этим качеством выгодно выделяется «Духовное завещание Леонида Леонова...», полностью оправдывая вторую часть своего названия: «Роман “Пирамида” с разных точек зрения».

В сборнике Института филологии СО РАН «Русская литература XIX–XX вв.: поэтика мотива и аспекты литературного анализа» (Новосибирск, 2004) первый раздел полностью посвящен Л. Леонову. Среди авторов – Наталья Леонидовна Леонова со статьей «Рассказ Л. Леонова “Гибель Егорушки”: опыт нового прочтения»; Т.М. Вахитова с работой об «инфернальных» героинях Леонова, томские исследователи Т.Л. Рыбальченко («Писательство и рассказывание персонажей романа Л. Леонова “Вор”») и А.С. Афанасьева («Романы Л. Леонова 20-х годов: мифопоэтика и натурфилософия»), польский исследователь Ф. Листван («Роман Л. Леонова “Пирамида” как антиутопия»). В сборнике впервые печатается интервью В. Хрулева с Л. Леоновым (1991 г.). Кроме названного интервью, в издании представлены ранее не публиковавшиеся воспоминания А.Г. Лысова о писателе «Голубь Финяя...», а также рецензии на монографию Л.П. Якимовой «Мотивная структура романа Леонида Леонова «Пирамида»» (2003). Причем в книгах о Леонове, изданных в почти совпадающие сроки, пересекается лишь незначительная часть статей.

В 2005 г. в Уфе вышла монография «Художественное мышление Леонида Леонова» В.И. Хрулева – известного леоноведа, помогавшего Леонову в работе над «Пирамидой». В этой книге В.И. Хрулев публикует запись ранее не печатавшейся беседы с писателем «Логарифмирование прозы». В указанной монографии переиздано также интервью из упомянувшегося выше новосибирского сборника (2004 г.). В целом монография представляет собой переработанную и дополненную, обогащенную новыми материалами и размышлениями версию предыдущей книги исследователя «Леонид Леонов: магия художника» (1999). Новая книга «Березовый меридиан: Леонид Леонов и Сергей Есенин» (2005) принадлежит перу³ А.Г. Лысова. Он сосредоточил свое внимание на такой сквозной теме творчества Леонова, как трагическая судьба Есенина, ее преломления и отражения в леоновских текстах.

Завершить обзор хотелось бы словами автора одной из коллективных монографий: «...предсмертный роман Леонова уже перешагнул за порог первичных рецензионных оценок, стал объектом обстоятельного научного анализа»⁴. В этом заключен парадокс десятилетнего бытования «Пирамиды»: он вызывает пристальный интерес ученых и подчас мало известен даже студентам-филологам. Роман, изданный в 1994 г., не всегда попадающий в вузовские курсы и учебники русской литературы XX в., не известный широкому кругу читателей, быть может, чересчур сложный для него, живет тем не менее своей жизнью, объединяя усилия авторитетных светских и ду-

ховных ученых. Хотелось бы надеяться, что в XXI в. последний роман Леонова будет востребован, а его достойное место в пантеоне российской словесности не будет вызывать сомнений. Можно принимать или отвергать, спорить или соглашаться, но игнорировать масштабный философско-интеллектуальный роман уже невозможно. Монографии, вышедшие спустя десятилетие после издания «Пирамиды», как нельзя лучше свидетельствуют об этом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Русская литература XIX–XX вв.: поэтика мотива и аспекты литературного анализа. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2004. – 374 с.

² Лысов А.Г. Духовное завещание Леонида Леонова. Роман «Пирамида» с разных точек зрения. – Ульяновск, 2005. – С. 16.

³ Лысов А.Г. «Березовый меридиан». Леонид Леонов и Сергей Есенин. – Ульяновск. 2005.

⁴ Лысов А.Г. «После Леонова»: десять лет // Духовное завещание Леонида Леонова... – С. 23.

Н.А. Непомнящих

*Институт филологии СО РАН,
Новосибирск*

БАБУЕВ С.С., БАЛЬЖИНИМАЕВА Ц.Ц.

ТЕМАТИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ТРАДИЦИОННОГО БЫТА БУРЯТ

(«Буряад зоной урданай нуудал байдалай тайлбари толи». – Улаан-Үдэ, «Бэлиг» хэблэл, 2004)

Бурятведение обогатилось содержательной публикацией – «Тематическим словарем традиционного быта бурят» («Буряад зоной урданай нуудал байдалай тайлбари толи». – Улаан-Үдэ, «Бэлиг» хэблэл, 2004). Его авторы С.С. Бабуев и Ц.Ц. Бальжинимаева создали толковый словарь, несущий и справочную, и научную информацию. Об этом свидетельствует структура книги, включающая в себя элементы научного издания, это: указатель слов, вошедших в содержание словаря, построенный в алфавитном порядке, библиография с названиями источников текстовых примеров и научной литературы, список информантов, блок цветных фотоиллюстраций и рисунков с пояснениями – таким образом, выдержан характер издания, направленный на максимальное раскрытие предмета исследования.

Словарные статьи раскрывают не только лексическое значение слова, но и содержат описания обрядов, обычаев, назначения предметов и их использования в быту, а также материалов, сырья и способов изготовления. При этом авторы демонстрируют глубокое знание традиционной культуры родного народа, легко оперируют текстовыми примерами, приводя образцы как из художественной литературы, так из устного народного поэтического творчества. Все это, несомненно, обогатило содержание книги и приблизило ее к энциклопедическому изданию.

Следует отметить, что жанр обрядового фольклора сибирских народов мало исследован, и поэтому каждая серьезная работа в данном направлении вносит свой вклад в решение этой проблемы. Достоинством рецензируемой работы является и то, что книга, написанная явно для бурятского читателя на его родном языке, содержит в каждой словарной статье краткое пояснение и на русском языке, что, конечно же, определяет ее научную востребованность для иноязычного исследователя.

В тематических разделах словаря представлена вся традиционная культура бурят в ее многообразии и богатстве. Здесь и семейная, календарная, промысловая обрядность, традиционный уклад, описания жилища и его устройство, национальная кухня и продукты питания, одежда, украшения. Большой раздел составляют, в силу исторически сложившегося способа хозяйствования, описания скотоводческих и промысловых занятий с названиями орудий производства, животных, способов лечения и ухода за домашним скотом, народных обрядов, связанных со скотоводством.

Не осталась без внимания авторов и духовная сторона жизни бурят. Интересный раздел составляет тема религии и веры (с. 48–77), связанной с ламаизмом. Попутно хотелось бы пожелать, чтобы в последующих продолжениях этого словаря была отражена лексика, связанная с традиционными верованиями народа и составляющая большой пласт в его духовном наследии. Раздел словаря «Бурятские народные игры» («Буряад зоной нааданууд») органически связан с тематическим блоком «Вечера молодежи» («Залуушуулай һүниин нааданууд»), с описанием игр, популярных среди молодежи. Из содержания раздела «Наблюдения за погодой» («Байгаалиин байдал ажаглалга») читатель узнает, насколько точно и тонко воспринимали буряты окружающую природу, стремясь устраивать свою жизнь в гармонии с ней. Только не совсем понятны намерения автора раздела, когда из времен года отдельно выделены наблюдения за погодой зимой, а наблюдения за весенней, летней и осенней погодой следуют друг за другом с нарушением и алфавитного порядка.

Таким образом, стремление авторов словаря осветить через лексический состав языка традиционную культуру родного народа восполняет существующие лакуны в отечественной фольклористике и этнографии.

Е.Н. Кузьмина,

*Институт филологии СО РАН,
Новосибирск*

ЕЖЕГОДНАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ.

Новосибирск, Институт филологии СО РАН, 27–28 апреля 2006 г.

В Институте филологии СО РАН (г. Новосибирск) по инициативе сектора литературоведения 27–28 апреля 2006 г. состоялась ежегодная научная конференция молодых ученых, в которой приняли участие филологи из Новосибирска, Кемерово, Барнаула, Сургута и сотрудники сектора. Открывая конференцию, директор Института филологии СО РАН, член-корреспондент РАН Е.К. Ромодановская сказала об огромной значимости подобных событий, которая заключается в том, что происходит диалог не только между молодыми филологами – представителями разных научных школ, но и между поколениями ученых. На конференции прозвучало 22 доклада.

Открыл конференцию доклад **Т.И. Ковалевой** (ИФЛ СО РАН) «Видения варяга Шимона в “Слове о создании церкви...” (Киево-Печерский патерик)», посвященный рассмотрению структурно-смысловых особенностей и определению роли видений варяга Шимона в повествовании. Автор, отметив, что в «Слове...» доминирует группа видений со схожими структурно-смысловыми признаками, описал структурную модель, на основе которой построены видения Шимона. В докладе Т.А. Драгайкиной (ГПНТБ СО РАН) «“Записки...” И.В. Лопухина в контексте его творчества» рассматривается автобиографическое произведение И.В. Лопухина «Из некоторых обстоятельств жизни и службы...» в контексте литературного творчества, переводческой и издательской деятельности их автора. Показано отношение И.В. Лопухина к дидактической функции литературы. Доклад У.М. Дмитриевой (НГПУ) «Из наблюдений над водной стихией А.С. Пушкина» (вода стоячая и вода кристаллическая) посвящен семантике водных образов в лирике и стихотворном эпосе А.С. Пушкина. **В.Ф. Стенина** (БГПУ) в докладе «“Петербургский текст” в эпистолярной прозе А.П. Чехова» пространство северной столицы рассматривает через оппозицию (традиционную в культуре) Москва/Петербург. **Е.Л. Сузрюковой** (НГПУ) представлен доклад о художественной прозе А.П. Чехова «Театральность в художественной прозе А.П. Чехова второй половины 80-х гг. XIX в.», подготовленный ею на материале двух рассказов «Верочка» (1887) и «Сапожник и нечистая сила» (1888). **Е.В. Синкина** (БГПУ) в докладе «Архитектурность пейзажной лирики Д.С. Мережковского» избрала предметом своего анализа пейзажи в лирике Д.С. Мережковского с точки зрения их архитектурной выразительности. **Е.А. Капустиной** (БГПУ) рассматривался «энтомологический код» в творчестве Велимира Хлебникова, в частности, ее внимание привлекла семантика мотылька и бабочки.

Е.К. Радионова (АГУ) выступила с докладом «Оппозиции в произведениях М. Зощенко». Ею были выделены типы оппозиций, связанных с часами. Наряду с противопоставлением ею были обнаружены и отношения одновременной эквиваленции. Доклад **Ю.В. Подковырина** (КемГУ) «Внешность героев как момент оценки в романах И. Ильфа

и Е. Петрова “Двенадцать стульев” и “Золотой теленок”» вызвал бурное обсуждение, Автором выявлено несколько типов оценки героев посредством их внешнего облика, отсылающих к авторской художественной установке. **А.В. Шункова** (ИФЛ СО РАН) в своем докладе, обратилась к одному из аспектов изучения романа Л.Леонова «Пирамида» (1994). По ее мнению, проблема «отстающего» героя в романе Л. Леонова «Пирамида» связана с актом самоопределения человека относительно ускоряющихся темпов жизни, с необходимостью совершения выбора в условиях альтернативности выбранного пути. **Н.А. Непомнящих** (ИФЛ СО РАН) соединила в своем докладе три разновременных отрезка из жизни русской литературы. Автора заинтересовали сходные «житийные проекции» сюжета встречи с лесным отшельником в произведениях Н.С. Лескова («Пугало», «Запечатленный ангел») и Л.М. Леонова («Русский лес»). Она обратила внимание, что сюжет встречи охотника/людей с отшельником встречается в житиях о русских преподобных праведниках. Причем последовательность событий (цепочка мотивов) в произведениях Лескова и Леонова во многом совпадает, но не всегда комбинации мотивов можно объяснить общими житийными источниками. **У.О. Еркинбаев** (ИФЛ СО РАН) познакомил аудиторию с «Трактовкой понятия стилистики в работах Б.В. Томашевского, В.М. Жирмунского и А. Байтурсынова». В его докладе рассматривались задачи поэтической стилистики. **Д.А. Макушевой** (НГУ) был проанализирован характер «Дневника графа Бобринского веденного в кадетском корпусе и во время путешествия по России и за границей». Ею выдвинуто предположение о том, что скрытым адресатом «Дневника...» является мать А.Г. Бобринского – императрица Екатерина II. **М.П. Подкладова** (КемГУ) в докладе «Герменевтика пространства романа Е. Замятина “Мы”» поставила целью выявление топологической ценностной структуры романа через интерпретацию ряда пространственных образов (типов пространства). Ее доклад вызвал ряд критических замечаний, связанных с исследовательской позицией его автора. В докладе **Е.П. Пилюгиной** (КемГУ) «Ценностная неоднородность фазовой структуры художественного времени (И.А. Бунин «Чистый понедельник»)» была рассмотрена ценностная структура художественного времени. Изучение ценностного аспекта позволяет, по мнению исследователя, приблизиться к пониманию художественного произведения. Доклад **Г.Г. Коптевой** (ИФЛ СО РАН) был также посвящен категории времени: «Время как философская категория и координата художественного мира Н. Заболоцкого». По мнению автора доклада, Николай Заболоцкий представляет жизнь как «эпическую в своей основе», и время у поэта неотделимо от бытия и его метаморфоз. Художественное время поэта занимает четвертую позицию в системе координат мирового континуума. Доклад **В.В. Баркун** (КемГУ) «Рецепция сентиментального текста»

вызвал множество вопросов и длительное обсуждение. В.В. Баркун уделяет особое внимание реакции читателя относительно сентиментального текста. **Г.Д. Рысбековой** (ИФЛ СО РАН) в докладе «Функция метафоры-мифа в лирической поэзии» рассмотрены функционирование и поэтическая семантика словесных образов и сделаны выводы о семантической двойственности метафоры, состоящей из первичного и вторичного значения. **М.С. Попова** (ИФЛ СО РАН) в докладе «О предикативности мотива в лирической поэзии» отмечает, что концепция предикативности мотива применительно к лирической поэзии выявляет особенности данного способа повествования. Лирический текст разворачивается как утверждение существования лирического субъекта. **Ю.В. Платонова** (НГПУ) в докладе «К изучению проблемы незавершенности “Поэмы без героя” Анны Ахматовой» обратилась к анализу таких вопросов, как процесс создания текста как одна из сюжетных линий произведения; развитие «Поэмы без героя» от редакции к редак-

ции на примере возрастания эпитафий к третьей части «Эпилог». **А.П. Чалова** (СурГПУ) сосредоточила свое внимание на «Христианских мотивах в “Тихом Доне” М. Шолохова», точнее, на христианской этике отдельных поступков главного героя – Григория Мелехова. **Е.Е. Бариновой** (ИФЛ СО РАН) в докладе «Метатекст в романе Е. Попова “Подлинная история “Зеленых музыкантов”» показано, что многочисленные и разнообразные по тематике комментарии к сочинению «Зеленые музыканты» представляют собой самостоятельный текст, иногда лишь условно отсылающий читателя к претексту.

С заключительным словом выступили гости и сотрудники сектора литературоведения: канд. филол. наук О.Н. Фокина, канд. филол. наук Э.А. Бальбуров, д-р филол. наук Л.П. Якимова, чл.-кор. РАН Е.К. Ромодановская. Конференция по сложившейся традиции собирает за столом сектора литературоведения Института филологии СО РАН молодых ученых ежегодно в конце апреля.

Т.И. Ковалева, Н.А. Непомнящих

АННОТАЦИИ

Г.М. Васильева. Образ текста-тканья в «Фаусте» И.В. Гете

В статье рассматривается, как в трагедии Гете последовательно и почти нарочито осуществлены композиционно-тематические связи. Гете создает своеобразную тематическую «сетку». Возникает образ архаического способа создания текста – тканье знаков. Образ ткани – семантическая категория и стилистический прием, важный в символическом строе произведения. Идеализм интересен поэту тем, что он восходит к живому восприятию действительности – к тому времени, когда вся окружающая человека природа была реальной живой тканью.

Ключевые слова: текст, ткань, пестрый, природные духи, магия.

Стенина В.Ф. «Петербургский текст» в эпистолярной прозе А.П.Чехова

В статье реконструируется чеховский «петербургский текст» (В.Н. Топоров). Петербургское пространство в эпистолярной прозе писателя, по мнению исследователя, субъективируется. Исследователь рассматривает пространство северной столицы через оппозицию (традиционную в культуре) Москва/Петербург, которая модифицируется в чеховском тексте в антитезу: связанное обязанностями московское существование/беспечный, счастливый отдых в «деловом» Питере.

Ключевые слова: эпистолярная проза, оппозиция в тексте, антитеза.

Синкина Е.В. Архитектурность пейзажей в лирике Д.С. Мережковского

В статье проанализированы отдельные пейзажи в лирике Д.С. Мережковского с точки зрения их архитектурной выразительности. Автор рассматривает пейзажную образность поэтических текстов в контексте архитектурного искусства античности и средневековья.

Ключевые слова: поэтический текст, архитектурное искусство, пейзаж, лирика.

Бережная Е.П. Онегинский слой в «Проблеме стихотворного языка» Ю.Н. Тынянова

Концепция Ю.Н. Тынянова о «Евгении Онегине» (не движение событий, но движение словесных масс) послужила опорой для формирования общетеоретических положений о смыслообразующих компонентах литературного текста, в наиболее полном виде развернутых в книге «Проблема стихотворного языка». Та-

кие смысловозначительные структуры языка поэзии, как *единство и теснота стихового ряда, динамизация речевого материала, сукцессивный процесс речи* в стихе, – установленные Тыняновым в «Проблеме», репрезентируют онегинский текст как новую форму *стихового* романа, а в нем – смысловой статус *слова*, деформированного стихом. В статье рассматриваются случаи соприкосновения «Проблемы стихотворного языка» с пушкинским романом, имплицитно формирующим перспективы исследования поэтической семантики).

Ключевые слова: смысловой статус слова, структуры языка поэзии, стиховой роман, литературный текст.

Бологова М.А. Марк-твенковский текст в рассказах А. Эппеля: интерпретация через метафору

В статье рассматриваются проблемы интерпретации художественного произведения, в частности, проблемы прочтения в творчестве одного автора текстов другого (в рассказах Эппеля романов Марка Твена). Исследователем предлагается способ осуществить интерпретацию через образ-метафору, характерный для данного писателя как его фрактал (метафора полета). В работе показывается, как эта метафора трансформирует структуру «чужого» текста внутри «своего», какая новая структура возникает в результате «перевода» с языка одного художественного сознания на индивидуальный язык другого.

Ключевые слова: образ-метафора, структура текста, художественное сознание.

Е.А. Адам, Н.Е. Разумова. О некоторых трудностях перевода чеховской драмы

Объектом исследования являются два современных немецкоязычных перевода драмы А.П. Чехова «Три сестры» – П. Урбана и А. Клемен. Рассматриваются трудности перевода, связанные с особенностями двух национально-культурных и языковых систем. Особое внимание обращается на передачу включенных в текст цитат. Сопоставляются разные подходы двух переводчиков к преодолению возникающих трудностей. Делается вывод о принципиальном главенстве для успешного перевода такого фактора, как учет внутреннего идейно-образного единства переводимого произведения, особенно если речь идет о таком сложном образовании, как чеховская драма.

Ключевые слова: драма, идейно-образное единство произведения, немецкоязычный перевод чеховской драмы.

Буторин С.С. О фрустративном компоненте семантики частицы *kaj* в кетском языке

В статье проанализированы основные значения частицы *kaj* в кетском языке. Установлено, что прототипическим компонентом семантики этой частицы является фрустративность: указание на нарушение нормального хода/развития событий с точки зрения субъекта оценки, которым может быть говорящий, повествователь нарратива или субъект ситуации. Рассмотрены собственно фрустративное значение и уступительно-противительное, общим компонентом которых является фрустративность. Собственно фрустративное значение предполагает нереализованность желания или намерения совершить действия в силу наличия некоторой ситуации, которая препятствует осуществлению действия, иными словами, – нереализованная возможность, сопровождающаяся прагматическим эффектом «обманутых ожиданий». Рассмотрены основные виды модификации собственно фрустративного значения. Частица *kaj* служит одним из средств компенсации отсутствия исконных уступительных и противительных союзов и выполняет функцию скрепы как в составе сложного синтаксического целого, так и в составе сверхфразового единства – дискурсе, т.е. выступает в функции как союзной, так и дискурсивной скрепы.

Ключевые слова: фрустративность, уступительно-противительное значение, сверхфразовое единство.

А.А. Мальцева. Отрицательно-целевые конструкции в чукотско-корякских языках

В статье рассматриваются средства выражения отрицательно-целевой семантики ('чтобы не') в полипредикативных конструкциях трех чукотско-корякских языков (алюторского, корякского и чукотского), а также в языках Сибири других семей.

Отрицательно-целевые конструкции в чукотско-корякских языках представляют собой инновацию в языковой системе. Это подтверждается фактом, что только в одном языке чукотско-корякской семьи, а именно алюторском, в качестве предикатов зависимой предикативной единицы в отрицательно-целевых конструкциях используется специализированное отрицательно-целевое деепричастие, показателем которого является результат грамматикализации именной основы, обозначавшей, по всей вероятности, незаметный, случайный, несущественный или бесполезный предмет или явление. Другим способом выражения этого значения в алюторском языке и единственным в других чукотско-корякских языках является комбинация целевых союзов (различных по языкам) и неспециализированных отрицательных деепричастий.

Другие языки Сибири также демонстрируют два типа маркировки отрицательно-целевой семантики. Как независимая граммема отрицательно-целевое значение выражено в эскимосско-алеутских и самодийских языках, локализованных на севере и северо-востоке Азии, по соседству с чукотско-корякскими, что

представляет собой ареальную специфику данного региона. В языках Центральной и Южной Сибири (финно-угорских и всех алтайских) отрицательно-целевая семантика рассматривается как комбинация цели и негации.

Ключевые слова: языки Сибири, синтаксис, сложное предложение, целевые конструкции, отрицание.

Левин Г.Г. Графические и орфографические особенности рунических текстов орхонских памятников

Основной целью статьи является определение орфографических особенностей текстов орхонских памятников древнетюркской письменности. В работе впервые рассматриваются вопросы вариативности фиксирования рунических знаков и специфика написания гласных, согласных фонем в корневых основах и аффиксах. На основе фонетических, структурных и грамматических особенностей словоформ составляется общая картина орфографии рунического письма. Автор, анализируя основные правила письма, по-новому составляет орфографическую систему орхонского письма.

Ключевые слова: орхонское письмо, орфография рунического письма, корневые основы.

Кошкарева Н.Б. Глагольные безличные предложения в составе функционально-семантического поля стательности русского языка

В статье рассматривается класс безличных предложений русского языка с семантикой состояния окружающей среды или одушевленного лица, сказуемое которых выражено либо собственно безличным глаголом, либо личным глаголом в безличном употреблении. Обязательным компонентом модели со значением состояния окружающей среды является позиция локализатора, которая в конкретных фразах может оставаться не заполненной, если имеется в виду мир вокруг нас или известное из контекста пространство. Модели со значением состояния одушевленного лица различаются по способу выражения субъекта и обозначают, что некоторое ощущение локализовано в определенной области / части субъекта (субъект назван партитивным словосочетанием). От прототипических способов выражения стательности рассмотренные синтаксические конструкции отличаются по признаку динамичности – они обозначают изменение состояния или переход из одного состояния в другое.

Ключевые слова: безличное предложение, локализация, модель, способ выражения субъекта.

Болотина Ю.Н. Модели элементарных простых предложений русского языка со значением местонахождения, построенные по структурной схеме $N_1 \Leftrightarrow V_f \rightarrow N_4$

Статья посвящена описанию поля локативных синтаксических моделей, содержащих переходные глагольные предикаты (т.е. опирающиеся на структурную схему $N_1 \Leftrightarrow V_f \rightarrow N_4$). В частности, наше внимание со-

средоточено на отдельном секторе данного поля – группе синтаксических моделей, отображающих статические отношения местонахождения. Мы придерживаемся той точки зрения, что данная группа состоит из трех моделей, отличающихся друг от друга дистрибуцией семантических ролей внутри актантных рамок ядерных глаголов-предикатов и степенью пространственной близости компонентов локативной ситуации. Затрагивается проблема различения статической и динамической локализации.

Ключевые слова: ядерный глагол-предикат, локативная ситуация, статическая и динамическая локализация.

Е.С. Кузнецова. Русские предложения с модусными глаголами передачи информации

Статья посвящена исследованию русских предложений со структурной схемой $N_1 V_f N_4 N_3$, организующим центром которых является модусный предикат – глагол передачи информации. Модусные предикаты вводят событие и описывают отношение к нему говорящего, поэтому в диктуме при них может быть представлена любая пропозиция. Мы рассматриваем, каким образом модусные предикаты вводят основную пропозицию, способы свертывания пропозиции до предикатного актанта, выделяем несколько типов конструкций, описывающих однотипную ситуацию передачи информации.

Ключевые слова: структурная схема, пропозиция, модусный предикат, глагол передачи информации, предикативная единица, передача информации, лексема оперирования информацией.

Е.Н. Сорокина. О структуре и семантике предложений с модусными предикатами *заслуживать* и *стоить*

Статья посвящена анализу структуры и семантики предложений, содержащих модусные предикаты *заслуживать* и *стоить* и построенных по структурной схеме $-N_1 \Leftrightarrow V_f \rightarrow N_2$. Эти предложения рассматриваются как неэлементарные модус-диктумные предложения, которые репрезентируют типичную ситуацию «доступности информации» в сфере знания, мнения, рациональной или эмоциональной оценки. Данные конструкции представляют собой переходное звено между простыми и сложными предложениями.

Ключевые слова: модусный предикат, семантика предложения, неэлементарные модус-диктумные предложения.

Н.С. Чистобаева. Своеобразие типических мест героического эпоса хакасов (на примере мотивировки выезда богатыря из дома)

В статье анализируются типические места, которые составляют основной фонд художественно-поэтической традиции. Автор следует структуре «Указателя типических мест героического эпоса народов Сибири», разработанной Е.Н. Кузьминой.

Наш анализ показал, что типическое место, характеризующее мотивировку выезда богатыря из дома, несет большую эмоциональную и смысловую нагрузку, отличаясь обобщенностью и стилистической выразительностью. Это типическое место имеет четкую композиционную привязку и выразительные поэтические оформления.

Ключевые слова: мотивировка, богатырь, охота, осмотр владений, мотив, народ, поэтическое выражение.

Юша Ж.М. Поэтика тувинского обрядового фольклора

В статье анализируются лексико-стилистические особенности и художественно-изобразительные средства жанров тувинской обрядовой поэзии. Рассмотрение поэтики произведений обрядового фольклора позволило автору сделать вывод о том, что язык анализируемых жанров богат и разнообразен по лексическому составу, а также по использованию различных средств художественной изобразительности. Каждый обрядовый жанр, имея свою прагматическую направленность, достаточно избирателен в поэтических средствах. Активно используемые лексико-стилистические и художественные приемы в произведениях тувинского обрядового фольклора служат, прежде всего, средством передачи доминирующей функции жанра, а также его нравственного содержания. Кроме того, в статье впервые в научный оборот вводится большое количество архивных источников.

Ключевые слова: поэтика, тропы, лексика, заклинание, благопожелание, восхваление, обрядовый текст.

Миндибекова В.В. Текстуальные особенности хакасских мифов

В статье анализируются мифы хакасов в их историческом развитии. Автор выделяет три группы текстуальных особенностей, характеризующих миф: связанный рассказ-сюжет; текст, объясняющий ритуал; текст, объясняющий предмет.

Жизнь этого жанра рассматривается автором статьи начиная с ранних этапов его бытования, когда миф характеризовался простотой содержания и малым количеством художественно-стилевых средств до того этапа, на котором его структура усложняется и миф превращается в развернутое повествование.

Ключевые слова: миф, текстуальные особенности, художественно-стилевые средства.

Лиморенко Ю.В. Специфика задач переводчика фольклорного текста

Цель статьи – сформулировать цели переводчика фольклорного произведения и очертить круг задач, которые способен решить фольклористический перевод. Изучаются проблемы, возникающие при передаче фольклорного языка и стиля, обозначаются те группы художественно-изобразительных средств фольклора, которые могут быть адекватно переданы

в переводе. Рассматриваются основные публикации, посвященные проблемам перевода фольклорных произведений.

Ключевые слова: теория перевода, фольклор, художественные приемы, язык фольклора, издание фольклора.

К.А. Сагалаев. Принципы создания видеоприложения к томам серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока»

Основная цель настоящей статьи – определить общие критерии подготовки видеоприложения к томам

Серии. Автор рассматривает основные этапы процесса создания видеоприложения, определяет основные свойства, которыми должен обладать видеоряд, к примеру, аутентичность, соотнесенность с корпусом текстов, надлежащее техническое качество; а также делает попытку построения методики видеосъемки. Основные положения данной статьи основаны на новом полевом материале, в частности, по обрядовому фольклору различных народов Сибири.

Ключевые слова – принципы, критерий, видеоприложение, видеосъемка, фольклор, серия.

SUMMARY*

Vasilyeva G.M. The Image of Text-Weaving in Goethe's «Faust»

The paper reveals the step-by-step and deliberate way of forming the compositional and thematic links in Goethe's tragedy. Goethe creates an original thematic «pattern». There appears a resemblance to an archaic way of producing a text – sign weaving. The image of fabric is a semantic category and a stylistic method which is important in the symbolic system of composition. Idealism attracts Goethe's interest because it originates from lively perception of reality and goes back to the time when the whole nature surrounding human beings was real vivid fabric.

Stenina V.F. «Petersburg Text» in Chekhov's Epistolary Prose

The paper reconstructs Chekhov's «Petersburg text» (V.N. Toporov). It is supposed that the Petersburg space as presented in the author's epistolary prose is made subjective. The Northern Capital space is treated using the Moscow/Petersburg opposition (traditional in culture) which is modified to take the form of the antithesis: life full of commitments in Moscow/carefree relaxation in «business-like» Petersburg.

Sinkina E.V. Architectural Character of Landscapes in D.S. Merezhkovsky's lyric poetry

The paper considers individual landscapes depicted in D.S. Merezhkovsky's lyric poetry from the point of view of their architectural expressiveness. The author deals with landscape figurativeness of poetic texts in the context of antique and medieval architectural art.

Berezhnaya Ye.P. Onegin's Layer in Yu.N. Tynyanov's «The problem of Poetry Language»

Tynyanov's conception concerning «Yevgeniy Onegin» (not the motion of events but the motion of verbal masses) laid the foundation for making theoretical assumptions on message forming components of the text which are exhaustively presented in the book «The problem of Poetry Language». The concept differentiation structures of the poetic language such as unity and closeness of the verse series, dynamism of speech material, successive process of speech in verses suggested by Tynyanov in his «The Problem» represent Onegin's text as a new form of poetic novel and within it – the conceptual status of the

word deformed by verse. The paper deals with the instances of contiguity of «The Problem of Poetry Language» to Pushkin's novel implicitly forming the perspectives of investigating poetry semantics

Bologova M.A. Mark Twain's Text in A. Eppel's Stories: Metaphor-based Interpretation

The paper deals with the problems of interpreting fiction text and the problem of interpreting the texts written by one author and transposed to the literary works by another author in particular (Mark Twain's novel transposed to A. Eppel's stories). The author suggests carrying out interpretation by means of metaphor image which is characteristic of this author as his fractal (the metaphor of flying). The paper shows the way this metaphor transforms the structure of «somebody else's» text within «one's own» text and what new conceptual structure arises as a result of «translating» the language of «somebody else's» literary perception into the language of «another's» literary perception.

Adam Ye.A., Razumova N.Ye. On Some Problems of Translating Chekhov's Drama

The subject of research is two translation versions of Chekhov's drama «Three Sisters» translated into German – the version by P. Urban and the version by A. Klemen. The problems of translation arising from the specific features of two different national culture and language systems are considered. Special emphasis is laid on rendering the citations inserted in the text. Different approaches used by two translators to overcome the arising difficulties are compared. It is concluded that the factor of taking into account the intrinsic conceptual and figurative uniformity of the literature work to be translated, especially if Chekhov's drama is concerned, should be of great significance.

Butorin S.S. On the Frustrative Component in the Semantics of the Particle *kaj* in the Ket Language

The paper describes some basic semantic functions of the particle *kaj* in the Ket language. It is proposed that the basic component of the semantics of the particle in question is that of frustrative, i. e. the component marking the deviation from the normal course of situation evolution as thought of by the speaker/narrator. Frustrative is defined as a semantic category expressing frustration of the

subject's intention/desire to accomplish the situation which is caused by the factors, preventing the accomplishment of the situation desired. It is concluded that the particle *kaj* is the marker of the speaker's epistemic status.

Maltseva A.A. Negative Purpose Constructions in Chukchi-Koryak languages

The paper examines the means of expressing negative purpose semantics ('in order not to') in complex constructions of three Chukchi-Koryak languages (Alutor, Koryak and Chukchi) and in the Siberian languages of some other language families. Negative purpose constructions in Chukchi-Koryak languages are an innovation in the language systems. It is confirmed by the fact that only Alutor uses a special negative purpose converb as a predicate of the subordinate negative purpose clause, the marker of the converb being the result of grammaticalization of the nominal stem denoting either an insignificant, useless object or phenomenon. The other way of expressing this meaning in Alutor, which is the only possible way in other Chukchi-Koryak languages, is the combination of the purpose conjunction (specific for each language) with unspecialized negative converbs. Other Siberian languages demonstrate two types of marking negative purpose semantics as well: an independent grammeme (Eskimo-Aleut and Samoyedic languages) and a combination of purpose and negation (Finno-Ugric and Altaic).

Levin G.G. Specific Graphic and Orthographic Features of Ancient Orhon Runic texts

The main aim of the paper is to reveal specific features of Orhon (ancient Turkic written language) texts. The paper makes an attempt to discuss the problems of variance in the way of writing runic signs and describes the specificity of writing vowels and consonants in root stems and affixes. Taking into account phonetic, structural and grammatical peculiarities of word-forms, the general representation of runic orthography is made. As a result of the analysis of the basic rules of spelling, the author proposes a new version of the Orhon orthographic system.

Koshkaryova N.B. Impersonal Verb Sentences in the Framework of Functional Semantic Field of Stativity in Russian

The paper describes the group of Russian impersonal (subjectless) sentences with the semantics of the state of environment or a person, which have the predicate expressed by an impersonal verb proper or a personal (subject) verb used impersonally. The obligatory component of the model describing the environment state is the position of a localizer which may remain unfilled if the world surrounding us or the space mentioned above in the context is meant. The models with the semantics of a person's state are differentiated in the way the subject is expressed and denote that a sensation is localized in a certain area/part of the subject, the subject being expressed by a partitive noun group. The syntactic constructions in question differ

from prototypical means of expressing stative situations in having the feature of dynamics, the former denoting the change of state or transition from one state to another one.

Bolotina Yu.N. Russian Sentence Models with Locative Semantics based on $N_1 \Leftrightarrow V_f \rightarrow N_4$ Structural Pattern

The article deals with the field of locative syntactic models containing transitive verb predicates and focuses on a particular sector of this field – syntactic models depicting static location. It is advocated that this sector comprises three models varying in the distribution of semantic roles within actant frames of core verb predicates and in the degree of spatial proximity of locative situation components. The problem of distinguishing static localization from dynamic localization is also addressed.

Kuznetsova E.S. Russian Sentences with Modus Verbs of Communicating Information

The paper investigates Russian sentences of the $N_1 V_f N_4 N_3$ structural pattern which have the core formed by a modus predicate – a verb of communicating information. Modus predicates introduce an event and describe the speaker's attitude to it, so they can have any proposition as their dictum. The author analyzes the ways the modus predicates introduce the main proposition, the ways of condensing the proposition and reducing it to a predicate actant and distinguishes a number of construction types describing a standard situation of communicating information.

Sorokina E.N. On the Structure and Semantics of Sentences with Modus predicates *заслуживать* and *стоять*

The objective of the paper is to analyze the structure and semantics of sentences containing the modus predicates 'заслуживать' (to deserve) and 'стоять' (to be worth) and based on the $N_1 \Leftrightarrow V_f \rightarrow N_2$ structural pattern. These sentences are treated as non-elementary modus-dictum sentences which represent a typical situation of "information availability" in the field of knowledge, opinion, rational or emotional evaluation. The constructions in question are a transitional stage between the simple sentence and the complex sentence.

Chistobaeva N.S. The Originality of Typical Passages of Khakas Heroic Epos (Illustrated with Motivation for a Hero's Leaving his Home)

The paper presents the analysis of the typical passages which form the basic stock of literary and poetic tradition. The author follows the structure of 'The Index of Typical Passages of Siberian Peoples Epos' worked out by Ye.N. Kuzmina. The analysis done has shown that the typical passage characterizing a hero's leaving his house has a great emotional and conceptual purport and is marked with generalization and stylistic expressiveness. This typical passage has a clear-cut compositional function and employs a set of expressive poetic means.

Mindibekova V.V. The Specific Textual Features of Khakas Myths

The paper analyzes the Khakas myths in the course of their historical development. The author distinguishes three groups of specific textual features characteristic of myth: the cohesive narration-plot, the text explaining a ritual, the text explaining an object. The author examines the evolution of this genre tracing it from the early stages of its existence when myth was characterized by simplicity of its message and a small set of literary and stylistic means to the stage when its structure became complicated and myth took the form of a comprehensive narrative.

Limorenko Ju.V. Specificity of the Tasks to be Accomplished by the Folklore Text Translator

The aim of the paper is to formulate the objectives to be gained by the folklore text translator and to outline the scope of the tasks to be accomplished while translating folklore texts. The problems arising in rendering the folklore language and style are studied and the sets of literary and figurative folklore means which can be adequately conveyed in the translated version are highlighted. The most relevant publications concerning the problems of translating folklore texts are reviewed.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Представляемые в журнал статьи должны излагать новые, еще не опубликованные результаты гуманитарных исследований по разделам:

- **отечественная история;**
- **философия и право;**
- **этноархеология, этнография, фольклористика;**
- **филология.**

Публикуются статьи, материалы обзорного и информационного характера, рецензии, хроника и т.п.

2. **Рукопись статьи** должна быть подписана автором (авторами) с указанием имени, отчества, служебного и/или домашнего адресов, места работы и телефонов.

3. **Объем статьи** не должен превышать 0,5 печатного листа (**20 тыс. знаков**), включая таблицы и рисунки, кратких сообщений – 0,25 печатного листа, информационных заметок и рецензий – 0,2 п.л.

4. Автор представляет:

– **статью в файле** на дискете в формате Microsoft Word любой версии (файлы с расширением **doc** или **rtf**);

- идентичный текст в печатном виде;
- краткую аннотацию (до 10 строк), в которой четко формулируется основная идея работы (в печатном виде).

5. Статья оформляется со следующими параметрами:

- **шрифт** в Microsoft Word – **Таймс**, кегль 12;
- если автор использует **дополнительные шрифты**, не входящие в основной набор Windows, эти шрифты должны быть записаны на дискете и переданы со статьей;
- межстрочный **интервал** – **не менее 1,5**;
- при наборе статей для журнала **не использовать макросы** Microsoft Word;
- **примечания** оформляются ссылками в конце статьи;
- **список литературы** дается в конце статьи и оформляется в порядке ссылок на источники – в виде примечаний.

6. **Графики и диаграммы** представляются отдельными файлами, выполненными в Microsoft Excel 6.0/7.0/97/2000.

7. **Рисунки** должны быть выполнены тушью на белой неглянцевой бумаге, **фотографии** (как цветные, так и черно-белые) – на гладкой матовой фотобумаге. Формат бумаги – не более А4.

Рисунки, подготовленные на компьютере, должны быть в формате **TIF**.

8. Рукописи, не удовлетворяющие настоящим правилам, не возвращаются.

Рукописи направлять по адресу:

*630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8,
Объединенный институт истории, филологии и философии СО РАН, к. 301.
Редакция журнала «Гуманитарные науки в Сибири», тел. 330–24–31
E-mail: science@philosophy.nsc.ru*